

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/ АПРЕЛЬ 2018

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке – альпинист, «Снежный Барс», творец
кыргызских горных дорог Леван Маркович Алибегашвили.

Фото В. Александрова

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail: alekivanov38@mail.ru

ПРОЗА

Александр Крячун. Горбун и Лаура, Копеечка. <i>Рассказы</i>	5
Константин Караханиди. Дом Большой и Маленький, Картофельный салат. <i>Рассказы</i>	39
Олег Бондаренко. Глаза по ту сторону. <i>Рассказ</i>	53
Дмитрий Ащеулов. Жизнь на кончике пальца. <i>Рассказ</i>	69
Акбар Рыскулов. Уход Ноктокера. <i>Отрывок из романа</i>	87

ПОЭЗИЯ

Анэс Зарифьян. Буду краток. <i>Стихи</i>	104
Ксения Милохова. <i>Стихи</i>	116
Сергей Даткай. <i>Стихи</i>	120
Алина Галыбова. Бишкекские мотивы. <i>Стихи</i>	124

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав Александров. Дорога длиною в жизнь. <i>Очерк</i>	132
Виктор Кадыров. Via est vita. <i>Эссе</i>	152

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Все в этой жизни преходяще. <i>О новой книге, посвященной</i> <i>70-летию со дня рождения Александра Никитенко</i>	165
Кратко об авторах	177

ПРОЗА

Александр КРЯЧУН

РАССКАЗЫ

Горбун и Лаура

В рабочем общежитии был первомайский праздничный день. Здесь проживали в основном бессемейные одиночки: шофёры, геодезисты, дорожники и прорабы. Люди лежали в одежде на незаправленных постелях, как пленники, прикованные цепями к железным рамам кровати. Заплесневелая скука притаилась в углах комнаты. Тоска, словно гончая сука в поисках заячьего следа, искала причину, чтобы развеять грусть.

Через грязные окна, подёрнутые серыми разводами солнечной пелены, просматривалось по-летнему тёплое небо. Оно было синим, словно отражало в себе тихое глубокое море, которого здесь нет. Его цвет не портили даже никогда немытые стёкла. В самом низу оконной рамы паутиной слизи был приклеен коричневый лист, оставшийся с прошлой осени. На подоконнике лежал слой пыли. Тень, падающая от листа, была не видна. Они сливались в однотонности.

Иногда заглядывал кто-либо из жителей, надеясь попасть на застолье. Здесь не спрашивают разрешения в таких случаях. Просто заходят, изображая на лице голодный обморок. Если они попадали в нужную комнату, гостю сразу наливали спиртного и пододвигали тарелку с маринованной килькой. В более богатых комнатах килька была приправлена мелко нарезанным луком, а у обеспеченных жильцов ещё полита уксусом.

– Ну что, соображать надо! – намекнул Портос. Своё

мушкетёрское имя он получил за высокий рост, длинные чёрные вьющиеся волосы и закрученные усы.

– Нет проблем. Кто пойдёт? – с кровати поднялся Андрей Крутой, носящий загадочную кличку Шамал, и бросил на стол десятку. Он работал в горных экспедициях и давно снискал уважение среди разношёрстной общежитской братии как справедливый и честный человек, ненавидящий бюрократов и чиновников любых мастей.

– Я схожу. Мне вахтёрше нужно отдать пять рублей, неделю назад занимал, – отозвался Пыльный Парень, получивший это невзрачное прозвище из-за всегда непричёсанной головы.

– Бери шесть бутылок, чтобы потом не ходить, – напутствовал Андрей, – и по пути пригласи Лауру, если её никто не утащил в кусты.

Тут открылась дверь, и в комнату вошёл нагруженный сумками невысокий, согнутый парень. На срезанном волевым подбородке торчало несколько толстых и длинных чёрных волосков. Под плоским киргизским носом упругими проволочками торчали в сторону смешные редкие усы. Глаза были с хитринкой, будто склеенные в уголках, но сияли добротой и учтивостью. Казалось, что его плотное тело кто-то изнутри стянул тросом, который невозможно было разорвать. Когда он повернулся боком, чтобы закрыть дверь, все увидели бесформенное и уродливое вздутие над правым плечом. Андрей вскочил с кровати:

– Алмаз, какими судьбами?

– Папка барана резал, велел передать тебе, Шамал. Водку от себя принёс. Пять бутылок. Хватит? Ненадолго я, папка говорит: «Нечего в городе жить с твоим горбом, оставайся на пастбище, найдём тебе жену». Но я думаю, что и в горах не найдётся мне женщина. Из-за жалости я не хочу. Надо любить, а не жалеть человека, – философски закончил скоротечную приветственную речь Алмаз, выкладывая из сумок пакеты с подарками.

Стало ясно, что мармеладная тоска закончилась. А чтобы подсластить начинавшееся застолье, Шамал повторил Пыльному Парню:

– Пыльный, иди за Лаурой. Найди где хочешь. Я ею сегодня угощу своего друга Алмаза, – сказал Андрей и, повернувшись к горбуну, сказал: «Сегодня будет тебе на десерт любовь!»

– Не надо шутить, друг! Со мной только потерявшая разум

женщина может лечь в постель. Даже проститутки, которым я готов платить в два раза дороже, не хотят со мной спать.

– Я тебя познакомлю с красивой женщиной. Жалеет она нашего брата и идёт со всеми, кто первый поманит в постель. Сегодня будет она твоя.

– Зачем мне такая? Мне бы жену надо, детей надо, дом надо, уют надо.

Дверь неожиданно открылась, и на пороге появилась женщина, похожая на Венеру из розовой туманной сказки. Прекрасное создание, словно балерина в пуантах, по немытому полу, где валялись окурки, спички и разноцветные конфетти, оставшиеся с Нового года. На ней была короткая джинсовая юбочка, закрывающая лишь резинку от трусиков и оголяющая красивые ноги во всём их великолепии. Она была прекрасна, изящна и красива до неприличия. Своей броской внешностью эта девица приковывала взгляд любого мужчины, независимо, с кем тот шёл: с любовницей, сестрой или женой. У неё были широкие глаза с зелёным кошачьим оттенком, которые дополнялись её грациозностью рыси.

– Привет, Шамальчик, – томно пропели красивые губы и надолго уткнулись в шею Андрея, – как я по тебе скучала. Где тебя растворяло время? Чьи глаза смели смотреть на твой мужественный лик и вмешиваться в твою лихую жизнь? И кто имел право целовать тебя, кроме меня?

– Лаура, день только начался, а ты уже пьяна, – Андрей отстранил от себя девушку, – приласкай лучше моего горного друга. Он только что прибыл с далёких пастбищ Тянь-Шаня.

– Партосик, развратный ты мушкетёр! А ты, Пыльный, так и не приобрёл себе расчёску – подарю тебе на день именин! – Лаура пошла по кругу, обнимая и целуя парней. – Это ты, милашка, прибыл из далёких пастбищ? – она подошла к Алмазу. – Истосковался по женскому телу? По тебе видно, что голодаешь по нему всю свою жизнь! – она обняла горбатую спину и прикоснулась губами к кривой шее.

Даже горный загар, покрывающий смуглую кожу, не смог спрятать пунцовость, которая начала покрывать лицо и даже руки чабанского сына.

– Не обращайтесь на меня внимания. Я так скучна, бесполо и распутна, – Лаура, истекая весенним похотливым соком, начала тереться красивым бедром о штанину горбуна.

Алмаз тяжело дышал. Он всегда боялся женских прикосновений. Это было для него испытанием. Пьяное дыхание в

самый загривок вспотевшей спины так сильно подействовало на него, что он застонал и, скрестив ноги, охая сел на стул.

– Какой ты слабенкий, – Лаура засмеялась, – а хочешь жениться на мне? Мне нужно срочно выходить замуж. Через три-четыре года я буду уже никому не нужна. Стану потрёпанной, стареющей потаскухой. Из нормальных парней меня никто сейчас не возьмёт в жёны. А для тебя я буду даром божьим. Согласен?

– Лаура, перестань! Не смейся над парнем! – Шамал сказал строго.

– Лаура сказала – Лаура сделала, – она повернулась к Алмазу: – Ну что, женишься на мне?

– Перестаньте шутить! Вас что, действительно Лаурой зовут? Или Ленкой? – горбун спросил зло.

– Лариса я! Просто Лариса! Шлюха местного разлива, доступная, как кислые яблоки из соседнего сада. Любой может сорвать, надкусить, поморщиться и швырнуть на пыльную дорожку. И здесь нет, как в деревне, домашней живности, которая дожуёт надкусанный плод. Ты не смотри, что я проститутка. Я буду хорошей женой и матерью. Я нарожаю тебе здоровых и сильных мальчиков.

– Так вы хотите превратить меня в домашнее животное, чтобы я доел остатки трапезы с праздничного стола, недоеденные другими?

– Нет! Нет! Я сказала слишком образно. Ведь я поэт! А настоящего праздника со мной ещё не испытал никто.

Лариса окончила дорожное училище пять лет назад и приехала по распределению в город работать на бензозаправочную станцию, покорять сердца мужчин и попутно искать мужа. Писала стихи, была мечтательной и романтичной девушкой. Потеряв родительский контроль над собой, быстро пошла по рукам. За ней многие ухаживали, но настоящей любви не было. Вскоре даже не стало цветов, которые ей дарили в первые годы. Постепенно просьбы сменились требованием: «Лаура, сегодня приходи в пять!» И она шла. Расплатой за любовь было несколько стаканов сладковатого вина, от которого горчило во рту. Истерзанное тело Ларисы мучило её издёрганную душу. Она начала смиряться не только с сегодняшним своим положением, но и с незавидным будущим. Иногда, по-

чти в шутку, она предлагала очередному поклоннику связать отношения настоящим браком. Но в ответ получала лишь ядовитые ухмылки с тягучим пьяным подвыванием, больше похожим на ругань базарных торговков: «Да ты что, сбрендила, баба? Кому ты теперь нужна, на тебе клейма негде ставить!» Они ломали Ларисины мечты о семье.

– Сегодня или никогда! – она решила идти с козырной карты. По глазам горбуна она поняла, что другой пары ей не найти. Все эти высокие, красивые Портосы и Пыльные Парни показывали своё мужское достоинство только в первые дни, а потом всё становилось рутинно-бытовым и кислым, как вчерашний суп, не поставленный в холодильник.

Лаура повернулась к Крутову:

– Андрюшенька, я как женщина имею право на выбор спутника жизни, с которым хочу пройти всю оставшуюся жизнь?

– Конечно, имеешь! Если ты сейчас говоришь правду, я поднимаю обе руки за ваш союз. Но если хочешь посмеяться над моим другом – лучше прекрати. Я таких шуток не прощаю! – твёрдо сказал Крутов.

– Хорошо! Я докажу, что серьёзно желаю связать свою жизнь с твоим другом. Пусть это выглядит как-то не по-настоящему, но это серьёзно.

– Ты сегодня пьяна. Давай своё веское слово повторишь завтра. И если не раздумаешь – назначим время свадьбы. Алмаз, ты согласен взять в жёны Ларису?

– Ну и цирк вы устроили. Меня сюда не впутывайте. Я такие шутки не люблю! – Алмаз отвернулся к окну, закурил сигарету. Дым клубился лениво, не достигая потолка, густой застоялый воздух не пускал его вверх. – А если даже и женюсь на тебе, – он обратился к Лауре, – родители да и весь народ, который меня знает, не примут тебя. Всем сразу будет ясно, что хорошая девушка за горбуна просто так не выйдет замуж. Все догадаются, что ты порочна и никому не нужна, как только такому уроду, как я.

– Как ты смеешь! Вот увидишь – нам будут завидовать! – Лаура после этих слов взяла стакан с водкой, которую разливал Портос, и на одном вдохе проглотила напиток.

– Если бы мой отец увидел, как ты пьёшь, он бы плётку порвал на твоей спине! – сказал Алмаз, выпуская комок дыма в приоткрытую форточку. Когда он поднимал голову, чтобы выдуть дым, его горб будто отваливался от тела, придавая жестокую уродливость бесформенному телу. Фигура Алмаза

становилась похожей на героя картины сумасшедшего художника, пытающегося изобразить слугителя ада. Широкие плечи горбуна говорили о невероятной силе.

– Когда я нарожаю тебе много детей, а твоему отцу внуков, он полюбит меня. Нас не будут любить только злые люди, так как будут завидовать нашему счастью! – на Лауру напало красноречие. Она подошла к Алмазу, положила голову на его уродливую спину и произнесла:

– Поверь мне. Я не шучу. Мы будем счастливы!

Всех немного веселило это зрелище, похожее на спектакль без сценария. Пьяные голоса подбадривали Алмаза. Он сам, выпив стакан водки, начал терять контроль от прикосновений Лауры и наконец сдался. Она села к нему на колени и впиалась губами в его кривой рот.

– М-м-м, – Алмаз не слишком упорно пытался вырваться.

– Ты мой сегодня и навсегда!

Было видно, что Лаура не собиралась шутить. Она не отпускала от себя Алмаза.

Застолье переросло в крупную пьянку. Жители общежития, узнав, что в комнате Шамала и Портоса есть алкоголь, потянулись одинокими и случайными посетителями, придумывая на ходу причины. Выпив налитую водку, поспешно уходили, сразу начиная искать новый повод для посещения комнаты, дарующей праздник.

Наступала весенняя ночь. На центральных улицах дворники пытались навести чистоту, сметая в бетонные кюветы обрывки воздушных шариков, стаканчики от мороженого и пивные пробки. Порядочные граждане выходили в сумрак вечера, чтобы насладиться звоном праздника. Им дышали огромные репродукторы, из которых выплёскивалась бравурная музыка. Многим хотелось танцевать, но не от маршей и вальсов, а от принятых в тишине кустов бодрящих напитков. Милиция строго следила за действиями граждан, пресекая слишком лихие их поступки. К району общежитий блюстители порядка никогда не подходили, зная бесполезность укрощения дикой и сумасбродной, неуправляемой и всегда пьяной толпы. К их удивлению и даже радости, драки, и тем более поножовщина, в местах проживания бездомного рабочего люда случались не чаще среднестатистического уровня по городу. Внутри общежития был свой участковый, который жил в тесной дружбе с постояльцами и даже не прочь был разделить с ними застолье.

Крутов пьянел мало, он наблюдал за Ларисой и Алмазом. Лаура вела себя совсем не так, как с другими любовниками. Она оттеснила парня в угол кровати и прижалась к нему. Со своей стороны положила подушку – как бы отгородившись от своею человечества, которое пыталось помешать ей в выборе счастья.

Когда время перевалило за полночь и многие, перебрав алкоголя, роняли свои головы на первые попавшие предметы, Крутов стукнул кулаком по столу и громко сказал:

– Всем разойтись по соседним квартирам. Останутся Алмаз и Лаура. Всем ясно?

Пыльный Парень приподнял потухшее лицо и, глядя сквозь нечёсанные космы спутанных волос, роняя слова, будто вываливающиеся куски непрожёванной еды, промычал:

– И я хочу Лауру! Почему ему одному?

Шамал резко схватил за загривок Парня, несколько раз встряхнул, приподнял и подвёл к двери:

– Тебе ещё дать пинка? Или сам пойдёшь?

– Я живу здесь! – пытался сопротивляться Пыльный и ватными ладошками хотел высвободиться от паучьей хватки Шамала. Но пальцы, натренированные в альпинистских связках, держали его крепче стальных тисков.

Портос встал, похлопал по плечам и спинам прилипших к столу парням и громко сказал:

– Подъём! Спектакль будет продолжен без зрителей. Расходитесь все!

Руки Крутова и голос Портоса, преодолевая слабое волевое решение обладателей «тяжёлых голов», с усилием выводили их за пределы комнаты, где намечалась «брачная ночь».

В общежитии был свой неписанный порядок, который соблюдался строго: если комната была нужна одному – остальные уходили. Заглядывали к соседям и оставались там, у кого на эту ночь было свободным место. Сегодняшний праздничный день убаюкал многих жильцов общаги с подругами в садах и скверах, на лужайках ближайшей лесополосы, в шалашах и палатках. Их места занимали выдворенные одиночки, у которых не было пары.

Алмаз и Лариса сидели обнявшись в темноте комнаты. Алмазу казалось, что это какая-то ошибка и его приняли за другого, положив в гарем султана с самой прекрасной наложницей. И не серый свод давно небелёных стен общежития окружает их, а пропитанный негой, соблазном и очарованием

дворец обладателя самых прекрасных тел Востока. Он испытывал страстное чувство к ней, осознавая, что стать постоянной его женщиной она не сможет. Лариса же видела в безобразности этого парня то, чего нет в других, – преданности. Она уже сейчас осознавала, что он будет честным по отношению к ней. К своему удовольствию она не испытывала неприязни к нему. Его обезображенное тело не отталкивало её, а, наоборот, тянуло неизвестной, скрытой страстью.

Сейчас на неё действовал алкоголь, способный уравнивать гения и бездаря, красавца и уroda, глашатая и немого. Она это понимала. Лариса хотела дожидаться завтрашнего дня и поставить точку в своём выборе.

– Ты не думай, что я шучу. Я вполне серьёзно! Мне нужно рожать детей. Мне нужен домашний уют. Я хочу тебя сильно-сильно, – Лаура с остервенением начала раздевать парня.

Алмаз не сопротивлялся. Он только стонал и не верил счастью близости с такой женщиной. Про её прошлую жизнь он не хотел думать, да и не знал он её в прошлом. Они с ней начали свой век.

Второй день праздника начинался лениво. Нашедшие в себе силы жители общежития просыпались и по закоулкам шли в Старое село, находящееся на границе с городом. Подходя к заветному дому, они условным стуком в замасленное окно вызывали хозяйку. Та уже была наготове. Она принимала скомканные рубли и трёшки и отдавала в дрожащие руки мутную жидкость в бутылке, заткнутую пробкой из газеты. Спёртый и резкий запах сивухи, просачиваясь через бумагу, доходил до ноздрей и сжимал горло рвотными спазмами.

Андрей ночевал в соседней комнате и проснулся рано, он хорошо помнил вчерашнее заявление Лауры и решил убедиться в её правдивых намерениях. Умывался он медленно, даже слишком, потому что хотел продлить время наслаждения друг другом Алмаза и Ларисы.

Он несколько раз прошёл мимо двери комнаты. За ней были слышны стоны и вздохи, будто два человека прощались перед казнью. Когда всё затихло, Андрей постучал и громко спросил:

– Хозяйина впустите?

Внутри зашуршали босые ноги и ключ цокнул зубом, отомкнув дверь.

Алмаз стоял посередине комнаты и надевал брюки. Упругие, будто резиновые, мышцы играли в плечах и руках парня, голая спина выдавала страшное уродство. Он быстро накинул рубашку, спрятав выпирающий горб. Лаура лежала в кровати, укрывшись до подбородка.

– Ну, не раздумала выходить замуж? – улыбаясь спросил Крутов.

– Я вчера сказала, что не раздумаю. После праздников идём подавать заявление в загс.

– Поздравляю! – Андрей пожал руку Алмазу. – Я чертовски рад, что два моих друга сделали одно счастье. А ты что хмурый? Не рад?

– Я на седьмом небе! Пошли выйдем, пока Лариса оденется, – Алмазу нужно было объяснить Крутову свою невесёлость.

Крутов достал сигареты. Прошли на кухню. Стояла тишина. Газовые плиты стояли пустые. Никто даже не грел чай.

– Ты не подумай, что я беру Лауру по нашей киргизской поговорке «голодная ворона камень клюёт». Совсем нет. Она ещё не успела совсем скурвиться и остервенеть. В ней остались материнские чувства, которые она сможет реализовать. Я ей в этом помогу. С отцом своим, я чувствую, будут большие проблемы. Он поймёт сразу, что она за «птица», и может не принять мой выбор. Но я думаю, что, если объясню ему всё, он поймёт. Если будет так, как я задумал, после первого ребёнка всё встанет на свои места.

– Слушай, Алмаз. Впереди ещё два дня выходных. Поехали на пастбище к отцу. Я поеду тебя сватать. Это получается немножко не по обычаю, но другого выхода у нас нет. Вот увидишь, если вы поедете со мной – будет намного лучше.

– Конечно, поехали. Прямо сейчас. Берём Лауру, и вперёд. У меня есть деньги – возьмём такси.

– Я сегодня ночевал в комнате у соседа Талипа. Он таксист, и у него сегодня смена – попросим его. Незнакомый водитель вряд ли согласится везти нас так далеко, да ещё и на три дня. А Талип меня хорошо знает и не будет заламывать небесную цену.

– Если я прилечу с невестой даже на самолёте, отец расплатится, ведь он уже потерял надежду на внуков из-за моего уродства.

– Верю тебе. Сейчас Ларисе скажем, чтобы собиралась. В дверь не стучали. Лаура стояла и мяла лохматые во-

лосы, пытаясь сделать причёску. Зеркала в комнате не было, и она спросила Алмаза:

– Так нравится?

– Ты мне в любом виде будешь нравиться!

Андрей посмотрел на стоящих рядом друзей и вспомнил давнюю историю про любовь прекрасной герцогини Альбы к безобразному художнику Гойе. Здесь была подобная ситуация. Уродство Алмаза стократно подчёркивало изящество и красоту его женщины. Использовала ли этот приём Лариса, невозможно было определить. Вместе они смотрелись, будто герои сказки «Красавица и чудовище».

– У тебя есть длинное платье и платок? – спросил Алмаз.

– Зачем?

– Если хочешь быть моей женой, отвечай на вопрос и не переспрашивай!

– Найду! – Лаура наклонила голову, задумалась. Было заметно, что ей не нравятся понукания горбуна.

– Иди, быстро переоденься и приходи. Поедем к моим родителям. Всё! Иди! Ждём через полчаса.

Когда Лариса вышла, Крутов сказал другу:

– Чуть нежнее нужно быть с ней! Спугнёшь!

– Нет! Она уже моя. Это я понял ночью. Ей нужен не просто партнёр по кровати, а муж. В её биографию могу вписаться только я. Но я не считаю себя жертвой. Время подогнало нас друг к другу, и мы будем вместе. Вот увидишь.

Андрей давно знал Алмаза. Познакомился он с ним, когда однажды в экспедиции проходил мимо стойбища. Нужно было засветло вернуться в лагерь, до которого ещё оставалось около пятнадцати километров. Чтобы его не видели из юрта, Андрей ушёл за хребет. Но он был замечен, его догнал на коне горбатый парень и крикнул:

– Почему мимо проходишь? Обычаев не знаешь? Опозорить хочешь нас, что не зашёл в юрту и не отведал хлеба?

– Я тороплюсь в лагерь. Извини, не могу. К темноте не успею.

Но парень слез с лошади. Взял его под руки и повёл к стойбищу. Андрей почувствовал удивительную физическую силу в этом маленьком коренастом горбуне.

– Никуда твой лагерь не денется. Покушаешь у нас, потом переночуешь и утром на свежую голову пойдёшь.

Здесь уже сопротивляться было совсем нельзя. Алмаз, так звали сына чабана, оказался довольно образованным

парнем. С ним можно было вести беседы на любые темы: от времени окота овец до загадок бермудского треугольника. Его отец, Абдумалик-ака, очень сокрушался, что горб сына – это наказание свыше, и понимал, что он не дожждётся наследника от своего сына. В семье ещё было пятеро детей, но все девочки. Пожилой чабан рассказал, что его наказал Бог за то, что однажды по недогляду он застрелил самку козерога. Когда подошёл, рядом увидел двух сосунков. Козлят он отвёз в пионерский лагерь, где был небольшой зоопарк. Но через месяц их зарезал пьяный сторож и пожарил с друзьями шашлыки.

Одного вечера за разговорами, обильным столом и хмельной водкой хватило, чтобы прикипел Крутов к новому другу и его отцу. Когда была возможность, он всегда приезжал в гости, привозил подковы, порох и даже патроны к карабину. Их он доставал через знакомого прапорщика. Отец же Алмаза к каждому празднику отсылал сына в общежитие к Андрею, снабжая его неподъёмными сумками с мясом, творогом и маслом.

– Если бы не знал тебя, Шамал, никогда не повёз бы в такие дикие места, – сказал Талип, когда машина свернула с людной трассы в сторону гор.

– Поэтому и попросили тебя. Ты сказал в парке, что на три дня уезжаешь?

– Я со сменщиком переговорил – он даже обрадовался, что водки попить вдоволь сможет на праздники.

– А вы что, погулять в горы собрались? – он покосился на Лауру, оценивая её удивительные формы лица и тела.

– Нет! Еду друга сватать к его отцу. Они женятся, – Крутов кивнул на заднее сиденье.

Водитель недоверчиво посмотрел на Андрея, трудно веря в союз красавицы и горбуна.

– Ты серьёзно или шутка? – спросил он тихо, надеясь, что прилипшие друг к другу влюблённые его не расслышат.

– Талип, я похож на гуна?

– Нет конечно. Но...

– Никаких но! Всё честно!

Асфальтовая дорога шла по берегу огромного тёплого озера, прозванного Горячим, потому что оно не замерзало даже зимой, когда в куски льда превращались воробьи и во-

роны, пожелавшие вылететь из укрытий. После двухчасовой езды по ровному асфальту такси свернуло на грунтовку. Отец Алмаза рассказывал, что эта дорога, ведущая к водопадам, была вымощена очень давно, ещё во времена правления Тамерлана. Он по ней возил своих наложниц для омовения нежных тел в священном озере. С правой стороны белой уродливой синусоидой в обрамлении жёлтых вихрастых камышей подпрыгивала на камнях небольшая речка. Колея была хорошо выбита, и водитель держал лишь направление, только иногда, при появлении развилки, уточнял путь. Здесь кончалась цивилизация. Даже трубы не лежали на ручьях, пересекающих дорогу. Посредине колеи торчали не тронутые поддонами машин сочные листья лопуха, стройные хвостики пастушьих сумок, яркий, до цвета изумруда подорожник и несбитые шары одуванчиков.

– Недолго осталось, – сказал Алмаз, – через полчаса будем на месте. Отец зарежет барана, и мы все хорошо отдохнём.

Вскоре впереди на высокой, выбеленной солнцем и отполированной ветром жердине показался знак. Он был до середины своей высоты обложен крупными скальными обломками и был скорее похож на обо, которые ставят в основном на перевалах и у родников. На его верхнем конце был посажен череп. Лаура, молчавшая всю дорогу, неожиданно вскрикнула и, схватив Алмаза за руку, прошептала:

– Это что? Я такое видела на картинках про каннибалов Австралии. Будто в каменный век въезжаем.

– Это голова зверя – покровителя нашего рода.

– Собака?

– Волк!

– Как интересно. Мне нужно знать историю твоего рода. Получается, что и я стану его членом и примкну к клану волков?

– Да, мы поженимся, ты станешь волчицей и выкормишь своим молоком наших детей. Очень давно, более ста поколений назад, был истреблён род одного племени. Остался только один мальчик, враги отрубили ему конечности и бросили его умирать в болото. Но его спасла волчица, выкормила и выходила. Потом от этой волчицы и этого мальчика родились пятьдесят девочек и пятьдесят мальчиков. Так возродился наш род.

– Как это от волчицы и мальчика родились дети? И потом все дети переженились? Это же родственное кровосмешение!

– Это легенда, и в ней не может быть вымысла. Я сказал, значит, так и было!

Купол юрты вынырнул неожиданно. Навстречу машине спокойно шла собака. Назвать это животное общепринятым словом «пёс» было как-то неприлично. Крутов, сидя на переднем сиденье, взглядом упирался ей в мощную грудь. Она не лаяла, а спокойно, будто на пропускном пункте, остановилась в стороне и смотрела, кто же выйдет из машины. Когда Алмаз открыл дверь, волкодав вытянул передние лапы и сделал что-то вроде поклона, давая понять, что признал хозяина и всех остальных людей, кто с ним прибыл. Подошёл к Андрею и уткнулся носом в колено, приветствуя знакомого человека.

Из юрты вышла мать Алмаза и начала причитать по обычаю, что прибыли гости, а стол ещё не накрыт. Она прижала сына, подошла к Андрею, обняла и его.

– Мама, познакомься, это моя жена, – Алмаз, представив Ларису, что-то добавил по-киргизски.

Мать всплеснула руками и, повернувшись, убежала в юрту.

Откинулся полог, и вышел отец. На его голове небрежно сидел полинявший калпак. В правой руке была сложенная плеть, ей он постукивал по сапогу. Правый тонкий ус был закусен губами – это означало, что Абдумалик-ака не в праздничном настроении. Но в глазах старого чабана и охотника мелькали радостные искорки, которые невозможно было спрятать. Он подошёл и, за руку здороваясь с Крутовым, обратился к сыну:

– Ты почему не предупредил, что приедешь с невестой? Хочешь опозорить нас? Где родители её? – он указал плёткой в сторону Ларисы.

– Отец, не гневайся. Мы будем жить по-современному, в городе, – Алмаз обнял отца и вошёл с ним в юрту.

Талип даже не выходил из машины. Он разложил сиденье и спал. Эта привычка урывать у времени минуты для сна помогала многим шофёрам навёрстывать упущенный отдых. Лариса впервые попала в такие места. Её очаровала природа. Она подошла к небольшой речке, которая протекала рядом, присела и, окуная ладошки в студёную воду, умыла лицо.

«Какие разительные перемены в ней произошли, – думал Андрей, – вчерашняя проститутка, доступная для любого жен-

щина, вдруг перевоплотилась в преданно любящую невесту. Да уже почти в жену. Сейчас родители устроят по обычаю обряд. Отец, конечно, для вида нагнал на себя строгость – так надо. Сам же в душе безмерно рад, что сын обретёт семью. Им всё равно, что она инородная женщина. Главное – внуки будут свои. Ведь для киргиза остаться без наследников – это самое страшное горе, которое может быть на старости лет. Внуки дочерей не считались продолжателями рода – нужны дети по мужской линии».

Лариса не отходила от воды. Бесконечное движение потока её успокоило. Она уже ни на секунду не хотела сомневаться в своём решении. Ещё вчера утром она могла бы думать, как и ранее: «Уехать в другое место, где её не знают, встретить парня и выйти замуж!» Но откладывала этот порыв. И сегодня в постели Алмаз вёл себя, не как остальные мужчины. Её всегда брали нахрапом – насытиться и бросить. А Алмаз нет – он был нежен и тактичен. Она понимала: он боится потерять такой подарок, как она. Лариса для горбуна – это как другому человеку власть над миром!

– Шамал! – Лариса повернулась к Андрею. – Скажи честно, ты одобряешь мой выбор? Только не бери за основу уродство Алмаза.

– Лаура, если вы с Алмазом поженитесь, для меня этот день будет самым счастливым. Я буду крёстным отцом всех ваших детей!

– А у киргизов крестят?

– Это образно. Не имеет значения вероисповедание, главное, чтобы были дети и счастье. Не знаю, кто для тебя Алмаз, а ты для него – подарок божий!

– Шамал, заводь сестру в дом! – сказал отец. Прошёл по направлению к машине и склонился к окну кабины.

– Какая я тебе сестра?

– Тебе Алмаз ещё в общежитии сказал: «меньше вопросов». Делай, что говорят, и будь скромницей: громко не разговаривай, платок не снимай, не поворачивайся спиной к матери и отцу, не вытягивай ноги за столом! – Крутов напутствовал Ларису обычаями, которые были этикой поведения женщины в кругу семьи. Он знал законы коренного населения не хуже самих киргизов, потому что жил с ними, дружил с ними и любил этот удивительный народ, для которых горы были родным домом, обширные пастбища рабочим местом, а Тянь-Шань – смыслом жизни.

– Кошмар какой-то! А кто ноги под столом увидит-то?
– В юрте стол – это досторхан. Он стелется на полу. Ясно?
– Ясно! Что, так строго?
– Это не навсегда! Только здесь. С Алмазом будете жить в городе – там он тебе даст жизнь свободную. До разумных пределов, конечно. Для тебя же это лучше.

Абдумалик-ака разбудил водителя. Они шли к юрте. Проходя мимо Крутова, отец Алмаза взял его за руку и повторил:

– Бери сестру и заходи.

– Пошли, сестра! – он принял напутствие Абдумалика быть наречённым братом его сына и, значит, братом его будущей жены. Всё становилось довольно просто и легко: с брата и сестры спрос родственный, а ответственность возростала в разы.

Как только Лариса вошла в юрту, мать Алмаза накинула на неё белый платок. Лаура хлопала огромными глазами, не понимая, что по киргизскому обычаю она уже жена. Назад хода нет. Если отречёшься – это позор. Общий великий позор обеим семьям.

– Принимай всё так, как делают родители. Так надо, – шептал Крутов Ларисе. – А платок теперь храни до конца дней своих.

После чая отец повелел Алмазу резать барана, а сам сел на лошадь и поехал по стойбищам пригласить дочерей с мужьями и найти свободную юрту для новобрачных.

– Как хочется побродить по горам. Например, что за тем поворотом и что за этим близлежащим хребтом? Как здесь интересно! – Лариса не переставала удивляться.

– Хочешь погулять? Не получится. Ты сейчас должна помогать разделывать барана. Отступать некуда. Будешь с сёстрами мыть кишки в ручье, они тебя научат, – Алмаз тронул Ларису за руку, – этого требует обычай.

Он подошёл к водителю и спросил:

– Талип, барана умеешь резать?

– Если у человека лицо киргиза, но он не умеет резать и разделывать барана, – это не киргиз, – резко ответил Талип, – показывай какого!

Лариса влилась в семью неожиданно и как-то сразу. Дочери Абдумалика начали звать её сестрой, а мать находила работу, но не приказывала, а просто советовала. На второй

день Лариса уже сама знала, что делать: с утра развести очаг, согреть воду, поливать из чайника на руки мужчинам, пока они умывались.

После второго дня праздника Алмаз сказал отцу:

– Мы будем жить в городе. Тебя навещать будем часто. Я буду работать.

– Благословляю тебя и жену! Я счастлив, что ты нашёл её. Кто бы она ни была, пусть рождает внуков. Я согласен, что мы не совсем по нашим обычаям произвели сватовство, отступили от древних обрядов. Думаю, Всевышний не будет в обиде – он должен сам покаяться перед нами за твою внешность. Пусть здесь моя вина, значит, он должен был наказывать меня за погибших горных козлов, а не тебя. А так он наказал весь наш род. Будет у тебя счастье. Езжай и живи в каменном городе, ходи по асфальту. Не пей только много водки. Главное – не забывай горы.

– Как я могу забыть их? Это мой дом.

Заявление в загс подали сразу же после первомайских праздников. Алмазу казалось, что кончится этот романтический сон и Лариса, однажды проснувшись, скажет: «Извини, я пошутила!» Два месяца ожидания, которые дали им для раздумий, решили пожить в общежитии. Лаура была похожа на изголодавшуюся по любви красавицу Древнего Египта, которую заполучил уродливый фараон. Несмотря на своё могущество, он ласкал и лелеял свою рабу, как равную. Она и называть стала Алмаза «мой фараон». После двух месяцев совместной жизни Лариса стала преображаться. В её глазах появилась нежность. Алмаз стеснялся ходить по улицам под руку с красивой женщиной. Лаура же, наоборот, всегда держала Алмаза за плечи, сама немного изогнувшись. Их тела в таком положении создавали параллель и подходили друг к другу. Лариса шла, гордо подняв голову и свысока поглядывая на любопытную толпу, которая хорошо её знала и ждала, когда же «всем доступная девка» вновь пойдёт по рукам.

Лауре иногда старые её приятели предлагали тройную плату за любовь, но она гордо отвечала: «Я – жена, понятно?» Алмазу же, наоборот, нащёптывали:

– Ты с ума сошёл! Эта русская шлюха опозорит тебя перед всеми родственниками. Проклянут весь ваш род.

Свадьбу не играли. Собрались скромно близкие друзья Лауры и Алмаза. Посидели, выпили. Глупо потанцевали. Пыльный Парень, насытив мозг алкоголем, пытался обнять по привычке Лауру, но, получив от неё оплеуху, понял, насколько серьёзна эта женщина, которая ещё два месяца назад могла по первому движению пальца лечь с ним в кровать. Квартиру молодые сняли в Старом селе, куда после внеурочного времени бегали жильцы общежития за самогоном. Гнали его почти в каждой избе.

Хозяйка дома, где квартировали молодые, как-то зашла за квартплатой и, убедившись, что Алмаза нет дома, спросила Ларису напрямую, решив, наверное, удовлетворить глупое любопытство, которое разъедало мозги всем бабкам в округе:

– А ты чей-то за уroda вышла-то? Неужто нормальных парней не нашла? Или по злomu умыслу залетела? Так сажала бы в тюрьму его, окаянного!

– Не ваше дело! – Лариса сунула деньги в хваткую бабкину ладонь и закрыла дверь.

Все ждали, когда же Алмаз уличит Лауру в измене и выгонит, но она сохраняла честь мужниной жены. Выходила в город только с мужем, нежно держа его руку. Носить она стала скромные платья, закрывающие её красивые колени. Согласно мусульманскому обычаю, не выходила на улицу без покрытой головы. Как и предполагалось отец Алмаза отнёсся к браку сына настороженно, но не ругал и даже не напоминал, что взял в жёны чужеродную да, по слухам, гулящую женщину.

Среднеазиатская зима прошмыгнула, будто напакостивший кот, не оставив в памяти ни сильных морозов, ни метелей. Запомнилась лишь слепящая и чистая белизна, которой она укрывала близлежащие горы. К концу зимы Лариса округлилась. У Алмаза не сходила улыбка с лица.

Беременность немного обезобразила красивую Лауру. Но она даже радовалась, что огромный живот и пигментные пятна на лице уравнивали её с горбатым мужем. Она гордо ходила по улице. Долго стояла на солнце, грея зародыш природным теплом.

Малыш родился весной. Крепкий и шумный. К радости Ларисы, сын был очень похож на мужа. Это было лучшим до-

казательством. Алмаз наконец-то окончательно поверил, что Лаура не шутила. Она его настоящая жена. У них настоящий сын. Они – настоящая семья. Самая лучшая, несмотря на разговоры, которые велись злыми людьми вокруг них.

Имя малышу не давали целую неделю, ждали, когда он окрепнет, чтобы отвезти к родителям и сделать праздник, называемый джентек той. Он устраивался по киргизскому обычаю в честь наречения имени, которое даст самый уважаемый гость.

Народу было, как и бывает на таких праздниках, очень много. Отец Алмаза был счастлив даже не радостью деда, не тем, что внук стал продолжателем рода. Он более всего думал о том, что откупился от своего Бога той оплошностью, которую совершил в молодости, – убийством самки козерога и глупой гибелью её сосунков. Как только он узнал, что у сына родился первенец, сел на лошадь и съездил в недалёкую котловину, где посредине круглой поляны стоял родовой идол Балбал, вытесанный его предками из местного камня. Он символизировал воина, давнего предка их многочисленного рода, корни которого уходили далеко за пределы Тянь-Шаньских гор и даже казахских степей, к великой матери-реке Енисей. Абдумалик-ака сидел около каменного истукана, смотрел на серое выпуклое изображение молчаливого идола, ел холодное мясо и запивал кумысом. Отрезал ножом небольшие кусочки баранины и бросал к основанию каменного болвана.

– Благодарю тебя, великий предок, что помог моему несчастному сыну обрести семью. Пусть она иноверка, но ты простишь. Дети пойдут от мужчины нашего рода, и вера моя перейдёт во внуков, и имена они будут носить наши. Я сам не хочу другой веры, кроме той, которую даёшь ты. Я зарезу много кийиков-баранов и коней в честь внука. Окроплю твой дальнейший путь кровью священных животных. Ты не будешь бояться голода в своём каменном желудке. И очень прошу тебя, прости меня за невинную жертву моей молодости – мать-теке и её детёнышей, не мою виною убитых. Если послал внука, значит, уже простил.

Абдумалик-ака вылил остатки кумыса на каменное тело истукана, сел на коня и, махнув рукой на прощание, поехал к своей юрте – ждать сына, невестку и внука.

Гости ехали и ехали. Мясо в котле не переставало вариться.

Юрта для Алмаза и Ларисы стояла в стороне. Внутренний вид был богатым. Все родственники участвовали в убранстве. Пол был устлан шкурами диких козлов, в углу стояла новенькая колыбель – бешик.

– Алмаз, когда кончится весь этот праздник? – спросила Лаура мужа, когда они остались наедине в юрте.

– Пока будут гости, праздник будет продолжаться.

– А если они целый год будут приезжать?

– Значит, весь год и будет праздник!

– У вас же бараны и лошади кончатся, чтобы варить угощение, – усмехнулась Лариса.

– У настоящих киргизов никогда не кончится угощение. Помогут родственники.

– А если у родственников кончится живность? – жену разбирало любопытство. Оказывается, она совершенно не знала народа, кровь от крови которого был её муж.

– Ты уже говоришь о запредельном, – Алмаз засмеялся, – но если такое случится, значит, гости узнают про это и будут приводить с собой животных для угощения.

– Вот это здорово! Как всё просто! Я хочу завтра походить по горам. Втроём.

– Конечно. Для малыша сделаем люльку из шкур теке. Я попрошу мать, она умеет. Возьмём его с собой, пусть привыкает к горам.

Со стороны главной юрты слышались звуки комуза. Отец Алмаза пел песни. Ночь помогала радоваться. Сизые сумерки будто лились из глубокого далёкого неба. Звёзды, размером с горловину ведра, блестели, словно глаза счастливой коровы. Их розоватый цвет мешался с зеленью голубых елей и окрашивал всё пространство в цвет синего полумрака. Лариса лежала на барсовой шкуре. Она закрыла глаза и кончиком хвоста когда-то живого зверя водила по лицу мужа.

– Почему ты никогда не спросишь, счастлива ли я? Не спрашивай! Да, я счастлива! Если тебе рассказывали про мою прошлую жизнь, пусть это и останется только рассказами сплетников. Я считаю, что я родилась в тот момент, когда встретила тебя! До этой встречи у меня не было жизни, я просто существовала в каком-то сгустке живой, шевелящейся материи. Была каким-то микробом в колбе. Теперь у нас свой мир, где ты и я!

– Да, ты и я! Красавица и чудовище! – усмехнулся по-доброму Алмаз.

– Дурачок, ты – мой фараон! Завтра попрошу сестёр поработать, а нам обязательно нужно походить по горам. Что-то тянет меня, и почему-то именно завтра.

– Хорошо. Я свожу тебя к нашему родовому идолу. Малыша всё-таки оставим матери. Одежду для похода я тебе поищу.

Прошла ночь. Через войлок юрты было слышно щебетание непонятных птиц. Различать их Лариса не могла, даже если бы и увидела. Никто её не учил орнитологии. Какая-то птаха села на край открытого отверстия в куполе юрты – тундука – и щебетала, разрывая свою узкую глотку. Она чирикала то как воробей, то заливалась соловьём, то вдруг наклонила маленькую головку и произнесла звук, похожий на кукование.

– Жулан прилетел. Эта птица приносит счастье и радость, и ещё она знает все земные языки, и даже человеческий, – сказал Алмаз. – И вдруг им послышалось, что птица сказала: «Сейчас взойдёт солнце!»

– Ты слышал, она сказала по-человечески! – Лариса схватила мужа за руку.

– Да, слышал, – ответил Алмаз. Он понял, что с женой они уже срослись душами и у них даже слуховые галлюцинации одинаковые.

Птица просвистела по-соловьиному и прыгнула вверх.

– Одевайся по-походному. Пойдём надолго. Мама посидит с малышом. Много хорошего хочу тебе показать.

Тропа шла среди нагромождений скальных обломков. Алмаз осторожно держал жену за локоть. С первого дня знакомства, когда он ещё думал, что встреча с Ларисой простая случайная связь изголодавшегося женского изгоя с королевой дворовых шлюх, он начал относиться к ней, словно к хрупкой ёлочной игрушке, которую можно разбить щелчком грязного указательного пальца.

– Ты ступай на камни, которые сильнее обиты копытами

коней. И никогда не ставь ногу на полную силу, пробуй вначале на прочность.

– Как интересно. Здесь даже в обычной тропе таится опасность!

– Ничего опасного в горах нет. Просто нужно быть внимательной и не делать опрометчивых поступков. Горы не любят тех, кто берёт их нахрапом, и тем более хвалится их покорением. Этим пошляков горы наказывают.

– А я даже в газетах читала про покорителей гор.

– Это обычный треп журналистов, которые смотрели на горы только в бинокль. Настоящие люди, тем более альпинисты, никогда не применяют пошлое слово «покорил» к горам. Если бы ты сказала Шамалу, что ходила покорять горы, он бы тебя сразу на место поставил. А вот мы и подошли. Смотри! – Алмаз показал на торчащий округлый камень, который стоял посередине небольшой куполообразной поляны. Он был похож на серый огромный большой палец гигантской руки, которая спряталась от горной стужи в тёплую землю Тянь-Шаня, чтобы отогреть озябшую ладонь.

Округлое лицо с дугообразными бровями, под которыми были аккуратно выбиты в камне узкие киргизские глаза. Прямой нос, немного припухшие губы и отсутствие шеи. Голова сразу переходила в туловище.

– Это же твоя копия! – вскрикнула Лариса, когда они подошли вплотную к каменному истукану.

– Это прямой мой предок. И не похожим на него я не могу быть!

– Какой он древний! – Лаура нагнулась и начала рукой счищать охристый налёт шершавого мха, который выползал, будто из земли.

– Ему более пятисот лет, а может быть, и тысяча. Он вырублен моим предком в честь победы над врагами, которые хотели выгнать наш род с этих земель.

– А как ты хочешь назвать сына? – спросила Лариса.

– По нашим обычаям, имя даёт самый уважаемый гость. Я хотел бы, чтобы это был Андрей, но он уехал куда-то в экспедицию. Придётся доверять эту процедуру председателю колхоза, он должен приехать сегодня.

– Ты часто приходишь сюда, к идолу?

– Нет! Мы приходим сюда в двух случаях – когда хорошо или плохо. Сейчас мне не только хорошо. Я считаю себя самым счастливым человеком. Так считают и отец, и мать. Когда

я был маленький, приходил сюда и просил, чтобы он убрал мой горб. Но он молчал. Теперь я понял – он думал, как исправить мою жизнь, и направил к нашей юрте Шамала, через которого я узнал тебя. Всё вроде бы просто, но эту сложнейшую комбинацию встреч придумал не кто иной, как покровитель нашего рода – великий Балбал.

Лариса молчала и улыбалась наивности мужа, верившего куску камня.

«Да, придумал? Подарил? – думала она. – Если бы я пьяная не зашла на праздник в комнату Андрея, ходить бы тебе, «мой фараон», всю оставшуюся жизнь к своему каменному истукану».

Лауре уже захотелось домой к сыну, как вдруг из низины, где начинался лес, раздался гулкий трубный рёв, похожий на человеческий: «Бау-ба-ба-бау!» Но так не мог кричать человек, потому что согласную букву «б» людская глотка не могла бы вытянуть так долго и спрятать в ней звериную боль.

Потом всё стихло, и через некоторое время – вновь, ещё сильнее и пронзительней, будто ревел закованный в цепи дикий невиданный зверь от боли, которую ему причинял огонь или капкан.

– Ба-ба-ау! Бау! – довольно чётко неслось из густого леса.

Лариса прижалась к Алмазу:

– Что это? Ужас какой-то!

– Это, кажется, олень кричит! Но как-то не так, как обычно. Он недалеко. Мы сможем его увидеть. Пошли.

– Мне страшно. Откуда ты знаешь, что это олень? Может быть, это какой-то злой дух нас зазывает в чащу, чтобы уничтожить!

– Что за глупости ты говоришь? Я этот рёв с детства знаю. Обычно он орёт «Бау-бау», а сейчас по-другому. Что-то его тревожит.

– Ну ты прямо язык животных понимаешь?

– А что здесь удивительного? Я вырос здесь. Всех знаю. У каждого зверя своя территория, и я в детстве, наверное, встречал прадеда этого оленя.

Алмаз начал спускаться, раздвигая кусты колючей облепихи и барбариса. Склон был не очень крут, и Лариса даже не держалась за мужа, а шла за ним след в след. Она была выше по склону и чётко видела уродливое тело мужа. Горб у Алмаза был настолько большим, что закрывал голову. После рождения сына Лариса поняла, что свой выбор сделала правильно.

Она представила своим мужем Пыльного Парня и ужаснулась, какой бы невзрачной была её жизнь с этим вечно пьяным простаком. Алмаз придержал тяжёлые еловые лапы, пока Лаура пролезла под ними.

– Его видно! – Лариса остановилась.

Олень был недалеко. Его рыжий окрас чётко выделялся ярким пятном на фоне голубовато-зелёного леса. Светло-белая часть задних ног смотрелась, как яркая вставка в штаны модницы. Гордая головка с точёными небольшими рожками, сидящая на длинной шее, повернулась в сторону наблюдателей. В чёрных выразительных глазах даже на расстоянии был виден страх.

– Это олень. По-киргизски элик. Их очень мало, и увидеть его большая редкость. Там, где обедал элик, природа становится красивее и начинают расти цветы, которых никогда до него не было.

Олень, увидев людей, не убежал, а отошёл немного в сторону, поднял голову и будто выдохнул в воздух: «Бау-бау».

Вдруг на том месте, где стоял элик, мелькнуло рыжее пятно и исчезло.

– Там кто-то лежит! – Лариса схватила мужа за руку. – Ты видел голову?

– Да, пошли подойдём.

Каменное нагромождение, на котором рос лес, было покрыто зеленовато-жёлтым влажным мхом. Он скользил под ногами.

– Осторожно! Старайся ступать на самый верх камня, чтобы не поскользнуться, – напутствовал Алмаз Ларису.

Впереди уже отчётливо виднелась маленькая головка оленя без рожек, которая то появлялась, то пряталась, будто играя в прятки. Вдруг из того места, где лежала самка, выскочили два пятнистых телёнка и бросились к оленю.

– Она ранена! – сказал Алмаз, когда подошли к месту, где лежала самка. – Да, точно, у неё подвёрнута нога.

Самка, понимая обречённость, лежала на боку и иногда поднимала голову, посматривая на людей слезящимися глазами. Был отчётливо виден вывих путового сустава.

– У них копытца маленькие, она поскользнулась на мшистом камне и провалилась в щель. Вот сюда, – Алмаз показал на узкую расщелину, – не удержалась и по инерции подалась вперёд и вывернула ногу. Её ночью сожрут волки вместе с детёнышами. Их нужно спасать!

Алмаз подошёл к оленихе. Она забилась дрожью и попыталась вскочить, но, ступив на большую ногу, которая была неестественно вывернута в противоположном направлении, упала и задёргалась, будто в смертной агонии.

– Я понесу её. Ты отойди за кусты, а когда сосунки пойдут за мной, следуй позади их. Олень так же должен пойти за нами, но близко к юртам не подойдёт.

Он положил руки на шею зверя и начал медленно гладить, постепенно опуская ладони к ногам. Когда руки подошли к суставу, Алмаз обхватил своими огромными ладонями ноги оленихи и резко закинул её тело на плечи. Туловище оказалось между горбом и затылком, тем самым попав будто в седло.

– Она тяжёлая? – спросила Лариса.

– Легче тебя в два раза. Уходи в кусты, чтобы не маячить на глазах у оленят.

Алмаз легко пошёл в гору. Олениха лежала спокойно. Её тёплый живот грел затылок. Она понимала, что, если бы ей хотели сделать плохо, уже бы сделали. Лаура отошла в кусты и наблюдала за оленятами. Те, постояв немного, двинулись за кормилицей. Они впервые видели, как их мать уносил непонятный зверь, и ещё не предполагали, что это может быть навсегда. Они не думали о том, где и как смогут присосаться к соскам, они хотели прямо сейчас. Олень-отец не реагировал на действия людей. Он щипал траву, откусывая только самые верхушки соцветий, и иногда поглядывал на действия человека, который зачем-то положил его самку на свою спину и начал удаляться.

– Смотри, Алмаз элика добыл. Шашлыки будут! – крикнул кто-то из толпы парней, которые стояли у юрты.

– Её спасти надо. Нога вывихнута, – сказал Алмаз и осторожно снял олениху со своего гроба, – несите верёвки. Зовите отца, он умеет вправлять. На своих овцах давно настоящим ветеринаром стал.

Абдумалик-ака издали видел сына и подошёл с верёвкой. Он быстро спутал ноги зверя выше лодыжек, повернулся к Ларисе и сказал:

– Дочка, иди к матери, пусть аптечку ветеринарную даст. Ту, которой я овец лечу.

Оленята стояли в стороне, совершенно не боясь толпы людей. Им ещё была непонятна суть существования этих двуногих существ. Их чутьё, перенятое от родителей, ещё не говорило им о страшной опасности, которую могут нести эти звери, которые в настоящее время спасали их мать. Они хотели кушать, и чувство голода заглушило все первородные инстинкты опасности. Издалека донёсся голос оленя: «Бау-бау». Оленята повернулись на звук, но не сделали в сторону отца и шага – они знали, что отец не может их покормить, и поэтому не ушли от матери, вокруг которой плотным кольцом стояли люди.

– Может, шашлык лучше сделаем? В лесу много эликов. Молодая, мясо вкусное, – слышался вновь тот же голос из толпы, – а у оленят, как у молодого барашка, нежное, будто соски у молодки.

– Я из тебя сейчас шашлык сделаю! – крикнул Абдумалик-ака и, скривив рот, добавил: – А ну отойдите все! Сосунков пугаете!

Толпа сразу послушалась хозяина стойбища и нехотя разошлась по юртам. Остались Алмаз и Лариса. Она стояла с брезентовой сумкой, которая была испачкана кровью и навозом до такой степени, что потеряла первоначальный цвет, и смотрелась так, будто была выделана из дублёной кожи монтажа.

Отец взял аптечку, вынул из неё баночку с мазью, бинты и несколько плоских оструганных палочек.

– Это я сам придумал для своих глупых овец. Они часто шарахаются где не надо и ломают свои тонкие ноги. Алмаз, держи ноги элику, а ты, дочка, возьми голову и прижми к себе. Звери доверяют людям больше, когда слышат, как у них бьётся сердце или журчит живот.

Лаура прижала голову оленихи к груди, и та моментально затихла, будто действительно прислушиваясь к биению сердца.

– Хорошо держите! Сильно! – крикнул чабан и резким движением вправил кость.

Олениха поняла, что ей помогают, и поэтому задёргалась не очень сильно.

Абдумалик-ака смазал ногу оленихи мазью, приготовленной из овечьего жира, горного мумиё и редкого в их горах гриба чаги. Сделал накладку из тонких палочек и аккуратно замо-

тал толстым слоем бинта, превратив тонкую стройную ножку элика в толстый белый кокон.

– Алмаз, теперь привяжи её к стойлу и уходите, пусть олениха покормится. А где вы её нашли? – спросил отец.

– Около Балбала.

– Вот! Вот! Я знал, что он пошлёт мне ещё одно испытание, чтобы я окончательно искупил свой грех. Значит, он окончательно простил меня! – отец радовался как ребёнок.

Назвали элика Лаурой. Тайну второго имени Ларисы не знал никто, кроме Алмаза. В конце августа, когда олениха уже прыгала на выздоровевшей ноге и спокойно возила на спине сына Алмаза, её отпустили.

Алмаз отвязал верёвку, похлопал её по крупу и сказал:

– Уходи и унеси прошлое имя моей жены навсегда. Потеряй его в густом лесу, утопи в горной реке, развей по холодному ветру!

Олениха ушла спокойно. Рядом прыгали два подросших оленёнка. Вдалеке их поджидал олень. Он сейчас подведёт их к каменному истукану и начнёт учить детей, как чесать бока о шершавое тело Балбала.

Копеечка

У Андрея Крутова было отвратительное настроение из-за того, что, отправляясь в командировку, он повздорил с любимой девушкой, которой на радостях сказал:

– Наконец-то уезжаю опять в горы! Целую неделю тосковал в вашем грустном городе!

В ответ подруга высвободила руку, отвернулась и ушла, бросив через плечо:

– Уезжай! Для тебя ничего, кроме гор, на этой Земле не существует!

На второй день, пока друзья грузили машину, он несколько раз подходил к телефону-автомату и набирал номер. От прикосновения трубки вспотели уши, а от гудков заболела голова. Он рывком повесил трубку на рычаг. Двухкопеечная

монета выскочила так резко, что перескочила ячейку и упала на пол.

– Ещё пригодится, – Крутов поднял жёлтый кружочек и сунул в карман штормовки.

Андрей радовался, что наконец-то попал в этот загадочный мир, о котором слышал от бывалых бродяг, – Эки-ак-шайтан. С местного наречия название дословно переводилось как «Два белых чёрта», а в разговорной топонимике оно именовалось Двуречьем белых монстров. Именно в этом месте сливались два почти равных русла и образовывали одну – могучую, своенравную, не похожую ни на одну реку планеты – реку Арын. Она была такой же мощной, как великая Волга. Только российская мать-река была шире в пятьдесят раз, намного глубже и тащила свои мутные воды медленней ползущего червяка. Здесь же, в одной из главных рек Средней Азии, вода была бесцветная. Разбиваясь о скалы в стеклярусные брызги, она летела резвым котёнком снежного барса с тяньшаньских круч и подминала под себя пустоту перекатов и порогов, разрушая тишину рёвом и рыком вихрящихся водоворотов. В глубине узкого каньона грохотали и сбивались лбами каменные глыбы, которые отёсывались течением и шершавым дном до гладкости бильярдного шара. отвесные берега сливающихся двух рек были до неприличия обнажены – как будто вырванные передние лоскуты со штанины открывали голые ноги бесстыдного тела. К вершинам обрывов близко подобралась синие ели. Казалось, что лёгкий ветерок мог свалить их в отвесную пустоту к гремучей воде. Но витые корни еловых деревьев прочно сжились с камнем, будто срослись в единую живую ткань, которую без вмешательства скальпеля не разорвать. Пятидесятиметровые обрывы до середины были мокрыми от брызг и по цвету резко отличались от блёклой синевы основной окраски. Только чёрные щели трещин одинаково смотрелись болящими шрамами на теле берегов.

По прибытии палатки установили быстро. Юра-проходчик развёл костёр. Окунбай-буровик размотал рыболовные снасти и колдовал у самой воды, настраивая только ему известные снасти и ловушки для добычи рыб в горных реках. Валера-гидролог готовил скорый ужин, прибегая к фантазиям, которые могли превратить обычное поглощение пищи в маленький

праздник на берегу реки. Крутов примостился у костра и под блёклый свет красного пламени рассматривал карту. Он будто бы разговаривал с собой, но так, чтобы его слышали другие:

– Завтра, пока вы будете капитально обустраивать лагерь, я схожу к следующему притоку. Пойду налегке, с куском хлеба. Даже воду не буду брать – не думаю, что вся река так зажата каньоном, должны быть спуски к воде. Уйду рано.

Несмотря на шум реки, утренний гвалт птиц просочился сквозь полог палатки. Андрей, не дожидаясь восхода солнца, толкнул напарника в бок и крикнул ему в заспанные уши:

– Я пошёл в маршрут по левому берегу, к верховьям реки.

– Иди! – ответил друг и натянул капюшон спального мешка на уши, давая понять, что Андрей ему уже надоел.

Во влажном, густом и тяжёлом воздухе, о который даже комары ломали крылья, висели капли. Они не падали вниз, а просто висели, опираясь на неизвестную опору. Андрей шёл, раздвигая телом этот густой кисель из росы и тумана.

– Нужно было надеть два свитера, – подумал он, но тут же успокоился, – через час и в одном будет жарко.

Крутов считал себя человеком, который знает про горы всё и может в них жить, не спрашивая у них разрешения. Конечно, его суждения были ошибочны, но молодость, дерзость и самолюбие брали верх, и поэтому он думал именно так.

Солнце, выскочившее из-за хребта, разорвало полумрак, будто кусок тряпки, за которой прятался день. Мгновенно испарились висевшие в воздухе капли, взмыл вверх пар от земли, даже чёрные щели межкаменных дырок охотно освободились от затаённой прохлады. Сразу стало жарко.

– Как хорошо, что не надел два свитера! – уже эта мысль радовала Андрея. – Сейчас тащил бы лишний груз!

По рассказам старых бродяг, знавших горы Тянь-Шаня, как содержимое своих карманов, Андрей помнил, что именно от этого места, слияния двух рек, начинается самое интересное. До первого притока, куда он собрался пойти, было километров десять. Для его натренированных ног, необузданного упрямства и желания познать непознанное дел было на один день, и он не стал утруждать себя альпинистским снаряжением и прочей атрибутикой безопасного похода.

Троп не было. Значит, в верховьях нет пастбищ. Охотни-

ки дорожек не топчут, они постоянно меняют свой путь, чтобы не пугать зверя. Любая тропа, протоптанная человеком, конём или бараном, для любого зверя – источник всевозможной информации. Он считает её своим обонянием и получает полную информацию о том, кто идёт на него охотиться.

Берега реки вскоре сузились. В узком, пропиленном за миллионы лет лабиринте истерично билась вода, у которой был только один путь. Андрей иногда подходил к краю обрыва и заглядывал вниз. Стены отвесно падали прямо в воду. Наверху появились осыпи. Растительность исчезла. Если даже она и хотела здесь вырасти, то обломки скал, медленно движущиеся сверху, сталкивали молодые ростки вниз, обрекая их на гибель.

Вскоре наступила жажда. Утром он не взял с собой воды – знал, что пойдёт по реке. А брать лишние граммы груза Крутов не желал. Жажда усиливалась. Внизу, метрах в пятидесяти, кувыркалась чистая вода. От прохлады и бульканья горло сжимал спазм. Он был похож на голодного человека, не евшего несколько суток и созерцающего, как за оконным стеклом ресторана сытый и упитанный толстяк поедает жареные свиные рёбрышки.

Впереди за узким ущельем виднелись сиреневые с голубым отливом горы. Цвет был удивительный, и, если не увидеть самому, трудно было поверить, что существует такой колорит, вылезавший за рамки общепринятого спектра преломления воздуха. Всё объяснялось само собой: здесь воздух был другой – горный. Он был чист. В нём не плавали запахи потеющих спин, модного парфюма, машинных масел и отходов человеческого быта.

Андрей шел по краю обрыва, высматривая место, где можно было бы спуститься к воде. Но отвесные стенки не давали давать шанс на утоление жажды. Хотелось даже придумывать смешные и чёрные шутки, как человек страдал от жажды в пятидесяти метрах от воды. А если взять горизонтальное положение, так вообще до воды, прохладной и вкусной, было всего метров пять.

Показалось, что впереди берег немного расширился. Это был след оползня. Угол наклона стенок был градусов шестьдесят, и Крутов решил спускаться. У воды просматривался небольшой пляж, тянущийся вдоль уреза. Руки легко находили зацепы, а ноги – небольшие опорные точки. Спуск всегда труд-

нее подъёма, и поэтому Андрей надеялся, что быстро спустится, напьётся и легко влезет обратно. Но неожиданно, уже перед самым концом спуска, ноги повисли в пустоте, склон резко менял угол наклона на отрицательный, который сверху не был виден. Удерживая тело двумя руками, Крутов оглянулся: песчаный приплёсок был близко – метрах в четырёх-пяти. Прыгать на влажный песок было безопасно, желание напиться диктовало поступок: «Напьюсь воды, а там посмотрим!»

Андрей понимал, что жажда может спровоцировать его на самый отчаянный шаг. Неоднократно бывая в пустынях, он знал, что это ужасное и паршивое состояние безводия может довести человека до сумасшествия. Он видел, как жажда за два-три дня превращала здоровых и крепких мужчин в высохшие безвольные мощи. Обессиленные и потерявшие волю, люди прокусывали вены на руках и сосали густую кровь, пили шершавыми глотками свою мочу, грызли пойманых тушканчиков и змей, разрубали панцири черепах и обсасывали внутренности, лишь бы почувствовать на засохшем языке подобие влаги. Вода в это время становилась мериллом, за которую можно было купить всё: царства, коней и жизнь!

Крутов спрыгнул на влажный песок. Сапоги промяли мягкую опору сантиметра на два. Прежде чем броситься к воде, он посмотрел на пройденный путь и понял, что попал в капкан. Пятиметровая стена с отрицательным уклоном отделила его от выхода наверх. Когда-то соскользнувший оползень перекрыл реку и она со свойственной ей злобой выгрызла целый грот в слабой породе. Андрей лёг на живот, чувствуя холодное прикосновение берега. Волны набегали прозрачными струйками. Губы ловили воду, словно поцелуи. Глотки он делал маленькими и долго наслаждался, поглощая влагу.

Путь, по которому Крутов спустился, назад его не пустит. Преграда из отрицательной стенки была неприступным барьером, который тянулся почти на всю длину пляжа. Вот здесь и пришло отчаяние.

– Даже если меня пойдут искать, сюда вряд ли кто заглянет. Кричи не кричи – голос мой до вершины не долетит! Есть два варианта спасения: искать путь наверх на узкой площадке приплёска длиной метров пятьдесят или прыгать в воду и плыть до первого удобного подъёма. Но, взглянув на стремительный поток, где невозможно было разглядеть движение воды, Андрей этот вариант отверг. Но не совсем – он будет запасным.

Стены обрыва были неприступны. Полностью изучить маршрут возвращения наверх не было возможности. Пляж шириной в прогулочную дорожку не давал пространства для обзора. Отвесная скала просматривалась максимум до середины подъёма и не давала возможности увидеть полную панораму. Нужно было надеяться на авось и идти на риск, полагаться на цепкость пальцев и великий случай, помноженный на желание выжить!

– Надо идти! – думал Крутов. – Если дальше просматриваемого пути будет непроходной путь, можно спуститься назад. Безумцы, идущие без страховки и свидетелей в скалы, обычно погибают с первого раза. Если не с первого, то со второго. Если не со второго – тогда уж точно с третьего. У меня без страховки – первый раз, значит, есть шанс. Но всё равно опасность пугала, как острая игла у зрачка глаза во время скачки на лошади!

Увидев более-менее сносный участок обрыва, на котором просматривались подходящие выступы, он начал подъём. Довольно быстро преодолел первую половину пути. Ни травинки, ни какого-либо чахлого кустика не росло на отвесах. Конечно, будь у Андрея парочка альпинистских крючьев с верёвкой, этот «смешной» отрезок пути для него был бы простой прогулкой. Теперь за свою безалаберность он отвечал сам перед собой. Он прекрасно знал, что горы не любят, когда с ними спорят. Особенно когда дерзят и бросают им вызов! Они терпят бесшабашные выходки одиночных упрямец до поры до времени и никогда не прощают просчётов. Главное – не переоценить свои силы. А идти без страховки по отвесной стене, пусть даже короткой – это всё равно что бросать вызов своему первобытному инстинкту самосохранения. Нарушение его может вызвать страх. А если придёт страх – это начало конца. Малодушное состояние в момент экстремальной ситуации – это яйцо, падающее на бетонный пол, в крутую его уже не сварить, а всмятку оно будет обязательно.

Руки гладили полированные скалы, словно бескожий череп бегемота. Сотни тысяч лет шлифовала вода тянь-шаньский гранит, чтобы в итоге дать испытание безалаберной душе одному из бродяг, для которого чужие горькие уроки не были примером, ему нужны были свои. И обязательно с риском, что каждый вздох иссушённого рта казался бы ему последним. Пальцы находили зацеп и впивались в плотный камень. Потом ноги поочерёдно искали выступы, пусть даже такие,

на которые могли примоститься лишь две воробьиные лапки. Вершина берега приближалась. Всего лишь один-два градуса отклонения позволяли себе холодные стенки, но и этого было достаточно, чтобы снять напряжение с натянутых мышц. Остался один шаг по вертикали, но кто-то, будто специально, вылизал языком поверхность скал. Стенки были гладкие, словно обсосанный брикет мёрзлого пломбира. Андрей застыл, удерживая тело двумя руками и сомнительной опорой на левой ноге. Вверх пути не было. Вниз также невозможно идти. Руки устали. Левая нога заныла. Правая конечность висела бесполезным отростком. Андрей почувствовал, что долго так не провисит. Ладони начали покрываться липким потом, который ничего не давал рукам, кроме предательской смазки. Это было похоже на конец – тело будто наливалось металлической тяжестью. Хотелось даже зубами грызть гладкий камень, но это было лишь неосуществимое желание. Пальцы ныли. Тело ползло вниз.

Ему вспомнились родной дом, мама и любимый маленький канал, который протекал рядом и назывался Арыком. Он был узкий, глубиной до детской поясицы. А сейчас внизу ревел могучий Арын. Он был страшен. Вода свистела и выла. Камень берегов был отполирован до такой степени, которую только ваятель может придать своей любимой скульптуре.

– А, Арык и Арын – родственники. Ведь вода, протекавшая в канале, через множество устьев смешивалась с одной из главных рек Средней Азии и уходила умирать в Аральское море, – Андрей скосил голову и посмотрел вниз. С пятидесятиметровой высоты река казалась чуть шире его родного Арыка.

Если бы ни песчаный пляж, который отделял скалу от воды, можно было бы прыгнуть, и шанс на спасение был. Маленький, но был. Разбиваться о мокрый песок Крутов не хотел. Стало грустно. Так бывало невесело в детстве, когда на твой день рождения выпадало дежурство по классу. Нужно было оставаться после уроков, переворачивать парты и мыть полы, орудуя огромной шваброй, которая даже в руках мощной уборщицы тёти Фроси смотрелась прицепом от трактора «Беларусь».

Левая рука прочно держалась за гладкий, но прочный выступ, левая нога стояла на двухсантиметровой площадке, правая рука елозила по гладкой стенке скалы, не находя опоры. Над головой торчал толстый корень от огромного куста, который свободно выдержит его тело, но до него нужно доползти.

Оттолкнуться бы правой ногой и прыгнуть к спасению. Но у них не было опоры, они висели в пустоте.

– На двух точках опоры долго не протянешь! – Андрей вспомнил инструктаж тренера по альпинизму Валеры Денисова: «Минимум нужны три точки опоры из пяти существующих – рук, ног и сидалища!» – вдалбливал им в молодые головы опытный альпинист, имевший под подошвами ног такие вершины, как пик Победы, Хан-Тенгри, Ленина, Корженевской и Коммунизма!

– Ну где ты, зацепочка? Эх, сейчас бы один-единственный скальный крюк, простой бы «лепесток», и все проблемы снялись бы сразу, – подумал Крутов.

Левая нога начала предательски дрожать в колене. Это признак ослабления мышц. Правая рука всё ещё что-то искала, потом машинально влезла в карман штормовки, будто в ней мог лежать спасительный крюк. Нащупал монету. Андрей вытащил жёлтый кружочек. Две копейки, которые напомнили про ссору с девушкой. Можно позвонить по телефону. Только где этот телефон? «Вызвать катафалк!» – зло усмехнулась душа. Захотелось швырнуть копейку в реку, как по традиции бросают их в фонтан, чтобы вернуться.

– Вернуться успею. Выжить бы! Монета – прочный металл!

Крутов скосил глаза вниз и увидел горизонтальную небольшую щель. Совсем узкую и короткую, будто прилипшую чёрную ниточку или волосок с гривы яка. Даже не осознавая действий, протянул руку и воткнул двухкопеечную монету в щель. Она плотно вошла до середины. Приподнял правую ногу, поставил её на этот островок шириной три миллиметра и, не думая о последствиях, оттолкнулся и прыгнул. Две ладони вцепились в корень, он выдержал и словно прилип к коже рук.

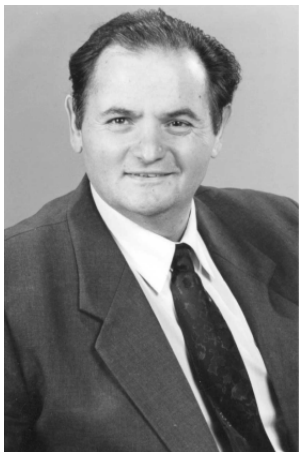
Андрей напряг уже уставшие мышцы и резко переворотом выбросил тело вверх, на пружинистую крону арчёвого стланика. Мягкая хвоя легко прогнулась и обволокла тело тёплыми ветками. Ещё не верилось, что он на берегу. Можно просунуть руку сквозь веточки и нащупать твердь – плотный, непробиваемый камень, который уже не покачнётся и будет держать его на себе. Несколько минут тело было в покое. Внутреннее напряжение начало спадать, стала нарастать нервная неприятная дрожь. Уже через минуту противный озноб начал бить всё тело. Оно задрожало, будто потрясённое сильнейшим любов-

ным оргазмом. Конвульсии пробежали по плечам, спине, ногам и животу. Андрей пробовал руками обхватить голову, но непослушные пальцы не могли уцепиться даже за волосы – они вибрировали, будто находились под током в миллион вольт.

– Копейка! Спаситель! Нужно её достать и дома положить под стекло! – глупейшая мысль пришла к Крутову. – Всего две копейки. За такой малый грош я купил свою жизнь!

Сдерживая дрожь, он подполз к краю обрыва и заглянул вниз. Монеты не было видно. Её полумесяц, шириной три миллиметра, сливался с желтовато-охристым цветом камня, а возможно, это просто глаза застилала дымчатая пелена, которая осталась от слёз. Виднелась только узкая полоска белой воды, которая издавала дикое клокотание. Андрею показалось, что он услышал музыку – уносимую водой мелодию траурного марша.

Он вспомнил, откуда взялась монета. Перед отъездом он несколько раз звонил. Бросал последнюю монету в прорезь автомата, набирал номер, но трубку на другом конце не брали. Проститься не получилось. Если бы трубку взяли, он бы, конечно, попрощался. Монету проглотил бы телефон-автомат. И её сейчас бы не оказалось в кармане. Значит, он простился бы навсегда! Но трубку не взяли. Теперь он сможет ещё раз кому-то сказать: «Здравствуй!»

Константин КАРАХАНИДИ

РАССКАЗЫ

*Моей жене Марине
и детям Георгию, Алексею, Дарье и Елене*

Дом Большой и Маленький

Едва Хозяин открыл дверь, как стало понятно, что Дом обиделся. Не было привычного тепла, уюта и той особой духовности, которая отличала его. Да это было и неудивительно. Он предал его, поддавшись уговорам жены уехать на какие-то десять дней в тёплые края. Зимой. В самые холодные дни года.

– Ну неужели мы не можем позволить себе две недельки отдыха у моря? С солнцем и теплым песком, морепродуктами и всякими фруктами, – зудела жена. – Мы столько работали без отдыха не покладая рук, а теперь достойны того, чтобы среди зимы махнуть в тёплые края. Да тут и путёвки с такими скидками.

И он поддался на уговоры и бросил Дом. Жена умела убеждать, особенно тогда, когда этого очень хотела. Как говорили историки, это были чуть ли не самые холодные дни зимы за последние лет пятьдесят.

Дом построил его дед. Строил родовое гнездо для своей молодой жены, трёх дочерей основательно, в надежде укрепиться корнями после многих лет скитаний и мучений. Потом его перестраивал отец, взяв в жены одну из дочерей деда, и

опять в надежде на расширение и укрепление потомства. Теперь дом достался ему и его детям.

– Из этого дома ушли дедушка Анастас и мой отец. Меня будете выносить тоже из этого дома, – в ярости кричал он детям, когда они, сославшись на необходимость, отказывались появляться в родовом гнезде. – У вас нет памяти и понятия родового гнезда. Вы жалеть будете потом, когда меня уже не будет, но будет поздно! Помяните мои слова. Будете мучиться, как я теперь мучаюсь.

«Неужели все напрасно?» – думал он, прислушиваясь к тишине в доме.

Воздух был вязким и волглым, такой свойственен брошенным и беспризорным домам. Угрюмо смотрели дверные проёмы, широкие окна отказывались пропускать дневной свет, камин смотрел мёртвым глазом, и даже дверцы кухонных шкафов как-то ехидно поглядывали на него и чуть-чуть постукивали.

– Виноват, всю жизнь страдаю из-за своей мягкотелости, – разводил руками Хозяин, – ты уж прости, Большой дом. Моя вина, мне и отвечать. Да ты и сам понимаешь, что это первый раз в нашей с тобой жизни, когда я так надолго оставлял тебя.

Всю свою уже довольно длинную жизнь он жил с ощущением Большого и Маленького дома. В Большом доме, который был родовым гнездом, жила его семья с бабушками, дедушками, родителями, дядюшками и тетушками, братьями и сёстрами разных родственных уровней и многочисленными друзьями всех членов Семьи. Так было удобней и веселей жить. Большой дом был широко открыт для всех и славился своим гостеприимством и душевностью. В нём всегда что-то праздновали, отмечали, помогали друг другу, а в дни скорби объединялись в едином порыве, чтобы легче было перенести тяжесть и боль. И потому он всегда чувствовал себя частью этого Большого дома, его маленьким винтиком и пружинкой, без которого механизм работал бы, но как-то не так споро и слаженно.

И был в его жизни Маленький дом, который он создавал сам и держал внутри, ощущая себя его полновластным хозяином и господином. Малый дом возник как-то неожиданно, пришел из детских игр и мечтаний, плотно поселился внутри него, постоянно сопровождая и скрашивая жизнь.

От природы чуть полноватый, а от этого и немного нелов-

кий в детских подвижных играх, которые он очень любил из-за своих многочисленных друзей, потому и никогда не мог позволить себе отказаться принимать в них участие. Приходилось часто прибегать к заветному волшебному словосочетанию: «Я в домике». Ну, кто родом из детства не помнит его, когда рука догоняющего уже готова хлопнуть тебя и замаять, вдруг произносишь заветное слово, и тебе уже не страшно, потому что вокруг возникают волшебные стены и ты спасен.

Друзья-мальчишки всегда стучали изо всей силы, стараясь обозначить своё мужское превосходство, по крайней мере, в эту минуту, ведь в другие моменты он обладал силой, и они чувствовали её. Девчонки благоволили к нему и нежно похлопывали-поглаживали, ну, иногда щипали из природной девичьей вредности или кокетливости.

Волшебные стенки Маленького дома, так удачно скрывающие маленькое пухленькое тело, совсем не работали в мире взрослых. И сколько раз он ни произносил заветные заклинания, руки взрослых беззастенчиво нарушали границы, как теперь принято говорить, территорию личного пространства.

– Надо бы протопить, а то застыло всё, - поёжился Хозяин, хотя одет был довольно тепло. - Старый становлюсь, кровь совсем бежать не хочет. Руки и ноги совсем холодные, потому и сердце пошаливает. А тут и ты, Большой дом, со своими обидами. Нам заботиться надо друг о друге и жалеть.

Лет ему было за пятьдесят, плотный, чуть рыхловатый, с заметной сединой в волосах и начинающими скукоживаться широкими плечами. Было видно, что ему становится трудно долго стоять на ногах, но чувство вины не давало расслабиться.

Первым случаем, когда он покинул свой Большой дом, была поездка в детский санаторий. Об этом любил рассказывать папа, потому что в ней он принимал самое активное участие, и это был подвиг, как он считал, во имя спасения своего сына. Папа всю свою семейную линию судьбы выверял под руководством мамы. Основные события жизни и обдумывание глобальных семейных вопросов решались при руководящей роли мамы, но ощущение было такое, что папа самостоятельно принимал решение.

В первом или втором классе мама достала путёвку в зимний детский санаторий, расположенный в пригороде. Ему собрали чемодан с чистым бельем и остальными причиндалами и отвезли в это райское место. Он впервые за свою ещё ко-

роткую жизнь оказался один на один в незнакомом месте без Большого дома.

Через два дня к вечеру позвонила заведующая санаторием и смущаясь попросила приехать и забрать винтик и шурупчик их Большой общей семьей, и родовое сообщество всю ночь гадало, что могло произойти. Все оказались заняты, и ехать было доверено папе.

Отношения папы с юмором имели односторонний характер. Вся суть любой юмористической истории или анекдота он преподносил так, что скорбные лица слушателей застывали античными масками. Но эту жизненную сагу папа рассказывал так артистично и с постоянно всплывающими до этого неизвестными деталями, что была видна сила воздействия пережитого им эмоционального шока.

– Я приехал в санаторий. Чудесное место. Много детей разного возраста играют, - папа подготавливал слушателей своеобразным зачином и работал на контрасте – горы, снег, воздух. В приёмной меня ждала заведующая. Очень интересная женщина. В кабинете было много вазончиков и горшков с растениями и цветами, потому и дышать было очень легко.

Образ здорового лечебного заведения и его руководства папа считал окончательно завершённым.

– У вас чудесный ребенок, – начала разговор она, но почему-то в глаза не смотрела, – добрый, мягкий, вежливый и в то же время совершенно не приспособленный к самостоятельной жизни.

Папа внимал.

– Тут скрипнула дверь, и нянечка, чуть отвернув голову, слегка скособочившись и придерживая за плечо двумя пальцами, будто бы боясь испачкаться, ввела моего сына.

Папа, рассказывая эту историю, всегда говорил в третьем лице.

– Шёл он так, как обычно бывало на новогодних утренниках, когда его одевали в костюм медведя, раскачиваясь из стороны в сторону, и виновато улыбался. Он был потомственным медведем на всех своих ёлках и в садике, и в школе. Я ничего не мог понять. Нянечка неосторожно резко хлопнула дверью, и тут я ощутил этот удушающий запах немытого тела.

– Он совершенно не может себя обслуживать самостоятельно, хотя мальчик, как я понимаю, из интеллигентной семьи, – теперь заведующая разговаривала сама с собой. Папа

был красивый мужчина, и заведующая не хотела в его памяти оставаться стервозной женщиной.

Чемодан и вещи уже стояли наготове в коридоре. Теперь предстояло решить самую важную задачу. Каким образом побыстрее добраться из пригорода в родной дом. О возвращении рейсовым автобусом не могло быть и речи.

– Таксист, пользуясь моментом, заломил такую цену, как за авиабилет Фрунзе - Сочи с двумя посадками в Баку и Минеральных Водах. Делать было нечего, но мы ему отомстили позже, – папа торжествовал.

– Водитель в первый момент ничего не почувствовал, видно, будущий гонорар застил ему глаза и нос. Мы положили ребенка на заднее сиденье, а я сел рядом с водителем на переднее. Несмотря на то что было солнечно, в воздухе пахло морозцем. Окна в такси были наглухо закрыты, но, мне кажется, даже открыв их, мы бы не спасли положения. Я не успевал поворачиваться то в одну сторону, где стонал мой сын, при малейшем толчке и подсакивании на каждой кочке, то приводить в чувство постоянно теряющего сознание водителя такси, который стремился бросить баранку и дать дёру. Я надеялся, что деньги к концу нашего путешествия ему уже не понадобятся, но тот оказался живучим.

Слушатели хохотали, сын, уже взрослый человек, смущённо улыбался, но портить отцу выступление не хотел.

– Дома я отдал его яичке, так у нас по-гречески зовут бабушку, – объяснял он слушателям, которые еще были не знакомы с историческими корнями нашей семьи, – и наконец-то освободился.

Бабушка была единственным человеком, которая не морщилась и не отворачивалась от внука, а, схватив в охапку, понесла в свою комнату. Она сняла одежду, уже успевшую превратиться в затвердевший черепаший панцирь, и стала обмывать тёплой водой его уставшее детское тело, постоянно приговаривая:

– Взрослые люди отправили ребенка на растерзание этим нелюдям. Какие же они врачи, если довели ребенка до такого состояния? Хотела бы я посмотреть им в глаза. Ну и что, что у него коротенькие ручки и он не может достать до попки, а они для чего? Маленький мой. Росточек мой. Радость моя. Больно тебе? Вспоминал меня, свою яю Феню?

Бабушка ругалась и ласково изливалась на трёх языках

одновременно. Все эти языки были свидетельством извилистости её трудного жизненного пути. Родившись православной гречанкой в Византии, она потом долго жила в республиках Советского Союза. Оттого и речь её постоянно пестрела то греческими, то турецкими, то русскими словами и оборотами. Когда кто-нибудь двигался очень медленно или с явной ленцой делал своё дело, бабушка Феодора подстёгивала: «ты двигаешься, как армянский пароход», что было выражением средней степени недовольства.

А в это же время Маленький дом уже рисовал завиральные картины, где он был разведчиком, засланным в тыл врага, совершал подвиги и теперь раненый возвращался к жизни на руках друзей. Раны были тяжелые, мучительные и даже, возможно, смертельные, но он боролся из последних сил.

– Яичка, я герой? – неожиданно спросил он.

Яичка, не зная о ходе развивающихся событий с разведчиком в тылу врага в Маленьком доме, неуверенно кивнула головой. Возможно, она стала догадываться о смертельной опасности его нижней части тела.

– Герой? Конечно, герой, такие мучения терпишь из-за глупости старших. Вон какие болячки. Никому тебя не отдам! – сказала она, натирая его припухлости и язвочки какой-то пахучей мазью, нежно поглаживая и целуя куда придется.

– Хочешь, пирожки испеку. С повидлом, как ты любишь? – бабушка применила привычные приёмы воспитательного и поощрительного воздействия.

И вот тогда он окончательно понял, что вернулся в Большой дом и борьба его в Маленьком доме была ненапрасной.

Он знал Большой дом, как никто другой из внуков, потому что вырос в нём, но и тот в свою очередь в своих запасниках хранил множество знаний о нем.

– Если здесь немножко поковырять, – вспоминал он, – то под многими наслоениями краски вот этого дверного косяка можно найти целую кучу горизонтальных чёрточек, сделанных карандашом.

Это была комната, где яичка занималась шитьем и выполняла заказы своих многочисленных клиенток. Каждая чёрточка, поднимающаяся все выше и выше, была свидетельством его роста. Дедушка ставил его на приступку двери, выравнивал и твёрдой рукой карандашом на уровне затылка проводил очередную ровную линию. Иногда ему удавалось чуть приподняться на носочки, и скачок роста, который сразу был заметен,

вызывал бурю восхищения у яички. Доска достижений была потому и выбрана в том месте, где яичке удобнее было любоваться результатами. Более прекрасной картины для неё не было во всем свете.

Недавно где-то на просторах интернета он увидел картинку, как вот такие чёрточки постепенно превращаются в птичек, собираются в стаи и, плавно взмывая в небо, уносятся ввысь из родного дома. И Маленький дом в панике начал выдавать картинки, приводящие в страшное смятение.

– Мои мальчики вырастут, будут самостоятельными, встанут на крыло и улетят, как эти птички, из родного дома. Я не смогу видеть их каждый день и буду безнадежно ждать каждую минуту.

Маленький дом нагнетал температуру, и он не мог остановиться. И только голос Большого дома понемногу привёл его в себя, заставляя прислушиваться к голосу разума.

– Они рано или поздно вырастут и, возможно, будут искать себя, ты не сможешь этому помешать. Твое дело – сделать так, чтобы, улетая из дома, они обязательно возвращались в него одни или с кем-то. Успокойся и не волнуйся раньше времени.

Постепенно он пришёл в себя и уже ругал за фантазии Маленький дом.

– Они вернуться, обязательно вернуться.

В последующий период его жизни Маленький дом рос очень стремительно. И если в детстве это были только стенки, едва прикрывающие его тело от прикосновений друзей и подруг, то в отроческие и студенческие годы это уже были отдельная комната с книгами, мебелью и прочими необходимыми приборамбасами.

Книги. Как много они значили для него и Маленького дома. Ведь именно благодаря им он становился смелым, сильным, ловким, благородным и справедливым. Он бродил по просторам Северной Америки с друзьями-индейцами, ходил под водой в поисках сокровищ, летал на Луну и разыскивал опасных преступников. Маленький дом чутко прислушивался к смене его настроений и мечтаний и мгновенно претворял в реальность, насколько можно было это назвать реальностью, любые его фантазии.

Именно Маленькому дому он доверял свои сердечные секреты и тайные желания. Порой близкие и друзья заставляли его с открытым ртом и устремленными в пространство глаза-

ми, пугаясь и теряясь в догадках. Но он быстро приходил в себя и становился прежним веселым и общительным молодым человеком.

Будем петь, танцевать, веселиться,

Кушать мясо и водочку пить.

Пусть улыбки сияют на лицах.

Мы сто лет собираемся жить.

Большой дом не раз принимал молодёжные компании и радовался, хотя ему очень доставалось от бьющей фонтаном молодой удали и энергии. Потом приходилось долго его отмывать и приводить в порядок. Он с достоинством зализывал раны. В то время как Маленький жил тихой и размеренной жизнью, без скандалов и войн.

– Ты так быстро засыпаешь, – с завистью, как будто обвиняя в измене, говорила ему жена. – Вот только что мы с тобой разговаривали, обсуждали что-то, и вдруг через минуту ты уже сладко храпишь, а я мучаюсь до 2-3 часов ночи. Как тебе это удается? Не понимаю.

Рассказывать о своём Маленьком доме не хотелось. Ведь если рассказать, то какой же это будет Маленький дом?

География и масштабы Большого и Маленького домов периодические изменялись. В Большом доме уходили предстатели старшего поколения, выросли дети, уезжали родные и друзья. Бывали праздники, когда они с женой оставались одни. Дети, для приличия посидев за родительским столом, бежали по своим молодым делам, повторяя его собственные ошибки молодости. Порой он очень жалел, что в том Большом доме не задерживался подольше с родителями и родными людьми, которые сегодня были безвозвратно далеко. Ему так много хотелось узнать.

Молодость неразумна, порой она руководствуется больше чувствами, а не умом. Он прекрасно это понимал, как и то, что исправить ничего нельзя. И тут приходил на помощь Маленький дом, чудесным образом возвращал родных ему людей, и он подпитывал себя разговорами с ними, извинялся, плакал, каялся, и был прощен.

Два дома – Большой и Маленький – очень мирно уживались в нём, помогая радоваться жизни, почти никогда не вступая в противоречия.

Но был один случай в его жизни, когда дома бились в непримиримой схватке и каждый жаждал победы, окончательной

и безоговорочной. Пришло время жениться, и он привёл в семью девушку. Большой дом встал на дыбы и не одобрил его выбора. Он не хотел отдавать своего мальчишка в руки этой чужой ему девушки.

Она была человеком другой национальности, другой культуры и традиций. Большой заламывал руки и требовал от него одуматься и покориться, призывая всех своих жителей и соратников на борьбу, собирая ежедневные ляля-конференции. Молодая тоже встала насмерть на защиту своих принципов. Дом Маленьких мечтаний встал на сторону молодых возмутителей спокойствия, постоянно подзуживая не прекращать борьбу и бороться, бороться и ещё раз бороться.

И тут, как всегда, пришла на помощь яя, которая приняла сторону молодых, в результате чего Малый дом победил, заставив Большой капитулировать и выбросить белый флаг примирения. Девушку приняли в дом, и вот уже тридцать лет они жили вместе.

– Марина Ивановна... – и дальше она произносила его гордую греческую фамилию, – согласишься, звучит как-то немного смешно, – продолжала она, когда после свадьбы надо было что-то решать с фамилией и оформлять документы, – ну странно.

Большой дом недовольно зашевелился, но она осталась на своей девичьей, а он не возражал. Дети получали огромное удовольствие, когда слышали препирательства родителей по поводу национального превосходства в семье и за её пределами.

За женой и мамой была страна, занимающая одну шестую часть земной суши, многомиллионная армия соотечественников и неиссякаемые запасы природных богатств, за отцом – многовековая история развития греческой истории мировой цивилизации, воплощённая в именах великих людей, оставивших свой след в науке, культуре, искусстве, политике, и знаменитая фраза из комедии «Моя большая греческая свадьба»: «Когда мои предки делали философию, твои ещё на деревьях висели».

– Сколько я из-за тебя натерпелся, – иногда говорил он жене, вспоминая прошлое, – сколько наслушался. И она признавала, что это был поступок настоящего мужчины, за который женщины любят.

Но история на этом не закончилась, и спустя много лет, когда младший сын привёл в дом молодую, теперь уже они

с женой были Большим домом и настороженно ждали ту, в чьи руки они передадут своё драгоценное чадо. Большой дом клокотал и переживал, плакал и зывал к справедливости, а Малый примирительно гасил всполохи назревающего непонимания.

Пришло время встретиться с новыми родственниками, и жена за столом рассказывала о традициях и жизненных принципах Большого дома.

– У нас, у греков, так положено, – сказала она.

Он невольно присоединился к армии несчастных жертв Медузы Горгоны и застыл с запрещённым пирожным в руках. Лицо и осанка жены были величественными и соответствовали моменту.

– Да. У нас, у греков, так заведено.

Более тридцати лет совместной счастливой семейной жизни в Большом доме не прошли даром.

– Ты подожди немного, – очнулся он от воспоминаний, – завтра приедут дети. Пусть только попробуют не приехать. Мы уберём накопившуюся пыль. Затопим камин и печку. Накроем стол.

Большой дом угрюмо и недоверчиво молчал, и только деревянные полы стреляли и щелкали то ли от холода, то ли от обиды. Запахнув полы пальто поплотнее, чтобы не выпускать то небольшое тепло, которое было, хозяин прилег на маленький диванчик, стоять на ногах было уже совсем нелегко.

Большой дом лелеял и обихаживал свою обиду, упиваясь униженностью своего положения. Столько лет верой и правдой, и вот результат.

Жизнь в Маленьком доме, в отличие от старшего собрата, в этот момент была ключом. В голове Хозяина рисовались радужные картинки, пёстрым хороводом проносившиеся одна за другой, складываясь в цельную картину радостного мира.

Дом светился от многочисленных лампочек, было тепло, слышалось топанье неугомонных детских ног его внуков и внучек вперемежку с цоканьем когтистых лап домашнего любимца ретривера. Посередине стоял большой семейный обеденный стол, раздвинутый для максимального количества гостей. На нём уже поблескивали двойные дубликаты тарелок – большая и маленькая, были разложены столовые приборы и тщательно выглаженные матерчатые салфетки, расставлены по ранжиру бокалы для вина, сока и маленькие стопочки для крепкого.

Посередине вольготно расположилась огромная ваза с фруктами и обязательным королевским атрибутом сытой жизни и благополучия – пучкастым ананасом.

Ананас всегда напоминал ему своей ненужностью и бесполезностью снопы пшеницы в приёмных аграриев в научно-исследовательских институтах. И урожаев уже не было, и новых сортов не видать, и только эти тюки сухого былого величия по-прежнему заполняли пространства этих контор. Ананас, сорванный ещё зелёным в какой-нибудь юго-восточной азиатской стране, добирался до их краев в последней степени умирания.

Жена командовала невестками на кухне, и они начали постепенно выносить салаты и холодные закуски. Запахи приготовленных блюд текли из кухни, и он слышал, как в животе начинает постанывать каждая ниточка его тела. Сыновья разжигали камин и раскладывали подушки. Выбор напитков всегда был за ним и доверялся как Хозяину, главе семьи и Большого дома. И удобное кресло во главе стола тоже было за ним.

Ждали многочисленных гостей.

Хозяин чуть поёрзал на неудобном диванчике и пробормотал:

– Потерпи немного, Большой дом, завтра будет так, как я задумал. Куда же мы без тебя!

Маленький дом продолжал нагонять сон и умиротворение.

Картофельный салат

Родители жены уехали. Они вышли на пенсию, и их ничего не держало в этих краях. Родом они были из пензенской деревни. Отец, военный человек, и семья исколесили половину Союза, осев в конце трудового пути в Киргизии. Уговоры остаться ни к чему не привели. И вот раз или два в год из Пензы с московским поездом приходили посылки, либо поздней осенью, либо зимой.

Он хорошо помнил, как, получив телеграмму первый раз, пошёл забирать посылку. Московский поезд приходил в середине ночи. Уставший состав медленно подтягивался к перрону вокзала. Встречающие сонно разбредались каждый к сво-

ему вагону. Две проводницы с натугой вытянули к ступенькам большую картонную коробку. Она была плотно перетянута верёвкой с прикрученной сверху деревянной палочкой-ручкой. Его особенно умиляла эта деревянная ручка, тщательно выструганная и отполированная тестем. Она была своеобразным жестом сострадания к будущим мучениям зятя.

– В ней что, кирпичи, такая неподъёмная? – тяжело отдуваясь, как две пловчихи-синхронистки, сказали проводницы.

– Нет, родственники что-то передали. Спасибо.

Примерившись и взяв за ручку, он рванул коробку. Сначала дело пошло довольно споро. Жили они не очень далеко от железнодорожного вокзала, и брать такси было неразумно и расточительно. Молодая семья жила довольно скромно. Он перебрался через железнодорожные пути, перешёл улицу Льва Толстого и углубился в лабиринт девятиэтажек микрорайона «Юг-2». Добравшись до дома, он уговаривал себя успокоиться и найти силы для последнего рывка. Необходимо было затащить коробку на четвертый этаж и постараться не выбросить её с высоты. Несмотря на раннее утро, жена и разбуженные маленькие сыновья ждали его у двери.

– Всё. Забирайте и не трогайте меня. Я умер, – сказал он.

Разделся и обессиленный рухнул на кровать. Сквозь быстро надвигающийся сон он слышал, как жена распутывает многочисленные завитки веревки, как падает отполированная палочка-ручка, скрипят картонные крышечки коробки и начинается общее повизгивание домочадцев.

На третий или четвертый раз падения посылок на его голову он мог с точностью до одной номинации сказать, что было сложено в этой гуманитарного порядка коробке. По краям была разложена крупная, ровная, тщательно отобранная заботливыми родительскими руками деревенская картошка. Она надёжно оберегала более подверженные опасности быть раздавленными подарки, сложенные в центре: трёхлитровую банку земляничного варенья, маринованные грибочки и огурчики, а в праздничной коробке настойку «Золотой петушок». Настойка была визитной карточкой Пензы и ценилась как наш лечебный бальзам «Арашан». Сверху, завернутый в газету, всегда лежал широкий пласт сала, припорошенный крупной солью, перцем и кусочками чуть желтоватого чеснока. При каждом восклицании матери дети приплясывали и взвизгивали, как маленькие дикари. Даже простая картошка у них вызывала восторг.

– Тащить через треть страны мешок картошки, – в нём вновь начинал закипать праведный гнев.

– Они же от всей души хотят помочь, – чистила жена, прекрасно понимавшая всю абсурдность затеи родителей. Возмущался он только картошкой, а сало, варенье, грибы и «Петушка» почему-то оставлял без внимания...

Часа через два его разбудила жена.

– Стол накрыт. Мы тебя ждём. Поднимайся.

Руки, ноги и всё тело стонало от боли. Каждая часть требовала от окружающих сочувствия. На столе красовалось всё-деревенское богатство: сало, нарезанное крупными кусками, грибочки, поблескивающие маслянистыми шапочками, маринованные огурчики с родительского огорода, большая чашка с земляничным вареньем. На подходе была горячая картошка. Дети были счастливы. Старший выковыривал ягодки земляники из чашки и, взяв за длинный стебелёчек, тащил в рот, вся рожица была измазана. Младший крепко держал в руке пупыристый огурчик.

– Младший – вылитый твой отец, – проворчал он. – Даже огурец держит, как он. Ваша порода.

– Зато старший – вылитый ты. Экспертизы не надо. Ничего не видит, кроме сладкого. Недавно стрескал коробку шоколада, залез под кровать, и, пока не доел, вытащить было невозможно.

Картошка подошла, и жена выложила её на стол. Картошку он признавал только вареную «в мундире», тогда она сохраняла свой запах и вкус. Дети же требовали картофельного салата. Рецепт картофельного салата пришёл из его детства и был очень простым. Очищенная картошка резалась на небольшие кусочки, шинковалась луковица, которой необходимо было дать время избавиться от горечи и резкого запаха, слегка посолить, поперчить, полить подсолнечным маслом и окропить капелькой уксуса. Каждый ингредиент салата отдавал свой вкус и запах, делая его богаче и желаннее. Перемешивать надо было осторожно, чтобы он не превратился в кашу.

В детстве отец ставил на стол к нему тарелку крупной красной солёной капусты, сделанной по традиционному кавказскому рецепту со свёклой и с морковью, специями, чесноком и, самое главное, стручками острого красного перца. Обычно солил её отец в гараже в деревянной бочке в середине осени. Кочаны капусты сбрасывали грязные, вялые и пор-

ванные верхние листы и становились блестящими и сверкающими шарами. Отец делил их на хрустящие скрипящие полюски, перекладывая кусками нарезанной свёклы и моркови, вплетая перья острого и жгучего красного перца, щедро посыпая все это богатство крупной солью. Спустя время капустные четвертинки приобретали темно-красный цвет от свёклы и не теряли ни своей упругости, ни приятной хрусткости. Отец очень любил делать запасы. Если в доме не было двух булок хлеба – это было трагедией.

– В доме всегда должен быть хлеб. Что хотите говорите, я так хочу, – кричал он.

Переживший в юности депортацию и голод во время высылки в Среднюю Азию, он, по всей видимости, на всю жизнь сохранил этот страх. Испытание голодом как наказание и унижение неизвестно за что.

Отец вручал сетку и гнал его за хлебом, благо магазин был рядом. Свой протест он выражал весьма своеобразно: начиная грызть хлебную корочку и планомерно объедая всю поверхность булки, как большая толстая мышь. Белый круглый хлеб или серый полубелый кирпич по 16 копеек попадал домой в сильно усечённом виде.

После отцовской смерти бочка высохла и распалась. Ещё долго в гараже лежали кучкой деревянные дощечки и железные обручи, потом незаметно исчезнувшие.

А посылки... Посылки перестали приходиться, когда не стало родителей жены, и некому было любовно складывать в коробку картошку, варенье, грибочки и «Золотого петушка». Районных пензенских газет тоже не стало. Дети, повзрослев, научились сами делать картофельный салат. А ему иногда так хотелось вскочить среди ночи, добежать до вокзала и получить тщательно завязанную неподъемную коробку с до блеска отполированной палочкой-ручкой.

ГЛАЗА ПО ТУ СТОРОНУ

Рассказ

Лейла ненавидела своего шефа. И поэтому, когда он её вызвал и отдал распоряжение заказать билеты на самолёт до Сейшелов, она обрадовалась чрезвычайно – по крайней мере, дней десять можно будет вздохнуть спокойно. Эта новость весьма быстро распространилась по офису, и сотрудники как-то приободрились: собственно, ради таких моментов и можно было работать и жить.

Шефа все ужасно боялись, и никто его не любил. Высокий, моложавый, спортивного типа, очень активный и стремительный, он даже не ходил, а бегал, лично проявляя интерес к деятельности каждого отдела и подразделения возглавляемой им компании сотовой связи. Но проблема была не в этом. У шефа был поразительно вздорный характер, и он проявлялся в грубом, мелочном вмешательстве в повседневную работу фирмы на каждом её уровне – даже тогда, когда в этом не было ни малейшей необходимости.

Шеф всегда всё знал лучше всех. Выходец из простой рабочей среды, комсомольский вожак в прошлом, он фактически начал с нуля и всей своей блестящей карьерой был обязан только себе самому. Умница в одних вопросах, иногда он казался капризным, необузданным и упрямым до глупости в вопросах совершенно иных. Подняв маленькую фирму и сделав её со временем весьма представительным региональным оператором связи, её бессменный президент уверовал в свою непогрешимость и давал бесконечные советы всем окружающим специалистам в самых разных делах и областях: своих водителей он учил ездить по городу в час пик, садовнику объ-

яснял, как надо поливать цветы, медсёстрам выговаривал за неправильно сделанные уколы, менеджеру по рекламе и PR давал указания, какого цвета должны быть рекламные модули в том или ином издании, техника мог рассчитать за неудачное, по его мнению, решение технической задачи, хотя предложенное им собственное могло оказаться несостоятельным буквально на следующий день.

Отличительной особенностью шефа была лысина – блестящая, круглая, стопроцентная. Нельзя сказать, чтобы волосы у него совсем не росли, напротив, до недавнего времени его украшала весьма пышная, волнистая шевелюра; но верный своему правилу шокировать людей и «делать всем назло», он остригся и каждое утро тщательно выбривал ослепительно голый череп. Шеф любил красоваться перед телекамерами и делать порой совершенно беспардонные заявления. При этом он похлопывал себя по лысине, вызывающе поглаживал огромную золотую цепь, висящую на груди, и мечтал о том, чтобы стать президентом или – в минуты более скромного состояния души – губернатором. «Пусть они узнают мою идеологию! – говорил он в порыве откровения Лейле, скромно стоявшей с записной книжечкой перед его рабочим столом. – Пусть запомнят, что в этом мире есть высшие ценности! Если они все придурки и козлы, то мы их научим духовности, научим, что, кроме жратвы и выпивки, есть вещи поважнее и их нужно уважать!»

«Лейла! – продолжал шеф и внимательно, пристально всматривался в неё своими ясными, холодными, пронизательными глазами. – Ты вообще понимаешь, о чём я говорю? Ты веришь, что можно переделать этот мир?!» «Да, шеф, – отвечала она, как замороженная, зомбированная его внешней страстью и холодным внутренним расчётом. – Вы же знаете, почему мы все с вами, почему мы боремся и сражаемся за вашу идею. Только вы можете навести порядок в стране, крае, городе, наконец... Сегодня пришли новые времена, и только наши единомышленники могут сделать Россию цивилизованной страной!..» Шеф долго молчал, внимательно изучая свою секретаршу, и она чувствовала себя совершенно беспомощной, а может быть, и раздетой под его пронизывающим взором.

«Хорошо, иди, – отпускал он её наконец. – Позови ко мне этого, ну из отдела билинга, Максима, как его... Очкарика».

«Слушаюсь», – отвечала Лейла и мчалась к телефону

внутренней связи, мечтая о том, чтобы Максим оказался на месте. Добровольно к шефу никто заходить не хотел, и он сам по очереди вызывал к себе некоторых специалистов, основной обязанностью которых было выслушивать его прониженные речи и размышления, набирать номера телефонов нужных людей и деликатно подсказывать идеи, которые шеф потом с полным правом выдавал за свои. Особенно доставалось Максиму из отдела билинга, вероятно, потому что он был молчаливый интеллигент, и порой Максим просиживал в кабинете президента с утра до вечера, а потом, по ночам, делал свою работу, за которую шеф спрашивал очень жёстко. Увы... Сейчас Максима на месте застать не удалось – он уехал в Телеком заключать договор; не было также Олега из расчётного и Николая Ивановича из маркетингового центра – обычных «завсегдатаев» президентского кабинета. Лейлу передёрнуло, и она, уже зная, на кого сейчас выльется активность президента, с ужасом сообщила последнему о результатах служебных поисков. Конечно, можно было позвонить ребятам на сотни – шеф и сам мог бы это сделать, но по неписаным законам такое не практиковалось, по крайней мере, в случаях, если прямо не было связано с работой, а имело отношение к эмоциональному настрою патрона и его необходимости выговориться.

«Болтаются черт знает где! – ворчал шеф. – Ну ладно, тогда зайди сама...» – и он бросал трубку, а несчастная секретарша в бессилии сжимала свои маленькие кулачки с ухоженными ногтями. «Ненавижу, ненавижу, ненавижу!..» – шептала она про себя, направляясь тем не менее в роскошный кабинет президента с блокнотиком и папкой. А бывало, что шеф поручал ей готовить особый чай и кофе (хотя при фирме имелся небольшой бар для сотрудников) или «смотаться» куда-нибудь за бутылкой дорогого коньяка – и Лейла послушно выполняла его поручения, вкладывая в дело всю ненависть, на которую только была способна.

«Ненавижу, ненавижу!» – говорила она себе, и, может быть, это чувство оживляло её и делало само существование небесным.

Лейла работала в фирме уже шесть лет, то есть в какой-то степени могла считаться ветераном. Шеф относился к ней как к чему-то само собой разумеющемуся – как к мебели, и, возможно, это бесило её больше всего. Правда, временами шефу не чужды были великодушные и непонятное мужское благородство (особенно в первые годы работы); это ставило Лей-

лу в тупик, иногда переполняло её бурей чувств, приводило в восторг, она даже готова была бросаться к нему на шею и целоваться – щёки, нос, лысую макушку, губы... Но её всегда останавливали глаза: внимательные, цепкие, безжалостные, Лейла боялась его сверлящего взгляда и очень быстро приходила в себя. Однажды он узнал о беде Лейлы – её дочка, её маленькая нежная доченька страдала болезнью Дауна. Лейла обожала свою девочку, но стеснялась её кому-нибудь показать и тихонько навещала раз в неделю у престарелых отца с матерью, которые приняли на себя все заботы о больном ребёнке. Президент компании ничего не сказал. Но отправил домой к родителям Лейлы целый ящик игрушек, а потом сам долго звонил по знакомым, пока не устроил девочку в престижный интернат для слаборазвитых детей.

В те дни Лейла готова была для него на всё. Она согласна была прийти к нему туда, куда он скажет, сделать то, что он велит. Но, к сожалению, он ничего не требовал и просто забыл о происшедшем – или делал вид, что забыл. Повседневные будни вытеснили этот случай куда-то в потаённые и благодарные глубины памяти. Взамен вновь пришли равнодушие, грубость, вульгарность, рабочие «наезды», перепады настроения, крики и поучения и – этот ужасный, холодный, пронизывающий взгляд.

«Лейла, зайди», – бросил он недовольным тоном в трубку. Она знала эти предвестники надвигающейся бури, чувствовала то, что, может быть, не чувствовал сам шеф. Сегодня она сделала всё возможное, чтобы облегчить президенту отлёт на Сейшельские острова, – заказала билеты, послала ребят из расчётного оформить страховку, списалась по электронной почте с компанией, обеспечившей визу и бронь в гостинице – лучшей гостинице «Виктория», номер на двоих. Да, на двоих. Она знала, что та, другая, которой предназначался второй билет, задерживается – у неё возникли какие-то непредвиденные проблемы с сессией (та, другая, училась в университете в далёкой стране). Подробности Лейле не были известны, но хватало того, что шеф нервничал, поскольку график его работы был расписан на месяцы вперёд, и он интуитивно искал, на ком выместить растущее в нём раздражение.

«Где перевод писем?!» – напустился он на неё с места в карьер, и в его голосе послышались металлические нотки. Речь шла о письмах к руководству островной республики в связи с организацией одного предприятия в свободной эко-

номической зоне островов (шеф всегда сочетал приятное с полезным, отдых – с деловыми мероприятиями). Квалифицированных переводчиков на фирме не было – не так давно президент рассчитал последнего, а уровень знания языка своими менеджерами его по какой-то причине не устраивал, несмотря на полученное ими образование в США. Поэтому пользовались услугами переводческого агентства.

«Вы вообще там занимаетесь онанизмом или работаете?! – кричал шеф, не слушая объяснений Лейлы (самое обидное, что вопрос переводов входил не в её компетенцию, а юридического отдела). – Я вас всех, блин, уволю, если не можете нормально выполнять свои обязанности! Быстро ко мне юриста и Николая из маркетинга! Чтобы мне сейчас же был отчёт о проделанной работе за месяц!»

Лейла выскочила за двери, чуть дыша, и вторично села на телефон. – Алла, к шефу зайти! – скороговоркой выпалила она начальнику юридической службы. – Да, срочно, там такое!..» «Где Николай Иванович?» – волновалась она в трубку, обнаружив, что последний вернулся в компанию, но вышел куда-то из комнаты, оставив сотку на рабочем столе. Из-за двери президентского кабинета послышалась непристойная ругань. Лейла выскочила из приёмной и помчалась по коридору. «Виталик, Николая Ивановича видел?» – на ходу спросила она у охранника. «Вон он, покурить пошел...» – меланхолично отвечал секьюрити, указывая рукой на стеклянный вестибюль с кадками пальм. «Николай Иванович, вас к шефу!» – торопливо постучала Лейла пальцами по стеклу, чувствуя, как сильно бьётся ее сердце. «Сейчас иду», – руководитель маркетингового центра сплюнул и недовольно загасил недокуренную сигарету о пальму. Потом он почему-то замешкался.

Лейла, не дожидаясь возвращения Николая Ивановича, чуть ли не бегом поспешила обратно. Дверь президентского кабинета была распахнута настежь, и шеф что-то бросал в лицо юристу. «Где этот, из маркетинга?! – шеф гневно обернулся к Лейле. – А саму тебя где черти носят, почему нет на рабочем месте?! Что, месячные начались, что ли?! Я вас всех, блин, научу работать!!!» Он ещё что-то сказал резкое, неприятное, но Лейла, наверное, это уже не услышала, потому что у неё потемнело в глазах...

...На улице шёл дождь, мелкий, пронизывающий, морозящий дождик, и выходить из конторы совсем не хотелось. Лейла стояла у окна с сигаретой в руках (плевать, что курить

в приёмной воспрещалось!) и смотрела с высоты этажа вниз, на автотрассу, запруженную несущимися машинами. Ей ничего не хотелось – ни идти домой, ни заканчивать работу, ни жить. Она стояла и курила, глядела наружу и тихо ненавидела. Ублюдок, мерзавец, сукин сын! – повторяла она про себя, глотая слёзы. Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Ей вдруг представилось, как самолёт, на котором шеф полетит на Сейшелы, потерпел аварию, как шеф – вместе с той, другой, трясущейся от ужаса – закрыл ненавидистые глаза, считая секунды, оставшиеся до удара о землю, как он обхватил руками свою бритую голову. И, может быть, в последний миг – в один краткий миг! – он вспомнит о той, которая его ненавидела и которой он сделал так больно.

«Да, я уйду с работы! – говорила себе Лейла. – Не могу, не могу и не буду работать с этим чудовищем!» – она поёжилась, вспоминая его жёсткий, изучающий взгляд. – Не останусь с ним ни единого дня! Я даже дела передавать никому не буду – просто уйду домой и не приду завтра утром, пусть потом сами разбираются в моём компьютере. Какой же он подлый, низкий, ах, как я могла столько времени убить на эту отвратительную контору!

А где же мне теперь работать?.. – продолжала она размышлять, следя за потоком машин за мокрым стеклом. А какое это имеет значение? – она выдохнула струйку дыма, которая тут же растворилась в полумраке неосвещённого помещения. Вообще, какое имеет значение, если я завтра совсем никуда не пойду? И вообще никогда и никуда?.. Кто подумает обо мне, кто вспомнит, неужели этот дебил?! Тут ей пришло в голову, что самолёт и в самом деле может не вернуться с Сейшел. Ах, если бы он там погиб! Ах, если бы в салоне оказались террористы! Ах, если бы на Сейшелах его укусила акула! – и Лейла, сама не понимая как, вдруг почувствовала, что понемногу начинает воспрывать духом. Ну, конечно, он рано или поздно умрёт – погибнет, подохнет, вместе с этой своей, и, вполне возможно, даже уходить из фирмы не понадобится – здесь можно прекрасно работать, если бы только... Если бы только... Не этот... Беспардонный взгляд...»

– Ну-ка, что это вы в темноте сидите, – сказал кто-то за спиной и включил в приёмной свет. Оказывается, уже совсем стемнело. Лейла быстро повернулась и с замиранием сердца поглядела на шефа – спокойного, даже немного загадочного, как всегда, уверенного в себе. Шеф был одет в дорогой кожа-

ный плащ, и капельки влаги стекали с него на пол, образуя небольшую лужицу. Лысина – ах, эта лысина! – сияла, как блестящая фарфоровая статуэтка.

– Лейла, нужно идти домой, – назидательно сказал шеф. – Почти все уже ушли. Что же одной оставаться? – он немного подумал и добавил: – Работа не волк.

Лейла молча уставилась на него, кусая губы. Ей хотелось сказать: ненавижу тебя! Ненавижу! И ещё о том, что она подаёт заявление об уходе по собственному желанию. Однако, как это ни странно, её как будто парализовало. Она просто не владела ни своим телом, ни своей речью и не могла выговорить эти такие важные, такие нужные слова... Сигарета постепенно догорала у неё в руках.

Шеф сделал вид, что не заметил сигарету (сам он не курил и не выносил табачный дым, делая исключение лишь для хороших гаванских сигар). Он неторопливо прошёлся туда-сюда по приёмной, мимоходом взглянул в Лейлин компьютер.

– Я сегодня... – он замялся, – был не в духе. Сами знаете, – нервы напряжены перед поездкой, много дел и всё такое... Короче, у меня сейчас всё в порядке. Полечу, как на крыльях, – и никаких проблем! – шеф сам улыбнулся собственной шутке.

Лейла молчала.

– Короче, идите домой, вы сегодня славно потрудились, мне помогли, – сказал шеф. – Если что, не сердчайте, мы ведь одна команда, – он повернулся к выходу, взял кое-какие бумаги. – Да, это вам, так, сувенир мелкий. На память. Ведь я лечу в отпуск, а вы на рабочем месте остаётесь... – он опять улыбнулся и посмотрел на Лейлу тем взглядом, которого она так боялась. – Идите домой.

Дверь приёмной хлопнула, и Лейла услышала удаляющиеся по коридору шаги. Она посмотрела на маленькую коробочку, оставленную шефом на её столе. Маленькую серенькую, довольно-таки изящную коробочку. Механически, почти не соображая, что делает, Лейла открыла её. Там на бархатной подкладке лежали две бриллиантовые серёжки, слабо мерцаая в электрическом освещении ламп дневного света. Лейла долго смотрела на них, и ей казалось, что она видит глаза своего шефа – такие же холодные, такие же отстранённые, такие же немигающие и – такие же невыразимо дорогие.

- И ты взяла?!
- Да, Эльмира, взяла. А что мне оставалось делать? Он так настаивал, уговаривал... А сам смотрел на меня этим своим жутким взглядом... Ну а что бы ты делала на моём месте?
- Я бы... Я бы... Я бы хотела их посмотреть. Покажешь?
- Конечно, давай завтра встретимся. После работы. Алло!
- Что, до завтра обязательно надо ждать? Слушай, Лелька, сейчас приезжай, а? У меня ещё полбутылочки осталось – той самой, помнишь?.. И серёжки захвати!
- Не знаю, Эльмира... Не знаю. Да сейчас поздно уже, – пока я до тебя доеду, через весь город... Ночью... Не хочу.
- Я до завтра не доживу – посмотреть хочется. Мне таких подарков никто не делает!
- Не могу, Эля, не могу... Сегодня не могу. Настроения вообще нет. И сама подумай, каково мне...
- Ну, Лейлёночек!!!
- Нет, не приеду... Не могу. Ах!.. Ну почему вечно так со мной случается, почему?!
- А что случилось-то? Господи, ну взяла ты эти серёжки! Глупость, конечно! Теперь придётся или отработать, или выкручиваться. Но, с другой стороны, у тебя есть кто-то другой на примете?.. Лель, подожди, подожди! Не плачь!
- Элечка...
- Ну я тебе сказала – не плачь! Не хочешь – отдай ты их ему, и всё! На фиг он тебе сдался!
- Я его ненавижу, он гад, скотина! За что он меня так?
- Прекрати! Слышишь?
- ...
- Лелька, я тебе сказала, не плачь! Ты меня слышишь?
- Да... Извини. Извини. Что-то со мной случилось. Уже прошло...
- Так ты ко мне приедешь?
- М-м... Нет, Эльмира, давай сегодня – всё. Я не могу. Я хочу самой подумать.
- О нём?
- О нём, если тебе угодно! И почему всё так у меня получается?
- Ну, Лель, ведь ты сама виновата, что он на тебе ездит. Помнишь, тебе предлагали в издательский дом перейти работать – этот, как его... Короче, не важно. И ты не пошла?

– Да, я знаю, Эля. Всё так. Но я не могла тогда пойти. Он мне с доченькой помог. Как я могла его оставить?

– Вот-вот. А он этим пользуется! Он играет с тобой!

– Глупости, Эля. Если бы играл, он бы мне ЭТО не подарил.

– Много ты понимаешь в мужиках. Он хочет тебя.

– Так ведь он не признаётся...

– Вот дуручка! Он имеет тебя каждый день как хочет! Тебе бежать от него надо куда глаза глядят! Хоть в твой издательский дом, хоть куда! И в том, что ты у него сидишь, вся твоя беда! Не надо плакать, что всё с тобой не так случается!

– Элечка...

– Да, Лель.

– Я знаю, ты хочешь мне добра. Подскажи, как я могу разорвать этот замкнутый круг! Как могу остановить его, прекратить этот ужас?

– Я тебе так скажу, Лелька. Он тебя поймал – ты теперь всё время чувствуешь себя обязанной ему. Но ничего хорошего из этого не получится. Ты ведь его не любишь?

– Ненавижу гада!

– Вот-вот! Значит, любишь всё-таки. Он садист, и он испытывает тебя, он кайф получает от того, как тебе плохо. И ещё эту свою молодую-длинноногую подключил.

– Ненавижу её!

– Правильно. Она сука, как и шеф твой. Я тебе говорю – не делай глупостей. Хочешь остаться целой, нормальной, живой, беги от него! Беги сразу и наплюй на эти его бриллианты! Они тебе не идут! Можешь вернуть их. Только не спеши, не завтра, я хоть посмотрю их, может, они на самом деле ничего и не стоят.

– О, Эльмира!..

– Ты спросила моего мнения – я тебе сказала! У тебя с ним никаких игр не получится. Он кот, а ты – мышка. И причём он кот не голодный, он зажрался, и ты ему даже в качестве мышки не нужна!

– Ненавижу его! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

– Ну, уходи от него! Отдай ему подарок – завтра мы его посмотрим, обсудим и решим, как лучше тебе его вернуть.

– О, Эльмира, у меня нет сил!

– Нет сил? Так подумай о ней! Как он там, с нею, на своих Сейшелах будет!

– Ненавижу! Убью тварь!

– Кого из них?
– ЕЁ! Её первую! Убью, убью! Чтоб у неё всё пошло прахом! Чтоб она там забеременела! Чтоб он её бросил! Нет, хуже – чтобы выкидыши у неё всё время были! Чтоб ей, суке, уже даже онкологи не могли помочь!
– Подруга, ты чего?! Бога ради... Это ты уже...
– Я её задушу! Выцарапаю ей глаза! Пусть мучается, пусть страдает, гадина!
– Лейла!!!
– Да, да, да, Эльмира! Не перебивай меня! Ты хотела всё знать?! Так знай, я не уйду от него, пока он не сдохнет, пока его не скрутит от страшных мучений, пока его брюхо не разорвётся вдребезги, пока его лысая черепушка не треснет от гнева господня!
– Лейла, что с тобой!.. Это ты палку перегибаешь. Я же не имела в виду ТАКОЕ прекращение отношений. Бог...
– Ненавижу Бога, который допускает всё это!
– Лейла, успокойся!
– Да, да, да! Я мечтаю и вижу, как его самолёт взрывается в воздухе – с этой дрянью, и она рыдает, воеет, но уже поздно, он хватается за ручку кресла и думает больше не о ней! Они летят в воздухе! Земля приближается! И он!.. Он!.. О-о-о!!! Ненавижу его!
– Лейла, побойся Бога! Я никогда не любила твоего шефа, но есть вещи, о которых говорить нельзя.
– О-о-о, почему так? Только один выход, только один способ разорвать этот замкнутый круг – он должен умереть, уйти, погибнуть страшной смертью. И я должна остаться одна – сама, свободная от этого дьявольского наваждения.
– Лейла, послушай...
– Но больше всего...
– Лейла!
– Но больше всего я ненавижу его глаза... Его жуткие, кошмарные глаза, смотрящие мне в душу. Его леденящий взгляд. Они всегда со мной!
– Взгляд у него противный. Но ты преувеличиваешь.
– Да, да, да... Эти глаза – они всегда устремлены на меня и всегда оказываются где-то не здесь, по ту сторону... Я их вырву! Я хочу, чтобы их выбило в катастрофе, и они упали на землю, – нет, мне на ладонь, и я бы раздавила их ногтем!
– Подруга!!!

– Да, да, да, ненавижу! Эти его бесстрастные, холодные глаза! О-о-о!..

– Лейлёночек, хватит! У тебя истерика!.. Успокойся!.. Слышишь?! Жаль, что я так далеко от тебя живу! Ты ляжь пораньше, ванну прими и просто отвлекись. Прошу тебя, пойми, он тебя довёл до этого ужасного состояния, но ты окажешься сильнее его!

– О-о-о...

– Лелька. Прекрати, ради Бога, прошу тебя. Мы уже обо всём договорились. Завтра так завтра. После работы. В семь.

– М-м...

– Успокойся, я сказала. Иди спать. Ему за всё зачтётся. Бог есть – он всё видит, он всё поймёт.

– Элечка...

– Мы договорились. Правда, Лейла? Я с тобой. Кстати, не забудь завтра взять с собой серёжки.

– О, Эльмира, ты одна знаешь и понимаешь...

– Ну, всё. Я поняла. Тебе удачи. И спокойной ночи.

– Да, да... Спасибо. Спасибо, родная. Спокойной ночи. Ты со мной.

– Я с тобой. Всё хорошо. Пока. Целую. И всё-таки зря, что он подарил тебе серёжки.

Утро выдалось хмурое и мрачное. Свинцовые тучи набухли в небе, раздулись, заполняя всё пространство над городом, выставляя напоказ свои тяжёлые, уродливые формы. Воздух казался плотным и склизким. Лейла, не выспавшаяся, пробиравалась сквозь толпу угрюмых, спешащих по каким-то своим очень важным делам людей с напряжёнными лицами, лавировала в потоках злобных, несущихся автомобилей, уворачивалась от уличных зазывал. Почти бегом она заскочила в вестибюль метро, бегом промчалась через турникет и нырнула в длинный тусклый тоннель с бесконечной лентой движущихся вниз ступенек и цепочкой безликих силуэтов на них.

Лейле никого не хотелось видеть. Никого не хотелось слышать. И она была рада этому мерному шуму эскалаторов и метро, заглушавшему гомон голосов, и бесформенной массе лиц – не лиц, не имевших индивидуальности и потому не вторгавшихся в её маленький, безумно несчастный мирок.

Она спускалась всё ниже и ниже, в преисподнюю. Почему всё так получилось, думала она, чем я заслужила такую долю. Почему он мучит меня, как дьявол, и почему я действительно не пошла его подальше, чтобы прекратить, чтобы остановить этот каждодневный липкий до омерзения страх. Это ужасно. Это невозможно вынести. Это не по-человечески. Права Эльмира, права тысячу раз, а я какая-то дура-мазохистка, не способная разобраться даже в самых основах самоанализа, не способная к элементарной рефлексии. Да, он имеет жуткую власть надо мной – над всеми нами (только другие меня сейчас ни капельки не интересуют). И я не знаю, как мне ему теперь смотреть в глаза после его вчерашнего подарка. После подачки? После милого, дорогого сердцу дара, после грубоватого, неуклюже-нежного мужского внимания. После шубы с барского плеча.

Лейла показала, что зазвонил телефон. Она похолодела, стремясь стряхнуть с себя оцепенение. Эскалатор закончился, Лейла вышла на перрон, увлекаемая людским потоком, и нервным движением схватила сумочку, другой рукой отыскивая в ней мобильник. Это он, подумала она. Это он. Ну почему он мне звонит прямо с утра? Это так нетипично!.. Неужели всё связано со вчерашним подарком?.. Грохот проходящего поезда оглушил её. Люди толкали Лейлу со всех сторон. Дрожая, совершенно обезумевшая, она жадно вчитывалась в сообщения мобильного телефона, пытаюсь отыскать его номер в «звонках без ответа».

Ничего подобного в телефоне не было. Не было, не было, ни одного входящего звонка не было вообще, по крайней мере, в сегодняшнее утро. О боже, подумала Лейла. Но ведь он звонил, я знаю. Я чувствую. Это галлюцинации! Это галлюцинации. Да.

Как в каком-то полусне, как сомнамбула, она вошла вместе с сотней других мужчин и женщин в вагон, остановившийся прямо напротив неё. Люди набились в салоне, как сельди в бочке. Какой-то парень с жутким обезображенным лицом смотрел на неё снизу вверх – с сиденья – мутным взором. Нет, он смотрел СКВОЗЬ неё. Толстая, чем-то обеспокоенная тётенька рядом тяжело дышала на Лейлу. Нет, она дышала ЧЕРЕЗ неё. Меня нет, поняла Лейла. Меня нет, и есть только бесплотная моя тень, такая же, как и все прочие бесплотные тени. Лишь ненависть ещё вызывает эту тень к жизни. А тени других тоже ненависть? Может быть. А может быть, каждую тень рождает

что-то своё – скука, равнодушие, самоуверенность, чванство, потерянности, зависть, скрытая враждебность, пустая злоба, усталость, внутренняя гниль. А вот мою тень рождает ненависть. Ненависть и чувство страха, убивающее меня каждый день и вновь пробуждающее к жизни – для того, чтобы завтра убить опять. Как Прометея. Как несчастного страдальца, приговорённого за то, что он не хотел быть приговорённым.

Лейла полубессмысленно уставилась в окно на своё отражение. Стоять ей было чрезвычайно неудобно, поскольку люди напирали тут и там. Завывания подземки забивали мозг, топили сознание. Из вагонного стекла на Лейлу глядела другая Лейла – тень, чёрная, невыразительная, призрачная.

«Почему? – ещё раз спросила себя Лейла. – Почему я должна всё время страдать и ненавидеть?»

И всё-таки Эльмира права... Я не должна так говорить и думать о нём. Это против Бога, против правил. Даже эту егю я не должна мысленно проклинать и уничтожать. Есть границы, переступить которые никому не дано. Ведь мы же всё-таки люди, и что-то человеческое в нас должно оставаться. Он мне подарил эти злосчастные бриллианты. А мог бы и не дарить. Какая часть человеческого проснулась вчера вечером в нём? А во мне какая часть человеческого во мне вчера умерла?

Не знаю, следует ли желать ему смерти в авиакатастрофе. Следует ли желать ему смерти вообще? Чтобы умереть, надо жить. А каждодневное умирание – это и не жизнь вовсе. Я не живу, и его тоже как бы нет. Моя тень – против его бесплотной тени. Только тень его имеет глаза, выразительные глаза... А у меня? Она ещё раз взгляделась в оконное отражение, не замечая ничего, кроме тёмного, обессильного силуэта...»

Из поезда она вышла, словно в тумане. Лицо её горело. Плохо понимая, что происходит вокруг, Лейла поднялась на поверхность, нырнув в промозглую сырость улицы. Накрапывал серый, утомительный дождь. Серыми, утомительными караванами тянулись бесконечные ряды машин, автобусов, трамваев; серые сигналы разрывали серый, однообразный городской повседневный гул.

Тупо, механически Лейла села на свой маршрут, пересекая время от времени во всё новый и новый транспорт и почти не замечая этого. Движения её были заучены, минуты рассчитаны, вплоть до самого последнего пипиканья часов, отмечающего неизбежное начало очередного рабочего дня.

Когда она шла по тротуару, капли падали ей на лицо, и что-то в этом было не так. Боже мой, подумала Лейла, я забыла раскрыть зонтик. О боже, я опять забыла раскрыть зонтик.

Почему этот дождь никогда не кончится? Почему я должна добираться до офиса в промозглую погоду, слякоть, в то время как он поедет на своём джипе? Да, у него был джип «Лексус». У меня – метро, у него – «Лексус». У неё теперь будет тоже «Лексус», по крайней мере, вот этот вот, шефовый. И ей он тоже подарит бриллианты – такие же, как и мне? Или лучше? И больше? А может, он и купил-то серёжки сначала не для меня? Неужели я его чем-то растрогала? Я бесплотная тень? Может, всё-таки ненависть делает меня не бесплотной?

Нет, однозначно, он не должен быть счастлив вместе с ней! Им вообще не надо там, на Сейшелах, встречаться! О боже, как там сейчас хорошо, жарко, не то что здесь, где идёт бесконечный дождь... Не хочу, не хочу, думала Лейла, чтобы они встретились. Ему надо здесь, в городе, остаться – любой ценой. А с другой стороны, пусть едет – ведь все наши только этого и ждут... Я тоже жду. Жду, чтобы вздохнуть спокойно, полной грудью. Чтобы хоть один день прожить без ненависти.

А возможно, всё-таки произойдёт так, что и он уедет, и они не встретятся? А как так сделать? Как так может быть?.. Лейла увлеклась. Убить его, чтобы он умер, погиб, нет, мы с судьбой договорились, что это есть перебор, нельзя переступать незримую черту в своих прошениях у Бога. Надо затормозить его отъезд – так, чтобы он был наказан, чтобы в свою очередь страдал, чтобы взгляд его, пронизывающий и внимательный, потух, и глаза не светились из глубин бесплотной тени. Лишь мне, Лейле, будет дано заставить их вспыхнуть опять, когда я приду к нему – из милости и, в конце концов, просто потому, что он мне когда-то помог с моей больной доченькой. Да, я приду. Когда он станет уже никому не нужным, когда он не сможет разъезжать на своём джипе, когда от него отвернутся его друзья – бизнесмены, когда разорится его компания сотовой связи, когда его «великая», мессианская идея, которой он старается потрясти мир и своих глупеньких подчинённых, лопнет у всех на глазах, показав полную несостоятельность, когда у него исчезнет с груди жирная золотая цепь, когда лысина его станет сморщенной и жалкой, вот тогда я приду и поблагодарю его за мою спасённую доченьку! И загляну в его ненавист-

ные зрочки, чтобы увидеть последний огонь, уже бессильный и не испепеляющий меня каждый раз, когда я снова начинаю ненавидеть!

Я прошу высшие силы, чтоб так было!..

Лейла, сама не замечая того, пришла в невероятное возбуждение. Её стало лихорадить, всё внутри согрело каким-то особым теплом. Она не замечала дождя, не замечала улиц, маршрутов и молча, часто дыша, продвигалась, как робот, в сторону знакомого комплекса зданий. Да, да, да, – ликовало её воображение. Он должен заболеть, сильно, страшно, смертельно! Интересно, придёт ли она – та, другая, – к его смертному ложу? Или нет! – Лейла аж остановилась как вкопанная. Нет, болезнь здесь ни при чём. Болезнь – это не того рода несчастье, потому что она вызывает жалость, и Лейле лучше, чем кому бы то ни было, было известно, какую реакцию окружающих вызывают физические страдания больных. Нет, – Лейла подняла голову и зажмурившись подставила лицо под струйки дождя; нет, пусть он остаётся формально здоровым. ОН ДОЛЖЕН СИДЕТЬ! Сидеть в тюрьме! К ужасу всего делового мира, к ужасу той, другой, к изумлению и тайному удовольствию сотрудников! Вот как сбить с него проклятую спесь! Так ты говоришь, можно переделать человечество, страну, город, наконец? Можно дать людям новую цель в жизни?! Вот и давай! Вот и переделывай, гния на «зоне», вот и переустраивай мир своей мерзкой лысиной, потрясая цепью – только уже не золотой!

Эта мысль настолько захватила Лейлу, что она буквально затряслась мелкой дрожью и что-то в ней воспрянуло, взорвалось, сметая на своём пути всю серость будничного дня! О-о-о!! Он будет сидеть!!! Он получит сполна за всё, за те мучения, на которые он обрекает ни в чём не повинную душу, он будет разрушен – в ответ на разрушение других!!! О-о-о!!! Лейла чуть не закричала. О, я знаю, как его наказать, как его покарать, как заставить понять то, что нельзя понять без ненависти!

Но как же это сделать? Как его посадить? За его махинации с налогами?.. Вряд ли это будет под силу секретарше, да и за налоги сегодня «крутых» не сажают, ибо нет такой налоговой службы, с которой невозможно «по-свойски» договориться на том или ином уровне – в нашем городе, в нашей стране. За его тёмные делишки на выборах (Лейла очень хорошо помнила это, поскольку все сотрудники компании так или иначе были вовлечены в предвыборные махинации, хотя с тех пор

и прошло уже пару лет)? Нет, сегодня это даже не приведёт к позору. А нужен позор. Нужно страдание, когда привычная жизнь перестаёт существовать и ей на смену приходят ужасы казематов, многодневные допросы и мрачные порядки «зеков» – как это сейчас говорят, «понятия». Да, нужно действительно нечто эдакое, чтобы весь мир отвернулся от этого негодяя. Пусть он совершит убийство. Да, убийство – и на глазах у всех. Чтобы тысячи свидетелей были, чтобы потом не отвертелся, не отмазался гад, чтобы он задрожал от ужаса от содеянного и назад не оставалось пути!

Лейла горела. Жар исходил от неё, как от Солнца, и непонятная сила толкала её ввысь – ввысь и вперёд! О-о-о! Да, она знает, что необходимо. Необходимо просить у судьбы, чтобы он сел в тюрьму за смерть пешехода – невинного пешехода, сбитого шефом при нарушении правил дорожного движения, – грубо, нагло, неотвратимо! Ведь он всегда гоняет на своём джипе, когда за рулём! Сбил, сбил – прямо на виду у госавтоинспекции! Чтобы джип всмятку (а сам он чтобы не пострадал, только тот – другой)! Да! Вот так! Чтобы это промелькнуло во всех новостях, чтобы пропечатали газеты, чтобы заговорили в кулуарах власти, – мол, слышали, этот-то что натворил? А мы, блин, на него ставку делали!.. Да, да, да!

Она почти подошла к своему офису. Она не шла – она плыла, как гордая каравелла, рассекающая мрак хмурого дня, – вперёд, к свету! Она знала, что ей открылось нечто такое, что не дано познать простым смертным. Она чувствовала, что пришло ОНО – то непонятное удовлетворение, которое сильнее всех заставляло крутиться мир и оживляло его вновь и вновь, убивая и воскрешая, убивая и воскрешая.

Лейла не услышала скрип тормозов и дикий визг покрышек по асфальту. Машина вырвалась из-за переулка с чудовищной скоростью, рывком и очень неуклюже попыталась затормозить. Лейла с блаженной улыбкой посмотрела в затемнённое лобовое стекло джипа. Наверное, за ним ничего не было видно, там – по ту сторону, была просто чёрная, чёрная пустота. Но всё-таки последнее, что она разглядела во тьме – каким-то непостижимым, непонятным образом! – были два внимательных глаза, светившихся изнутри жгучим, ледяным огнём и спокойно проникавших ей в душу.

А потом была больница...

Дмитрий АЩЕУЛОВ

ЖИЗНЬ НА КОНЧИКЕ ПАЛЬЦА

Рассказ

— ...Остановись, — выкрикнул страж порядка, — одумайся. Твоя жизнь сейчас находится на кончике твоего пальца, как только ты нажмешь на курок, я тебя пристрелю.

— Жизнь на кончике пальца, говоришь? — засмеялся безумно профессор Игуан. — Хорошо сказано. Ты даже не представляешь сам, как верно ты сказал. Только ты ничего так и не узнаешь. Никто не узнает, это-то и приводит меня в бешенство!..

...В конференц-зале стояла удушливая, тяжёлая тишина. Казалось, она вползала сюда вместе со светом спрятанных в потолочных нишах ламп. За окнами в чёрной бездне ночи далёкими отзвуками выли сирены полицейских машин, стрекотали патрульные вертолёты, тяжёло и гулко дышал огромный город.

Их было трое. Каждого из собравшихся в эту ночь экстренно разыскали спецслужбы, оторвав от обычных домашних дел, от семейного уюта. Профессор психологии и психиатрии Просперо, почётный магистр молекулярной химии миссис Контодур и профессор астрофизики Игуан не знали, что послужило причиной их безотлагательного вызова в Институт глобальных космических исследований. Но они находились здесь уже около часа, и к ним так никто и не вышел из официальных представителей и не объяснил ситуацию.

– Сколько же это может продолжаться?! – сердито сказал доктор Просперо, нарушая гнетущую тишину. – Что же могло произойти экстренного? Я думаю, нам надо потребовать у профессора Челюса объяснений. Он забывается: мы не солдаты, чтобы собирать нас посреди ночи, как по тревоге. Из-за участия в этом проекте я и так забросил свою научную работу...

...Три дня жизни города проплывали в душном мареве, как жаркое видение, перед узкими глазами разбойника Бен-Асаха. Город – маленький, грязный, притаившийся на краю пустыни. В его кривых улочках, сдавленных кривобокими домами, рождались, пили, дрались, веселились, страдали и умирали люди. Корчась и извиваясь на своих ложах, они и плодились лишь из-за пресловутой жажды мимолётных наслаждений. Великое колесо бытия могло бы вращаться для них окончательно бесцельно, если бы за всем этим с полуулыбкой на каменных своих устах не наблюдал великий бог Сутрас, по верованиям туземцев, оплодотворивший этот мир. Статуя гермофродита, которому поклонялись жители окрестных племён, давал надежду и осмысление их ничтожному бытию. Главной святыней местного храма считалось Сердце бога – кроваво-красный камень, хранившийся в чреве скульптуры и скрытый от греховных взглядов тонкой материей. Как и откуда этот камень появился в городе, никто уже и не помнил: быть может, его выменяли у кочевников за пару молодых верблюдиц и несколько локтей ткани или рудокопы нашли его глубоко под землей, опустившись в поземные расщелины в поисках меди. Но жрецы учили, что Великий дал своё сердце смертным в подтверждение того, что он есть и всегда будет рядом с людьми. Лишь раз утром служители храма отодвигали занавес и открывали Сердце бога падающим на него утренним лучам солнца.

Три дня входил Бен-Асах во врата храма в разном облике. Первый день он пришёл в храм в виде простого паломника и видел дворы и внутреннее убранство храма в толпе других богомольцев, прибывавших поклониться таинственному богу из далёких земель. На второй день разбойник в виде нищего до самой поздней ночи сидел у храма, прося подаяния. С наступлением сумерек видел он, как жрецы и служители разошлись праздными компаниями в обнимку с храмовыми наложницами,

и храм остался полупуст. А на третий день он явился в виде богатого купца, завернувшись в парчовые длинные одежды и украсив свои пальцы блеском драгоценных колец. И жрецы, ещё вчера проходившие мимо него, как простого попрошайки, в тот день склонились пред щедростью его подарков. Они ввели чужеземца в святилище среди прочих посвящённых к подножию кумира, которого простые паломники могли наблюдать лишь через широкий проём дверей. А поздно вечером, когда вновь храмовые служители разошлись по кабакам, Бен-Асах, скинув одежду и обмазавшись припасенной сажей так, что тело его слилось с мраком безлунной ночи, проник в полупустое святилище. Сладковатый дым подсыпанного им в светильники днём порошка усыпил стражу и даже двух тигров, которые сидели на цепях у подножия статуи и стерегли таинственный камень. Откинув тонкую, жалкую тряпку, взял Бен-Асах из чрева статуи сокровище этого города, то, что было жизнью и истиной этих людей. И с этого момента, как только попало в его руки Сердце бога, поселилось в разбойнике смущение. Нет, мести и гнева бога Сутраса он не боялся. Как и всякий смертный, сотворивший много горя и зла, он был безбожен. И все-таки как маленькое жалкое семечко падает в почву и вдруг начинает набухать и увеличиваться в размерах, так и у него в дремавшей доселе душе появилось беспокойство. С камнем в руках Бен-Асах прокрался мимо дремлющих стражей, безвольно опиравшихся на свои секиры и копья, и покинул храм. У колодца, что был рядом с городской стеной, смыл он сажу и снова надел цветастые одежды. Утром разбойник с первыми караванами покинул город, в тот самый момент, когда жрецы обнаружили, что сокровище их веры пропало.

Разбойник гнал своего верблюда вперёд. Трое ворот было в городе бога Сутраса, три дороги расходились оттуда. Бен-Асах выбрал самую безлюдную, самую длинную, ведущую в сердце пустыни. Сомнения мучили обычно равнодушную душу разбойника. Похитить святыню уговорил его отшельник, живущий в скалах пустыни, питавшийся лишь жалкими подачками проходивших мимо караванов. Впрочем, за похищение он пообещал разбойнику несколько мешков золота. Откуда у презревшего наслаждения жизни могло быть столько богатств? Быть может, он обнаружил в пустыне останки каравана, погибшего во время песчаной бури?

За золото Бен-Асах с лёгкостью согласился похитить Сердце бога, слава о котором ходила во многих землях, племенах и народах. Но чем больше находился теперь разбойник рядом с камнем, тем больше отдавался он своему беспокорству. Что же смущало его: Бен-Асах и сам не мог отчётливо понять. Но тонкая, как сверло, мысль пронзала ум: надо избавиться, и как можно скорее избавиться, от этой вещи. «Если я нарушу слово, данное отшельнику, – думал Бен-Асах, – не приведёт ли это к ещё большей беде?» Сам обман как таковой его не беспокоил, но что же будет с этим миром, если даже разбойники начнут изменять своим словам? «Хотя, – подумал он, – в нашем договоре с отшельником всё неправильно. Если уж святой пустынный нанимает разбойника похитить святыню, то он, Бен-Асах, вполне может не исполнять данного слова».

Бен-Асах не смог отказать себе в искушении взглянуть на похищенное сокровище. Он достал из-за пазухи камень и в свете дня, в мерном покачивании верблюжьего бега, на гранях и сторонах кристалла увидел город.

Город был мёртв без этого камня. Пуст, как глазница, из которой ворон выклевал блестящую, влажную, сладостную зеницу ока. В городе были женщины с распущенными волосами и кричащие дети. Он видел чёрные провалы очагов, в которых умер огонь, и упившихся вином от отчаяния и безысходности мужчин. Придут ли теперь богомольцы в город, пополнят ли его казну? Будут ли трепетать кочевники перед властью бога Сутраса, если Великий позволил похитить своё сердце? Да и что же есть тогда этот мир без воли Создателя? И только укрепятся эти сомнения, наступит гибель. Дети забудут о почтении к отцам, а девы перестанут блюсти честь, женщины возненавидят своих мужей, правители презрят справедливость. И всё это неразрывно связано с существованием камня. «Как глупо, но наша жизнь порой становится заложницей вещи и предметов, которые мы сами и выдумали», – подумал Бен-Асах...

...Говорить, как на зло, было не о чем. Профессор Игун ходил из стороны в сторону. Доктор Просперо, забившись в кресло, мрачно просматривал научные журналы, а миссис Контодур сидела с отсутствующим видом.

И вот наконец дверь открылась и в зал вошёл невысокий господин в строгом деловом костюме.

– Доброй ночи, господа. Я научный сотрудник третьего уровня Луис Казго.

– А где профессор Челюс? – с нотками возмущения в голосе воскликнул доктор Просперо.

– Он... – Казго помедлил, – он застрелился пару часов назад.

– Боже мой! Вы это серьезно? – ужаснулась миссис Контодур.

– А где госпожа Варажевская?

– Она и весь её аналитический отдел сейчас находятся в психиатрической лечебнице, – бесстрастно произнёс Луис.

– Тогда позовите координатора Майнца, – нервно потребовал Игуан.

– Он исчез. Его поисками сейчас занята внутренняя и внешняя государственные разведки.

– Так что же произошло?! Объяснитесь! – резко воскликнул Просперо.

– Извините, господа, что пришлось вас беспокоить среди ночи, но сложившаяся ситуация срочно этого требует. Администрация его превосходительства Президента срочно запросила всю последнюю информацию, касающуюся наших космических исследований...

– Что за информация? – прервал его Игуан.

– Это касается сбора и обработки данных, полученных с наших космических зондов.

– Что-то обнаружено зондами? – заволновалась миссис Контодур.

– Да, – помедлив, согласился Луис.

– Неужели иные формы жизни?!

– Жизнь? Да я об этом даже как-то не задумывался, – усмехнулся сам своим мыслям Луис Казго. – Возможно, что там есть и формы жизни, но это не главное.

– Послушайте, скажите же наконец, что случилось! – не выдержала миссис Контодур. – Это враждебная нам цивилизация? Нашей планете грозит гибель?

– Нет, это совсем не то, – Казго замялся и неожиданно икнул.

Профессор Просперо, всё это время внимательно приглядывавшейся к Луису, возмущённо выпалил:

– Да он же пьян, господа! Он пьян! Мер-завец!

– Я уйду домой. Прощайте, господа. Этот балаган мне надоел, – решительно заявил Просперо.

– Подождите, – остановил его Игуан. – Без особо важной надобности он не смог бы нас всех собрать посреди ночи, задействовав службу безопасности и полицию. Причина тому есть.

– Да, есть, – подтвердил Казго. – Я понимаю, что мой ранг слишком низок для вас, но людей, соответствующих вашему положению и знакомых с этой информацией, сейчас нет. Я вообще единственный, кто знает обо всём и находится в своём уме и твёрдой памяти. Весь отдел аналитического анализа сошёл с ума. Учёный секретарь Фрукс попытался покончить жизнь самоубийством. Этот дурак бросился под автобус. Неудачно. Лежит в реанимации.

– Наши зонды вышли за пределы видимого космоса и с огромного для нас расстояния дали самую точную информацию об окружающем пространстве, – продолжил Казго. – После анализа всего поступившего я прошу поверить мне: всё достоверно, и ошибки тут быть не может. Установлено, что наша планета представляет собой кристаллическое образование, весьма похожее на драгоценный камень.

– Этого не может быть! – возмутилась миссис Контодур. – Как химик, я заявляю вам, что это глупость.

– С точки зрения нашей формы жизни вы можете быть и правы, – заметил Луис.

– Что это значит «наша форма жизни»? – подозрительно спросил профессор Игуан.

– Зонды дали представление о макромире, и по отношению к нему мы есть микромир...

– Послушайте, изъяснитесь чётко, – прервали его.

– Это значит, – Луис тяжело вздохнул, – то есть, проще говоря, – он шмыгнул носом, – мы для большого мира являемся бактериями...

Повисла пауза.

– Я его всё-таки убью, – прервал наступившую тишину доктор Просперо.

– Подождите, коллега, – оборвал его профессор Игуан. – Боюсь, что он нам сказал правду или то, что считает правдой.

– Нет, нет! Я в это не могу поверить, – быстро заговорил почётный член-корреспондент Национального общества пси-

хиатров доктор Просперо. – Абсурд. Какие бактерии?! Вы вдумайтесь в это! А наши великие учёные, наша история. Цели, за которые гибли поколения, войны. Ну какие бактерии способны на это?! Ну а наши чувства: ненависть, любовь и ещё что-то такое, я не в состоянии сейчас сообразить. Я просто не могу, не могу в это поверить.

– Почему мы вам должны верить? – задал вопрос Казго профессор Игуан. – Где доказательства?

– В центральном операционном зале, где стоят автоматы, принимающие сигналы из того, что мы привыкли считать космосом. Но там никого сейчас нет, все технические сотрудники срочно удалены от данных исследований.

– Я ознакомлюсь со всем этим и вернусь, – спокойно сказал Игуан.

Луис внимательно посмотрел в его глаза.

– Вы уверены, что сможете в одиночестве справиться с полученной информацией?

– Не беспокойтесь, я готов ко всему, – холодно заметил профессор Игуан.

– Мне необходимо ваше мнение, – обратился к оставшимся Луис, когда Игуан вышел. – Что нам теперь делать с новым представлением о нас самих и окружающем мире? Боюсь, что последствия могут оказаться самыми непредсказуемыми. Обвал на бирже, падение цен или ещё что-то в этом роде.

– Да, – протянул доктор Просперо, – прокатится волна самоубийств. Особо подверженные депрессиям и мнительностью обязательно отреагируют на это. А там ещё всякие психопаты, сектанты. Кто-нибудь из оппозиции не применит прибегнуть к вооружённому захвату власти, воспользовавшись нестабильностью. И начнутся обычная грызня и пожирание друг друга. Боже мой, какая же всё это возня, примитивнейшая возня разлагающихся бактерий. И это есть наша цивилизация!

– А что вы имеете против цивилизации!? – вскинула сердито голову миссис Контодур, давний оппонент Просперо. – Что вы хотите сказать, что вы не пользуетесь всеми достижениями нашей цивилизации – унитазом, автомобилем...

– Да не в этом дело, вы никак не хотите увидеть корень проблемы, – сердито высказался Просперо, – этот гнусный вещизм, сосредоточенность всех усилий науки на том, чтобы создавать сиюминутные блага, пользуется которыми зачастую лишь ограниченное количество населения...

– Да если хотите знать, то смысл и цель любого развития заключается в том, чтобы создать утеплённый сортир, без этого вы не создадите никогда... – оборвала его Контодур.

– Прекратите! – закричал на них Казго. – Проблема в том, что надо определиться, как поступить дальше. Знакомить с информацией Президента или собрать более расширенный научный совет.

– Ужасно хочется выпить, – неожиданно сказала миссис Контодур. Доктор Просперо неприязненно посмотрел на неё и, словно осенённый мыслью, нервно сказал:

– Ну а как прикажете быть с микробами вокруг нас?! Неужели наши миры как совершенно самостоятельные пространства одновременно живут и развиваются, соседствуя? И то, что мы считаем колонией каких-нибудь простейших грибов, является...

Он замолчал, озадаченный своим выводом. Тишину прервал истерический хохот миссис Контодур. Она выставила свои ладони и смеялась, глядя на них.

– Я... я не хочу быть микробом. Не хочу, чтобы меня рассматривали под микроскопом, когда я переодеваюсь. В это нельзя поверить. Что же тогда получается, что под ногтями моего маникюра может располагаться целая цивилизация?

– Да, да, да, – быстро подхватил Просперо, – быть может, сейчас там дворцовый переворот, бушуют страсти или, наоборот, бродят в джунглях дикие животные и жизнь только зарождается. А время – время, оно относительно, возможно, в интервалах между мытьем наших рук на ладони развиваются и гибнут целые империи. Боже мой, какой бред!

В этот момент снаружи к дверям подошёл профессор Игуан. Внешне он казался спокойным, но внутри его всё клокотало. В эту ночь полицейские нашли его на квартире молоденькой любовницы, хотя ему казалось, что об их связи никто не мог знать: поскольку профессор соблюдал такие меры предосторожности, на какие только был способен его аналитический ум. Её звали Виви, работала она официанткой в забегаловке на окраине столицы. Её хорошенькая головка была напичкана такой чепухой, которая порой приводила, как это ни странно, профессора Игуана в полный восторг. Она любила выразиться крепким словом в постели, и уставший от фригидных и капризных интеллектуалок своего круга профессор, оставаясь с

ней один на один, понимал, что бесцельно потратил столько времени в своей жизни на изучение точных наук. Несмотря на полное блаженство от общения с Виви, он хотел поставить точку в их отношениях. Эта связь становилась опасной для именитого профессора, чем больше они общались, тем больше она требовала от него. Виви метила на место его супруги. Она уже несколько раз цинично намекала Игуану, что если он не расторгнет свой нынешний брак, то раструбит через жёлтую прессу обо всем, что между ними было, присовокупив для эффекта их совместные пикантные фото и переписку. А это грозило крахом его карьере, его имени и положению.

В общем, эта крошка умело и хладнокровно затягивала петлю на шею Игуана. А этого он очень не любил. В этот вечер он приготовил всё для последней встречи с Виви: и хорошее вино, и цветы, и небольшой, удобно ложившийся в руку пистолет. И если бы полиция опоздала на какие-то доли секунды...

«Что же, Виви, девочка моя, - подумал сейчас Игуан, – с тобой я так и не успел сегодня покончить, но пистолет я всё равно взял с собой не зря». Мужчина решительно открыл дверь и вошёл в конференц-зал. Все присутствующие в нервном ожидании уставились на него.

– Почему вы молчите? – с надеждой в голосе воскликнул доктор Проспер.

– Всё верно. Луис прав.

– Боже! – воскликнула Контодур.

– Все носители собранной информации я стёр, – продолжил Игуан, – зондам дал команду самоуничтожиться...

– Вы обезумели, – ужаснулся Просперо. – Вы варвар, вы сломали свою карьеру, свою жизнь...

– Какая карьера, какая жизнь, идиот вы эдакий? – рявкнул на него Игуан. – Я сделал то, что необходимо для всех. Всё это не должно распространиться за стены этого института. К, сожалению, я не уверен, что вы все сможете выдержать груз молчания, поэтому я позабочусь об этом, и мир ничего не узнает, – Игуан вытащил из заднего кармана брюк небольшой пистолет.

Все уставились на оружие. Игуан медленно взвёл курок.

– Нет, я не хочу, – миссис Контодур вскочила с места и бросилась к дверям на Игуана. Тот выстрелил ей в голову.

Она взвизгнула и, откинув голову назад, повалилась на пол. Снова наступила тишина.

Доктор Просперо долго смотрел на женщину. Она лежала перед ним в изломанной позе с задравшейся юбкой. Психолог поймал себя на совершенно глупой мысли, что у миссис Контодур весьма соблазнительные ноги и красивое нижнее белье... Просперо оборвал себя, вернувшись в реальность.

— Это не конец, — неожиданно для самого себя громко заговорил он. — Мы сможем выйти в большой макромир и установить связь с разумными существами. Поймите, Игуан, это начало новой эры. А может быть, мы вообще часть эксперимента...

— Я вывожу вас всех из этого эксперимента, — мрачно сказал Игуан.

— Ну а остальные, что находятся в лечебнице, как вы заставите замолчать их?

— Их заставят замолчать врачи. Сами они без данных зондов доказать ничего не смогут, это примут за очередное их помешательство и будут лечить до тех пор, пока они не смирятся со своим бессилием что-либо доказать. На создание подобного проекта вновь потребуются обширные финансовые вливания, и ещё неизвестно, позволит ли конгресс правительству возобновить этот проект.

Игуан выстрелил в психолога, и тот плавно пал на пол. Луис Казго добежал до больших окон и стал от бессилия и ужаса барабанить кулаками в стёкла, как загнанная муха.

— Здесь сотый этаж и стёкла слишком крепки для вас, — предупредил его Игуан. Луис схватил стул и, выставив его ножки вперед, бросился на убийцу...

...Ночь подходила к своему излёту. Впереди Бен-Асах увидел скалы, уныло возвышавшиеся над пустыней. В полумраке, через большое расстояние, разбойник увидел на одном из утёсов в жёлтом свете луны маленькую сухую фигурку отшельника, ожидавшего все эти дни Бен-Асаха.

Верблюд сам выбирал дорогу, осторожно ступая по каменистой почве. Здесь в глубине песчаной равнины скрытые от караванного пути утёсами стояли три сросшиеся скалы. В одной из них в каменной щели бил источник, подкреплявший

отшельника, в другой пещере святой старец скрывался от палящего солнца в долгие и нудные часы своих молитвенных бдений. Отшельник встретил Бен-Асаха перед третьей пещерой. Глаза его пристально искали взгляда разбойника. Бен-Асах приказал верблюду преклонить колени и сошёл на песок. Он посмотрел в напряжённое лицо старца и кивнул головой. Тот отвернулся от него, пытаясь скрыть своё волнение. И Бен-Асах вдруг понял, что, несмотря на вклоченную бороду, исчерченное морщинами от частых постов и нужды лицо, отшельник был, возможно, нестарым человеком. Это почему-то поразило его, он считал, что молитвы и посты – удел стариков, тех, в чьём умирающем теле и душе отгорели страсти и желания.

Достав из перемётной сумы пищу и кувшин с вином, Бен-Асах присел к костру, пылавшему у входа в пещеру святого. Отшельник щедро покидывал сухих колючек в прожорливое пламя. Разложив на песке лепешки, финики и куски вяленого мяса, Бен-Асах пригласил хозяина.

– Угощайся, – предложил разбойник. Но старец отрицательно покачал головой.

– Так, значит, камень у тебя? – тяжело дыша, спросил хозяин. – Дай же мне его.

– А где моё золото?

– Там, в пещере.

– Я отдам тебе этот камень, – подумав, сказал Бен-Асах. – Только удовлетвори мое любопытство. Зачем он нужен тому, кто отказался от благ и наслаждений жизни? Неужели ты думаешь, что, обладая Сердцем бога, станешь ближе к Великому?

– Зачем тебе это знать? Я отдам тебе золото, ты мне камень, и пусть только пустыня станет свидетелем этой сделки. Что тебе до моих дум? – скрывая клокотавшее внутри него раздражение, ответил святой.

– Видишь ли, жизнь моя не раз висела на волоске, и многое я видал. Сильные переживания убивают чувствительность, и порой мне кажется, что только лишь одно любопытство движет мной в этой жизни.

– Ты странный разбойник, – заметил отшельник Бен-Асах тихо засмеялся:

– А ты странный святой.

Отшельник молчал. Собеседников разделяло прыгающее и голодное пламя.

– С тех самых пор как я оставил удовольствия, как разорвал объятья возлюбленной своей, как бросил родителей и отказался от имущества, рабов, верблюдов и пришёл сюда искать вдали и тиши Бога, прошла сотня лет.

– Не смейся, – заметив улыбку на устах собеседника, сказал отшельник. – Я прожил сотню лет. Моя жизнь длиннее твоей – веселье и разбой крадут человеческие часы, а мгновения постов и испытаний плоти растягиваются в неисчислимые десятилетия.

– Так вот, я долго размышлял и понял, что каждый поклоняется своему Создателю. Каждый мыслит его таким, каким хочет его увидеть. Мы все приходим в один храм, но поклоняемся разным богам. Грозным и жестоким видят его ищущие справедливости, милосердным и добрым – нарушающие законы, ищущие богатство – златообильным. Смертные украшают храмы золотом и богатствами и поклоняются тому, что священо для них, – своему достатку, а не Богу. Поэтому я и решил похитить сокровище, чтобы безумные одумались, чтобы разрушили свои храмы и поняли, что их истина обман, – закончил свой рассказ отшельник.

– Всё в этой жизни обман, – тихо сказал Бен-Асах. – Любовь – обман. Верность, богатство. Истина тоже обман. Те истины, которые верны сегодня, завтра станут заблуждением. Каждый пытается выбрать что-то одно, что может спасти его в этой жизни, но жизнь обманет каждого по-своему. Потому каждый и несчастен.

– Что же ты сделаешь с сердцем бога Сутраса? – спросил разбойник.

– Пойдём со мной.

Отшельник, запалив факел от костра, повёл Бен-Асаха в пещеру. Они спускались все ниже и ниже, блуждая в тёмных лабиринтах подземных коридоров, ведомых только отшельнику. Вскоре послышался шум, он становился всё ближе и сильнее.

– Что это? – повышая голос до крика, спросил разбойник. Они стояли в небольшой пещере у края обрыва.

– Там, – кивая вниз, сказал отшельник, – находится подземная река, которая струится в недрах пустыни и питает оазисы. Я хочу доверить камень этим водам. Брось его сам.

Бен-Асах достал из-за пазухи кровавый камень, вспыхнувший таинственным светом даже в этой тьме. Он подошёл к краю пропасти. Бросить так легко то, чему поклонялись тысячи других людей, – было в этом что-то святотатственное и в то же время великолепное, соблазнявшее душу.

– Бросай! – приказал отшельник. Разбойник замер. Нет, его не обуюла жадность. Его ждали сорок мешков золота. Другое мешало метнуть драгоценность вниз. Он вспомнил своё видение, там, в пустыне, по дороге сюда. Бен-Асах вновь увидел этот глинобитный город, жаркий и пыльный, тысячи людей, толкущихся в пределах храма. Тысячи несчастных, веривших, что счастье в этой жизни возможно и свидетельством тому являлся этот камень. Он сейчас держал в руке их мечты и веру в счастье. И в один момент он мог это уничтожить. И это сковало его волю. Разбойник мог убить одного человека или с десяток, но уничтожить разом целый город? Нет, он не мог найти в себе столько сил. Он был слаб для этого.

– Ну! – в нетерпении выкрикнул отшельник.

– А что ты дашь им взамен? – закричал разбойник. – Отнимая одну веру, дай им другую, чтобы они могли жить дальше. Иначе, кроме разочарования, не получится ничего, и твоё благое дело превратится в преступление. Пускай их истина не верна, но они живут внутри неё, находят спасение...

– Ты глупый, глупый человек, – от бессильной ярости закричал отшельник. – Ты собираешься судить о вере, не разбираясь в ней.

Он в отчаянии метнул в разбойника факел. Бен-Асах увернулся, но его ступни заскользили по краю пропасти, он потерял равновесие и с криком сорвался вниз...

Отшельник с воплем ужаса бросился к краю бездны, но было уже поздно. Слёзы катились по его впалым щекам. Сотни часов молитв и самоистязаний перечеркнуло убийство. Ему показалось, что кто-то там, в запредельных высотах космоса, специально свёл разбойника и отшельника на тонкой грани этой пропасти.

Обернувшись, отшельник увидел в темноте пещеры блеск камня. Видимо, падая в пропасть, Бен-Асах взмахнул руками, и камень отлетел в сторону. Нет, камень не хотел погибать.

Таинственные силы, те, что были сильнее смертных, хранили его. Отшельник устало поднял священный камень. Его сердце жгла горечь из-за свершённого убийства. Но случившееся не умалило его решимости. Боль необходима для того, чтобы люди постигли истину. И смерть одного, и даже смерть тысяч – ничто перед тем, чтобы смертные отреклись от своих заблуждений и отправились искать Творца.

Мысль о том, что от зловещего камня будет трудно избавиться, снова пришла в голову обитателя пещеры. Вода могла вынести Сердце бога в колодцы жителей оазисов. И тогда вновь в ведре с водой он мог явиться к людям. Отшельник, шатаясь от усталости, поплёлся к выходу. У него оставался ещё один способ избавиться от камня так, чтобы он больше никогда не обольщал смертных...

– ...Я всё решил. Завтра мы вылетаем на море. Я снял номер в отеле, правда, он довольно скромный, но зачем нам душные комнаты, когда у нас будет всё море, – мужчина и женщина средних лет беседовали в полупустом ночном кафе.

– Я долго размышлял, осознавал, переживал свою жизнь, думал о тебе, о... нас с тобой, – говорил мужчина, сильно волнуясь. – Я понял, нам многое дано. Мир зависит от нас, от наших желаний. Отсутствие возможностей – лишь оправдания для своего бессилия. Надо только захотеть и приложить все силы к достижению цели. Я не понимал раньше всего этого и, боюсь, загубил многие годы. Я подумал, что каждая секунда, минута счастья равна столетию, а мы потеряли целые века из-за моей нерешительности. Ты долго этого ждала, и сегодня, сейчас я хочу, чтобы мы были вместе.

Она засмеялась.

– Мы никому не дадим больше сломать нашу жизнь, поверь мне, мы будем счастливы, ты и я, – сказал он

Она звонко хлопала в ладоши от удовольствия и счастья. Из бара появился полный хозяин.

– Что, переменить блюда? – по-совиному округлив глаза, спросил он.

– Нет, ничего не надо, – улыбаясь своей спутнице через стол сказал мужчина. – Но у вас отчего-то очень тихо? Вы что, здесь один? А где музыка, где посетители?

– Эх! – в сердцах махнул рукой хозяин. – Этот мир со-

шёл с ума. Официантка, дура, влюбилась в налётчика, что приходил нас грабить на прошлой неделе, и носит ему передачи по вечерам в тюрьму. Повара я отпустил, он разводится с женой и теперь сторожит по ночам добро, чтобы эта поганка не вывезла его вещи из квартиры. Второй официант застрял в лифте между сто пятидесятым и сто пятьдесят первым этажом, он живёт в высотном доме, и вот уже второй день, как лифт не могут открыть. А у бармена лунатизм, три дня назад он как ушел в припадке через окно из своей квартиры, так до сих пор его жена найти не может. Посетители же там, где море света и громкой музыки. Вы не замечали, что, чем больше у нас говорят о свободе личности, тем скорее все эти личности превращаются в безликую массу, которой ничего неинтересно, кроме пустых развлечений.

– Мы перестали стремиться к мудрости, – увлёкся хозяин, обрадованный тем, что теперь есть с кем поделиться своими мыслями. – Я вот сейчас читаю одну философскую книгу...

В кафе зашёл высокий мужчина в тёмном плаще. Он сел за столик в углу зала и стал ждать, когда к нему подойдёт хозяин.

– Я сегодня так счастлива, что хочется, чтобы и всем вокруг было хорошо. Мне кажется, – заметила она, – что человек, только что зашедший сюда, очень несчастен и одинок. Давай его пригласим к нам.

– Его?! – он бросил взгляд на незнакомца.

– Да. Сейчас ночь, а он один, без друзей, без семьи, собирается в одиночестве ужинать. Мне кажется, это очень страшно.

– Извините, вас можно пригласить за наш столик? – обратился спутник дамы к мужчине.

– За ваш столик?! – удивился тот.

– В эту ночь мы решили спонтанно сыграть свадьбу, но у нас нет гостей, и в этом качестве хотели пригласить вас.

– Вряд ли из меня получится весёлый гость, – сказал мужчина. – Хотя, впрочем, почему бы и нет, много вашего времени я не займу, мне ещё предстоит дальняя дорога.

– Поставьте мой заказ сюда, – попросил незнакомец хозяина, принёсшего поднос с едой.

– Вы отправляетесь в дорогу? – спросила женщина.

– Да, очень далеко, но это не важно. Жизнь – непредсказуемая штука, – он почему-то засмеялся. – Сегодня я хотел

распрощаться со своей возлюбленной, но спас мир, а теперь ещё и попал на свадьбу. Вот в качестве свадебного подарка я и хотел бы подарить вам мир.

– Целый мир! – как можно веселей засмеялась она, стараясь скрыть удивление. – За это надо поднять бокалы.

– Да, – подхватил незнакомец, – давайте выпьем за этот мир, полный иллюзий и заблуждений. Ничто не делает нашу жизнь более стабильной, чем наши иллюзии. Держитесь за них, боритесь за них. По сути, это мы всегда и делаем.

Бокалы зазвенели над столиком. В этот момент в ресторан вошли двое полицейских.

– Здорово, Эйб, – приветствовали они хозяина, возникшего при их появлении за стойкой. – Дай-ка нам пропустить по стаканчику, на улице дрянная погодка.

– Чего это вы, ребята, в ночь-то? – спросил хозяин, ставя перед стражами порядка алкоголь.

– Всех подняли по тревоге, кварталы прочёсывают армейские и полицейские подразделения. Точно не знаю, информация секретная, но поговаривают, что какой-то псих из известных людей перестрелял нескольких учёных и сбежал, похитив секретную информацию. Теперь перекрыли все дороги, вокзалы и аэропорты, чтобы он не удрал.

– Да, – потёр свою лысину хозяин, – сумасшедших становится всё больше и больше. Я вот читаю сейчас одну философскую книгу...

– Слушай, – прервал его полицейский, – а что за авто стоит у твоей лавочки?

– Посетитель приехал на ней, – выглянув в окно, ответил хозяин.

– Это какой из них?

– Вон тот крайний.

– Брось, – сказал один полицейский другому, – тот, кого мы ищем, – солидный человек, а этот одет, как какой-то паршивый сутенёр.

– А я всё-таки я его проверю.

– Проверка документов, – подходя к занятому столику, сказал страж порядка.

Посетитель, резко разворачиваясь, выплеснул в лицо полицейского содержимое своего бокала. И пока тот рефлексивно вытирал ладонью лицо, незнакомец выстрелил в него. Второй полицейский вырвал оружие из кобуры и открыл огонь.

Преступник бросился в сторону. Пуля попала в голову второго мужчины, сидевшего за столиком. Женщина в ужасе закричала и метнулась к своему спутнику, но вооружённый незнакомец успел перехватить её, чтобы использовать в качестве живого щита. Полицейский нырнул за барную стойку и под её прикрытием держал на прицеле своего врага. Рядом завывала сирена патрульной машины.

– Сдавайся! – выкрикнул полицейский, приободрённый скорым прибытием подкрепления. – Тебе отсюда не выйти.

Игуан – а преступником оказался именно он – выстрелил в ответ, и в баре зазвенело разбитое стекло.

– Положи оружие на барную стойку, – выкрикнул Игуан полицейскому, – иначе я её убью.

Он приставил дуло к голове женщины.

– Остановись, – выкрикнул страж порядка, – одумайся. Твоя жизнь сейчас находится на кончике твоего пальца, как только ты нажмешь на курок, я тебя пристрелю.

– Жизнь на кончике пальца, говоришь? – засмеялся безумно Игуан. – Хорошо сказано. Ты даже не представляешь сам, как верно ты сказал. Только ты ничего так и не узнаешь. Никто не узнает, это-то и приводит меня в бешенство!

Он оттолкнул свою заложницу и, приставив пистолет к своему виску, приготовился нажать на курок. Но не успел выстрелить. В этот момент огромный астероид врезался в планету и конвульсивный толчок со страшной силой прошёлся по материкам, сметая на своём пути города, обрушая горы, расплёскивая океаны...

....На заре у пещеры зазвучали колокольчики верблюдов. И перед скалами появился небольшой караван с вооружёнными людьми. Отшельник вышел навстречу гостям.

– Мне передали, что ты хотел видеть меня, святой человек, – сказал с верблюжьего седла маленький толстый человек, замотанный в дорогие одежды. – Что за интерес у тебя ко мне?

– Говорят, что ювелир Бунус из Библа самый лучший из мастеров по резке драгоценных камней. Я хочу, чтобы ты выполнил одну работу. Пусть рабы твои удалятся, ибо это дело должно остаться между нами.

– Вот камень, – сказал отшельник, когда они остались с ювелиром наедине, – разбей его на десяток малых камней, и

они все станут твои. Поверь мне, ты обогатишься во стократ, нежели попробуешь его продать целиком.

– Прекрасный камень, – осматривая драгоценность, согласился ювелир. – Не сердце ли это бога Сутраса, что похитили злодеи?

– Что тебе до богов? Вот камень, и он станет твоим, если ты на моих глазах разрежешь его, – холодно сказал отшельник.

И то, что смутило разбойника, не тронуло душу ювелира. Достав из припасенного сундучка инструменты, он крикнул верного раба. Принимаясь за дело, ювелир из Библа ударил по зубилу, раскалывая неведомый для него мир напополам...

Акбар РЫСКУЛОВ

УХОД НОКТОКЕРА

Отрывок из романа

Имя народного поэта республики Акбара Рыскулова связано со стихами и с лирикой, он автор ярких творений. Его поэтические сборники издавались в Москве, Астане и Алматы, отдельные произведения переводились на английский, испанский, украинский, узбекский, корейский и другие языки.

В последние годы А. Рыскулов порадовал читателей новым романом в прозе «Атакенин Акболот». Атаке бий – крупная историческая личность, возглавлял народную борьбу за независимость и государственность в драматичном для кыргызов XVIII веке. «Акболот» – также нарицательное имя, данное его боевому оружию – мечу из булатной белой стали.

Историческая трилогия «Атакенин Акболот» как лучший роман года была удостоена литературной премии «Арча» и Государственной премии им. Токтогула. Предлагаем небольшой отрывок из романа в переводе на русский язык Мырзабугу Усеналиевой.

*Четырнадцать видных сарбагышей
оспаривали одного жеребца. Дабы своё
тавро на карего жеребца приложить,
схлестнулись Эсенгул и Тынай.*

Попав в руки Атаке, карий жеребёнок со следами недоуздка на лбу до пятого года не знал седла. Берейтор-сарбаз, никого не подпуская к нему, заботливо ухаживал: копыта его оттачивал, расчёсывал и перевязывал чёлку пучком, поил только свежим кобыльим молоком, кормил сушёным виноградом.

Вместе с холёным жеребцом содержались и откармливались ещё четыре отборных жеребца. Каждые полгода одного из них забивали и внимательно осматривали, замечали, как окрепли кости, каков костный мозг. Когда забили четвёртого и убедились, что он возмужал, достиг зрелости, только тогда решили оседлать карего жеребца. Да и он, к четвёртому году созрев, изменился до неузнаваемости.

Сначала называли его Керкулун, то есть Карий Жеребец, потом стал он именоваться Ноктокер, ибо превратился в порывистого, великолепного скакуна. В этом кочевом мире что может быть прекраснее и достойнее гордости натренированного, всегда рвущегося вперёд скакуна или кречета, с клекотом взвизгивающегося ввысь?

В скачках, в которых принимал участие Ноктокер, не было равных ему скакунов в стремительном беге. Не то чтобы обогнать, мчались соперники по следу Ноктокера, не слыша даже перестук его копыт, иногда не видя силуэта. Куда бы ни скакал – простывал его след, в какой бы скачке ни участвовал – ветром врывался в финиш, оставив соперников далеко позади.

Через Ноктокера доблестная слава Атаке бия гремела далеко за пределами владений сорока племён кыргызов: по широким казахским степям, по Уч-Турпану, Кашгару, Баргану витала она. А как же иначе! В яростных схватках с калмаками Атаке баатыра жеребец Ноктокер превратился в настоящего походного скакуна: если он гнался, то непременно догонял, а если следовало оторваться от преследующих, то мчался вихрем вперёд, не оставляя им никакой надежды...

Ноктокер ревновал Атаке к другим скакунам. Бывало, завидев, что Главный Сардар садится верхом на другого коня, он, навострив уши, начинал громко ржать и грызть удила. Человек и конь настолько прикипели друг к другу, что даже за-

вистники диву давались. А кто только не зарился на Ноктокера, кроме своих кыргызских биев! В смутные времена неизбежных противостояний и поединков меж противниками, когда огнём загорались глаза посягателей на чужую ценность, правитель калмаков Калдан Серен, казахский хан Абылай и кокандские беки Эрдене и Нарбото возжелали иметь этого грациозного, быстрого и отважного скакуна.

* * *

Необозримы степи Анархия... Здесь кыргыз-кайсаки впервые устроили побоище с калмаками и победили их. Поэтому отсюда до низовья реки Иле, где она, разделившись на два устья, впадает в Балхаш, названия местностей впечатляющие: Барса-Келбес (Пойдёт-не вернётся), Эроол-Талаа (Поле битвы), Шор (Несчастье), Калмак-Кырылган (Калмаки перебиты)... Атаке бий с младшей токол пребывал у подножия каменистого пригорка Киндик-Таш (Камень-Пуповина). Название это как нельзя лучше определяет вид этого причудливого пригорка, который можно назвать округлой скалой. Она одиноко возвышается, словно пуп бескрайней степи. Никому не ведомо, каким образом, когда, откуда она появилась. Одно несомненно: возникла она здесь, конечно же, не по воле человека, а по воле Всевышнего. В этой степной безбрежности нет каменистого возвышения, подобно этому скалистому пригорку по форме и свету-окраске. В степи, где разгуливает ветер, колыхается сизая полынь с перистыми листьями, скалу воспринимали люди, обитающие здесь, священной. Поглядеть издали: она – как опустившийся на колени одnogорбый верблюд, а вблизи – огромный таинственный гранитный монолит. Самое удивительное, что вызывает к поклонению этой скале, – её родник. Только здесь живительная вода, подобно которой нелегко сыскать во всей открытой, раздольной степи Анархия. Из-под расщелины внизу скалы струится прозрачный, прохладный родник – неиссякаемый источник во благо всему живому здесь: людям, животным и птицам.

Преданные джигиты Атаке бия всегда на страже его покоя. Они старались развлекать бия, не давая ему предаваться скуке, вместе делали вылазки: подстреливали дроф, гонялись за сайгаками. Однако всё равно пред взором Атаке бия неотступно возникали живущие на благодатной Чуйской долине и на южном побережье Иссык-Куля родичи сарбагыши и другие

соплеменники-кыргызы. И на берегу озера вблизи Чолпон-Аты осталось большое поселение. Не чужое, его родное селение. Как здравствует оставшийся там во главе их кочевья, во главе рода его старший брат Сатыбалды? Как поживают трое жён его, оставшиеся с детьми под присмотром и попечением старшей жены Бегимжан? Как подросли, возмужали дети?

После выходки Эсенгула в Шаты Атаке стали мучить разочарования. Пав духом, он захотел отречься от всего: от родственников, от власти, от богатства. Оставив большое селение у Чолпон-Аты, с группой преданных джигитов Атаке бий двинулся вдоль подножия Иле подальше от родных земель. Он взял себе в токол четвёртую жену, молодую казашку. Теперь он обитает в просторных степях Анархая, в кочевье у Киндик-Таша, рядом с небольшим, как верблюжий глаз, источником с серебристой хрустальной струёй и чудодейственным вкусом.

Стало для Атаке, уже преклонного возраста бия, обыновением: взобраться на пологую вершину Киндик-Таша и любоваться восходом солнца и провожать, любуясь, как оно багряным пожарищем уходит на закат. При этом разговаривал он сам с собою о чём-то сокровенном. Никто не осмеливается приблизиться к нему в такие моменты. Он в стихии своих мыслей...

Наголову разбив калмаков и выдворив их из объятий Ала-Тоо, безошибочно предугадывая семьдесят уловов маленького дракона - язычников, всегда преграждая им путь; и сражавшийся, и мирившийся с соседним Аблай ханом, что же в итоге добился он, Сардарбаши кыргызов?! Неужели его многолетние деяния и старания воссоединить всех кыргызов потерпят крах не из-за происков недругов, а из-за младшего брата Башкойкона, зарвавшегося гордеца?

Да, было, что, обидевшись на Эсенгула, он, бий, бросил ему в ярости: «Чтобы глаза мои тебя не видели!» Правда и то, что внутри у него тогда всё закипело, в душе забурлил едкий дым злобы. И он откочевал.

Как видно, если в сердце тоска непреодолимая, ноют и кости. Старые раны, зарубцевавшиеся было, с каждым годом отзываются болью в сердце, сравнимой с колкостью острия колючего бояка.

Какой бы ни была хрустально-чистой и ни радовала глаз родниковая вода Киндик-Таша, разве сравнится она с величием родных гор Ала-Тоо с вечными снегами и ледниками, срав-

нится ли с живительной, целебной водой священного озера Иссык-Куль?!

Вдали от родных мест, от кровных, близких людей хоть и гложет душу безысходная, тягостная тоска, оказывается, человек вынужденно смиряется с такой участью, но, видно, не может смириться с разлукой конь. Тоску и печаль человек стерпит, а кони, видно, не выдерживают долгую разлуку. В Киндик-Таше за Ноктокером закрепилось прозвище Беглец. Почему-то он сторонился табуна, не внимал призывам табунщика. Два раза он пропадал и находили его. О первой пропаже его не сказали Атаке, но во второй раз табунщики были вынуждены признаться, что не углядели за Ноктокером. Атаке бий сам стал замечать, что Ноктокер улавливает слухом малейший шорох, вытянув шею, настороженно озирается, беспокойно перебирает копытами. Когда отпускают его пастись без удил, не хрустит полынной травой, а тоскливо смотрит в сторону Ала-Тоо, запомнившегося, видимо, ему снежными вершинами, широкими ущельями с бурлящими стремительными водами. После третьего побега Ноктокера Атаке бий хоть и не позволил спутывать ему ноги, стал держать его неподалёку от кочевья. «Соскучился, наверное, по луговой овсянице», – подумал с жалостью к верному своему скакуну Атаке бий и велел скосить траву со склона гор, окаймляющих долину Чуй, и извести её на корм только Ноктокеру.

* * *

Плохой сон приснился этой ночью Атаке. Всё побережье солнечной стороны озера от Котмалды (нынешний город Балыкчы на берегу Иссык-Куля) и до самого Тюпа полыхало огнём, клубы чёрного дыма застилали небо. Вода в озере бурлила оранжевыми волнами и выходила из берегов, как горячее, шипящее топленое масло. Огромные огненные волны накатывались то на гриву Ноктокера, то на волосы Атаке. «Отдай, отдай! – слышится гулкое требование. – Если не отдашь Ноктокера, лишишься своего счастья!»

И в этот момент с левой стороны юрты послышалось ржание Ноктокера, оно было похоже на тоскливый вскрик жеребёнка.

Объятый цепенящим страхом, весь в поту проснулся Атаке бий. Не слышно ни топота лошадей, ни малейшего шума. Всё вокруг тихо. «Если обычные белогривые волны ворочаются огненным пламенем у берега, наверное, что-то нехоршее

случилось в селении», – истолковал он к плохому свой кошмарный сон. Вытерев выступившую на лбу испарину, бий углубился в тревожные мысли. «Кто? Чей это голос?» – напряжённо искал он ответ. – От кого может исходить неприятность?» И определил он голос: «Башкойкон! Хвастун самонадеянный! Это голос тщеславного, расхраб्रившегося Эсеша! Ну да!»

Как известно, хоть и старится волк, но сил у него на одну овцу хватит. Атаке бий уверен, если он сейчас поведёт атаку, воткнёт в один сапог две ноги Эсенгула, вытравит из его толстого шишковатого носа ядовитых червей и притушит его непомерное тщеславие. Знает он, если разгневается, то скрутит все жидкие волосики потомка Болота–Эсенгула, без усилий разбросает его полупьяных, хвастливых молодцев. Но из-за одного Эсенгула, из-за этого заносчивого хвастуна, могут пострадать не только неповинные родичи, вынужденно делясь на соратников и противников соперничающих меж собой братьев. Это даст трещину в родственных отношениях внуков и правнуков. Как отзовётся, аукнется в душах потомков? Что скажут? Нет, Атаке бий отчётливо сознавал, что распри и схватки между родичами как мщение Чубака растянутся и будет нескончаемая беда, приведёт к безрассудному взаимному мщению. Нет, он будет пребывать вдали от родины один – стареющий бий. Он не допустит разобщения и вражды между родичами, племенами, что непременно негативно отразится на единстве всего его народа. Хотя рой выстрадавших и ставших уже навязчивыми мыслей отзывался в сердце бия гнетущей тоской, внешне он оставался степенным, спокойным. Возможно, от метящегося и обескрыленного состояния души приснился этот нехороший, тревожный сон?

Самолюбивый Эсенгул рано или поздно образумится, придёт с поклоном: «Я был не прав», – с уверенностью помышляет старый бий, чувствует он это нутром. Но хватит ли до этого ему жизни? Эх, нет сейчас в роду учуке никого, кто бы мог приструнить зарвавшегося Эсенгула, ткнуть носом на его неправоту. Даже если Маматкул и Болот отошли в потусторонний мир, а Темир, обидевшись, откочевал в сторону Намангана, то почему старшие родственники по отцу Биримкул и Доолот не могут отважиться, не хватает у них духу осадить своего дурня? Почему вроде бы неглупый сын Темира Черикчи, вместо того чтобы одёрнуть или приструнить зазнавшегося, распухшего от самомнения здоровяка, поддакивают ему? Ладно они, но почему сам Атаке, признанный Сардарбаши,

именуемый Улукбием – Главным бием, почему он не взял этого зарвавшегося хвастуна Башкойкона за горло, а предпочёл отойти в сторону? В предрассветное время чуткий Жоломан увидел Атаке бия, вышедшего из юрты, и опешил. Поверх военной, походной одежды на плечи бия был накинута бешмет.

– Бий ага?

– Седлай! Ноктокера седлай! – властно приказал Атаке бий, но, поняв свою резкость, взял себя в руки и спокойно сказал: – Немного собью его капризный норов, взбодрю его дух. Тоска его сдает, что ли, всё храпит беспокойно. Ехать за мной не надо, вернись поздно.

Когда сел в седло, тронул Атаке Ноктокера и дал ему волю. Умный скакун иноходью устремился вперёд. Бий сидел в седле, чуть покачиваясь в ритм с лёгким бегом вдохновлённого, похрапывающего от удовольствия коня... В это раннее утро Атаке и Ноктокер потревожили многих птиц, млеющих ещё в тёплых гнёздышках. А когда двинулись по левому берегу Иле, проснулась уже вся обитающая там животная рать: сурки попискивали; барсуки, убегая, падали, переворачивались; из-за саксаулов стройные сайгаки, подрагивая ноздрями, провожали коня и его седока зоркими взглядами: «Кто такие они?»

Вскоре, спозаранку, с волнением выехавшие из Киндик-Таша Атаке бий и его преданный, покорный друг Ноктокер оставили далеко степи Анархая. Утро воцарилось полновластно. Под солнечными лучами переливалось широкое поле многочисленными цветами. И далее в пути земля, как ковёр, меняла свои цвета, узоры. Камыши с пушистыми верхами уступили равнину перистой полыни, а полынь – незаметно ароматному сложноцветному эстрогану, который в свою очередь – красным макам. Далее опять пошли заросли стройных камышей с мохнатыми верхушками, чуть колышущими на лёгком ветерку. Потом сменила их ветвистая жёлтая акация. Затем потянулись тенистые, кряжистые карагачи, негустая берёзовая роща. За ней зеленела одинокая ель...

Ноктокер шёл то лёгкой рысью, то переходил на бодрую иноходь, а по извилистой, заросшей травой, дорожке да широкой тропинке – уверенным шагом, не спотыкаясь, изредка пофыркивая влажными ноздрями. Недаром он родился от знаменитой породистой пёстро-пегой кобылицы Акбойрок. Проницательный Атаке бий чувствовал приподнятый дух своего скакуна. Ведь впереди радовали взор родные горы, манили к себе своим величием. На поднебесных, белоснежных пиках

Ала-Тоо играли золотые лучи дополуденного солнца. Атаке бий ехал на подъём вдоль русла реки, которую кыргызы называют Чу, казахи – Шу. В Чу вливаются реки Кара-Балта, Ак-Суу, Сокулук, истоки которых в горах Ала-Тоо. Где-то бурливой, где-то разливной, а где-то зеркально-тихой несёт Чу свои воды, утоляя потребности широкой равнины до Балхаша.

К полудню Атаке бий проехал по склону гребня горы у Отара и спустился опять к низине на берег реки Чуй. Сказывается легко, но это огромное расстояние! В долгом, утомительном пути человек и конь, движимые смутным чувством и тревоги, и отрады, возвращающихся к родным просторам, общались меж собой: человек невольно высказывал то признательные слова коню, то извергал недовольство его норовом, а конь отвечал то игривым лёгким ходом и задорным фырканием, то упрямым ржаньем. По природе своей Ноктокер был чуток и всегда улавливал изменения в настроении хозяина. Он давно уже чувствовал, что Атаке гложут сомнения, обида, печаль, и только своей плавной иноходью, лёгкой рысью мог поднять его дух. И Атаке бий всегда был добр и внимателен к преданному другу. Он не дёргал сильно уздечку, не бил стремями по его крупу, старался не сделать даже малейшую боль. Но в этот раз Атаке изменил себе. В этот раз он из коня выжимал всё. От непрерывного, интенсивного хода Ноктокер покрывался уже испариной, стал иногда спотыкаться. Атаке по этому поводу не переживал, так как был переполнен тревожными мыслями и чувствами...

Пред глазами видение, что приснилось ему накануне. «Что за пожар обрушился на Чолпон-Ату? Почему озеро горит багровым пламенем? Не накличет ли беду на свою голову излишняя тревожная подозрительность? Не повредит ли копыта Ноктокер или настигнет его нежданная участь: падёт замертво в этом чрезмерно длинном пути? Какая напасть обрушилась на головы оставшихся в кочевье родных и близких, малых детей? Народ перебили?» – роились тревожные ядовитые мысли...

Вдруг застрекотало!.. Сидевшая на засохшей ветке сорока, приняв всадника и его коня за чужаков в их обитании, извещает всех своих пернатых сородичей... А стрекочет-то как зло! Так и кличет буду!.. Так и стрекочет, будто весть какую-то злую сообщает. И вся она пёстрая, подобно Ункур-Мункур – ангелам, появляющимся к покойникам сразу после предания их земле и начинающим допрос с пристрастием. Со-

рока, превращающаяся в падаль далеко не от осторожности, а от зависти и жадности, заслуживает такой жалкой участи. Неугомонная сорока, не переставая стрекотать, сорвавшись с ветки, решила полететь наперерез Улукбюю. Она слетела с сухой ветки и, рассекая ветви жёлтой акации, рьяно хлопая крыльями, устремилась к ним сбоку. Или бий завёлся и сделал резкое движение, или Ноктокер сам почуял враждебность сороки и наострился, в общем, расстояние их с крылатой задирой мгновенно сократилось до вытянутой руки. Атаке хлестанул плетью неугомонную птицу. Не успев увильнуть, крылатая сплетница плюхнулась в дорожную пыль, как кусок войлока-потника. И осталась лежать со склоченными перьями вздорная пернатая к несчастью своему. «Мою светлую дорогу попыталось перегородить пёстрое воронье отродье, пророча неприятность», – истолковал возбуждённый бий.

После полудня Ноктокер рысил по Кордайскому перевалу. Одно название, что перевал, так, небольшое, округлое, как тибетейка, возвышение, точнее, каменисто-глиняный пригорок. Ноктокер хоть и был давно покрыт весь испариной от быстрой ходьбы, рысил легко, как будто нипочём ему этот перевал. Иное состояние владело Атаке бием. Обычно, если предстоял ему путь в сторону Сокулука, Кара-Балты, Атаке бий не спешил. И в бытность Сардаром, и в бытность Улукбием ездил он в полном спокойствии, в приподнятом настроении. Он заранее оповещал родственников жены Бегимжан, забивал в жертву животное, читал молитву по тестю Жайыл баатыру и его сыновьям. А сейчас он спешил к своему селению. Тревога всё больше охватывала его, в душе запылилась злоба. Может, дух его тестя Жайыл баатыра по сей день обижен на него и отвернулся спиной к нему? Атаке бий, не сходя с коня, сидя в седле, как мусульманин, прочитал молитву по духам усопших. Почтительно поклонился им, скрестив руки на груди, чуть склонив голову к луке седла.

В полдень из-под копыт скакуна уже поднималась жидкая пыль проторённой дороги Чуйской долины. Затем омыла копыта Ноктокера прохладная и резвая вода реки Аламудун. Вокруг – щедрая красота благодатной долины: алеют упругие тюльпаны, ярко-жёлтые одуванчики рассыпались в густой зелени, словно стаи бабочек. Провожали Атаке бия и скакуна, щебеча листьями, ивы, тальники, тополя. Ыссык-Ата, Токмок, Боролдой, Кемин проехали они и очутились вскоре в Боомском ущелье...

В своём бодром ходе за всё время один раз только неутомимый Ноктокер, встрепенувшись, резко остановился. Ехавший в дрёме от плавного хода коня Улукбий головой нырнул в пышную его гриву и в следующий же миг ошарашенно откинулся всем корпусом назад. И правая рука его инстинктивно ухватилась за ножны меча. Не выскочил какой-то вояка из-за скалистой глыбы, да и подозрительные люди не попались на глаза. Никто не напал, издавая зычный крик. Атаке бий услышал какие-то приглушённые писклявые звуки, доносящиеся чуть ли не под конскими копытами. Смотрит: мать-фазаниха! Грациозно двигая шейю, шла она впереди, за ней семенили птенцы, один за другим, словно нанизанные на невидимую нить. Не припрятываясь в чаще кустарников, проворно и легко семят прямо посредине дороги эти простодушные птицы. Хотя конский топот вспугнул фазаниху и она заклокотала, но не ринулась спастись. Не оставит же она своих птенцов! Фазанье семейство преспокойно пересекало дорогу, вероятно, чтобы спуститься вниз к реке. Какое было дело этим желторотым пернатым до Атаке, прозванного Сардарбаши! Улукбием! Конечно же, рождённые в Бооме, растущие в Бооме – они баловни этого ущелья. Думаете, что они подобны сорокам и могут погибнуть не по неосторожности, а по жадности? Нет, эти существа безвредны и безобидны! Атаке бий нагнулся и загляделся на детёнышей фазанихи с яркими опереньями. Он сам не заметил, как сорвал с лица прикрывавший нижнюю часть его платочек. Он терпеливо, с умилением ждал, пока птенцы, семена за матерью, пересекали дорогу. И Ноктокер проявил истинное великодушие, тоже спокойно ожидая, когда эти птенцы с матерью-вожаком пересекут широкую дорогу. Атаке оценил благородство своего скакуна. Коль велик ты – будь великодушен! Пока десяток птенцов провожал взглядом, пока мать-фазаниха не увела их, Ноктокер передохнул. Дальше он продолжил путь своей привычной резвой иноходью. И Атаке по воле скакуна сидел в седле, ни на миг не дёрнув уздечку, не ударяя по крупе коня стремянами. Достоинство коня по-настоящему познаётся в дальней дороге.

С перевала Кызыл-Омпол открылась взволнованному взору Атаке синева священного озера Иссык-Куль. Ни полыхающих огненных языков, взвивающихся над озером, ни поднимающегося клубами чёрного дыма к небесам видно не было. Вон оно, озеро, спокойное и непоколебимое...

Когда уже ехали вдоль берега озера, гребнистые, бело-

пенные волны с шумом накатывались на берег, словно стремясь достать брызгами копыта скакуна.

Перед ранними сумерками, пройдя Кой-Суу, а к ночи, двигаясь по склону Кара-Ой, Ноктокер приблизил Атаке бия к Чолпон-Ате. И за всё время пути вдоль озера царило спокойствие. Из тундуков юрт струился сизо-голубой дымок. Разленившиеся собаки, сделав несколько прыжков, достаивали их негромким лаем, потом ложились, воткнув лохматые головы меж лап.

* * *

В густых сумерках в войлочном доме уже властвовала темнота. Испытывая какое-то подспудное беспокойство, Бегимжан лежала в одежде в полудрёме. Как только её слух уловил приближающийся конский топот, она подняла фитиль лампы, набросила на плечи бешмет и в волнении вышла из юрты. От её шагов вперевалку чуть зазвенели мелкие серебряные украшения, вплетённые в её жиденькие косы.

Хотя силуэты всадника и его коня ещё не определились в темноте, Бегимжан по стуку копыт узнала Ноктокера. Вещее, преданное сердце пожилой женщины предчувствовало, оказывается: недаром порывы сладкой грусти всколыхнётся, то кольнёт тревожно. И Ноктокер, узнав Бегимжан, раздув ноздри, приветливо громко фыркнул.

Бегимжан, как в те далёкие годы своей цветущей молодости – красавицы-молодухи, взялась за стремя и повела коня к коновязи, не поднимая глаз на Атаке бия. Он, кашлянув, как бы прочищая горло, заговорил спокойно, степенно.

– Всё хорошо, Бегиш?

– Слава богу... Всё у нас ладно.

– Дети, родственники в здравии?

– Все в здравии, всё у нас тихо и мирно. Дети все... Всё благополучно, Бийата...

«Бегиш» – так почтительно-ласково назвал Атаке старшую, преданную жену Бегимжан. И она, как все их дети, называют его Бийата – Отец бий. Она с утиной походкой вперевалочку шла, крепко держа стремя, подлаживаясь к шагу Ноктокера. Когда муж наклонился и перевесил ногу, чтобы сойти с коня, она, как это делала в молодости, бережно поддерживала его, просунув руку ему в подмышку. Вполголоса посылая благодарность Всевышнему и не решаясь прямо взглянуть на лик почтенного мужа, она проявила милосердие к взмыленному от долгого пути Ноктокеру.

– Дыхание не может перевести, милый... Слава Всевышнему, миленький, слава Всевышнему. Может, сделать жертвенное «семь баабедин»? Видно, ехали стремглав. Сами-то как, Бийата? В спокойствии?

– Ехали без привалов. Без отдыха.

– Почему так спешили?

– Да сон приснился недобрый.

– Что с конём делать?

Бий повернулся и погладил крупу Ноктокера. Делая вид, что ослабляет подпругу, он незаметно для Бегимжан припал лицом к ещё горячей крупе коня, вдыхая и ощущая горько-солёный привкус конского пота. К потрескавшимся губам Атаке бия прилип жёсткий волосок. Чуть повернувшись лицом к жене, велел:

– Отпусти!

Говорят, утомлённым копытам не позволяй по краю брести, жаждущему – водой его брюхо не наполняй. Зная такую истину, Атаке проявил бессердечие. Поступил скверно.

Проделавший путь в 350 вёрст от Иле до Чолпон-Аты, Ноктокер, конечно, выбился из сил, к тому же его мучила жажда. А коль нутро палит жажда, разве не утолит её Ноктокер? Грудь скакуна от усталости вздымалась, дыхание учащённо билось, и он, чувствуя волю, удалился. Устремился Ноктокер к камышам, уткнулся мордой в тихую болотную заводь и глотал воду звучно, с необычайным наслаждением. Когда он поднял голову, вдруг из паха его хлынула кровь вперемежку с тёмно-вишнёвым содержанием желудка.

* * *

Когда Бегимжан вошла следом за неожиданно прибывшим мужем, огонёк масляной лампы от их дыхания трепетно заколебался. И не потух, и не загорелся ярче. Вплетённые в косы украшения жены чуть слышно звякнули, когда она опустилась рядом с Атаке, чтобы стянуть с его ног ичики. Благозвучный, словно звон бубенчика, серебристый звук украшений больше не был слышен в тихой ночи в войлочном доме. Разгорячённая кровь Атаке бия остыла лишь в постели Бегимжан, но беспокойная отравы души не смягчилась. Нет вины в этом ни преданной жены, и нет ни малейшего повода к неудовольствию по отношению к Ноктокеру. Нет, прежде всего сам на себя раздражался бий. Атаке, кряхтя, сообщил Бегимжан, что, как только забрезжит рассвет, он отправится в обратный путь.

Она сказала с едва заметным укором:

– Люди же узнают.

– Пусть узнают.

– Если дети прослышат и спросят, что им отвечу?

– Сама объясняй детям. Скажи, что спешил... Скажи, что готовится к отражению неприятелей.

– И то правда: и врага ты сам одолеешь, и взыщешь с них за зло сполна. Но ты не гонец, который скачет ночами, Бийата!

Бегижан не зря слыла «мудрой Бегижан»! Внемля её словам, бий признал их правоту и воспрянул: обрёл благостный душевный настрой.

* * *

Утром Атаке вызвал Сатыбалды и сына Таштанбека. Посадив их перед собой, он завёл с ними краткую беседу. В конце её, бледнея ликом, дал указание:

– Вызовите этого неугомонного гордеца. Пусть прибудет без задержки. Скажите, что я приехал. Пусть увидит Ноктокера.

Выходя, порог перешагнув, он бросил ещё одну загадочную фразу: «Скажите, спору конец... Предайте земле животное с достоинством!»

Ноктокер, от души наглотавшись тёплой болотной воды, замертво развалился в зарослях камыша с разбухшим животом, облепленный множеством гнуса.

Спорить и препираться меж собой – это был удел двух потомков рода Манапа: Атаке и Эсенгула. Если Атаке глодала обида, то обида была на родственника. А в чём вина скакуна Ноктокера?! В каких только сражениях, не повредив даже копыто своё, спасал он хозяина от врагов. Чем он баламутил отпрысков Манапа?

Всё скулящая собачья ревность да обида кобелиная, скребущая двух родственников, погубили Ноктокера. Атаке с горечью понял, что жеребца знаменитой Пёстрой кобылы, не знающего утомления аргамака, уже не суждено ему, как прежде, пестовать. Нестись на нём, словно на крыльях птицы. Он счёл Эсенгула недостойным этого скакуна. Такой приговор Атаке был безжалостным и неумолимым. Но только такая суровость могла отрезвить вероломного, заносчивого и своенравного Эсенгула. Но и сам не смог достойно владеть таким сокровищем – скакуном.

Есть истина бесспорная: «Хорошая собака не показывает свою смерть». Хороший конь тоже. Но то, что предстало пред глазами Эсенгула и что он собственноручно продал Ноктокера земле, – это горький урок, его неизлечимая боль.

Когда увидит свалившегося в зарослях камыша громадного, с огромным вздутым животом, с вытаращенными глазами, объедаемого мухами, слепнями тулпара, не занует ли душа, не охватит ли огонь горечи тщеславное сердце даже бесноватого типа?!

Не только Эсенгул, но и все сородичи, увидев такой душе-раздирающий вид знаменитого скакуна, повергнуты были в леденящий ужас. Трясаясь всем мощным телом, Эсенгул громко и долго рыдал. Охватив голову коня, он просидел в зарослях до полудня. Затем, поднявшись, стряхнув одежду, повторил веление Атаке бия: «Ройте могилу! Будем предавать земле Ноктокера!..»

Среди сарбагышей были те, кто тягался с Улукбием за власть, глодала их тайная зависть к его славе, но беспреко-словно исполнили его волю: «Хорошо предайте земле животное!» На берегу озера вырыли просторную могилу и со слезами, тихим горестным плачем предали Ноктокера земле. Эх, Ноктокер, разве что от природы ты животное, а был не чета беспечному или вздорному человеку. Был прозорливее чело-века. Эх, вернулся бы ты, оглашая печальную тишину ржань-ем своим?.. Такое сожаление было у людей, знавших и ценив-ших его.

Жить – хорошо, а умирать – скверно. Но твоя жизнь и твоя смерть призвали людей к хорошему, Керкулун! У находящих-ся в противостоянии двух братьев, двух баатыров поостыла горячая кровь, и когда остались наедине, в унисон друг другу вздыхали подавленно, со скорбной горечью. То, что у Атаке внутри всё кипело от безысходного горя и слёзы, как капли крови, жгли его глаза – сущая правда. О состоянии Эсеша кто бы знал доподлинно, но то, что он, когда умер его отец Болот баатыр, так не рыдал, как над погибшим скакуном Ноктокером, было видно всем.

* * *

Приехав тёмной ночью, вышел Улукбий в обратный путь в предрассветное утро. Ехал он, не замечая раннюю зарю, не чувствуя её тепла. Кромешная, удушливая темень царила в его душе. Он сознавал, что погасло в нём сокровенное, отрад-

ное чувство, ибо с треском сломалась опора его. То, как он бездушно поступил с Ноктокером, аукнется ему обязательно. Это тоже он сознавал. Жизнь прошла, и до могилы осталось всего ничего. Надежда померкла, будто нет уже просвета в жизни.

Конь под ним хоть и рослый, но ход его был слаб. Нёс он Улукбия не рысью или иноходью, а шагом неспешным, а иногда и сбивчивым, усталым. А на что походил лёгкий, уверенный бег Ноктокера? Когда он чувствовал волю, молотя землю четырьмя копытами, нёсся резво, задиристо. Это как полёт птицы? – Нет. Как полёт ветра? – Нет. На что похож топот тулпара? Да, на биение материнского сердца!.. Это биение младенец слышит ещё в утробе матери. Потом, возмужав, он воспримет это как топот аргамака.

Когда Атаке бий добрался до полынных степей Анархая, он упал на землю навзничь и, как ребёнок, надрывно, неутешно зарыдал: «Ноктокер мой! Ноктош мой! Вернулся бы ты ко мне с ржаньем дорогим. Коктенир не простит меня!.. Ноктокер ты мой, Ноктош. Как же я мог потерять тебя? Неужели проклятье Камбар-Аты падёт на мою голову?»...

В рыдании Башсардара-Улукбия были и боль утраты Ноктокера, и протест брэнному миру, и чувство утраты молодости, безжалостно надвинувшейся старости. Обида, зло и ещё много воспалённых, мятежных мыслей и чувств терзали его.

Лёжа среди горькой полыни и уже успокоившись, но ещё судорожно дыша, думал бий: «Почему я раньше моего Ноктокера не умер? Если бы ушёл я в невозвратный путь и лежал в земле, то радовал бы мой слух перестук копыт моего Ноктокера!»

Жгучее желание Атаке бия самому превратиться в конский топот осталось бесплодным. Его джигиты: как лиса лающий, Жолобай, как волк воющий, Жолчу, рыская по степи Анархая, нашли своего Бийата. Наткнувшись на него, не сразу узнали.

Измученного чувством горестной потери и долгой изнурительной дорогой Атаке бия свалил недуг. Он слёг, как только достигли Киндик-Таша.

* * *

Наступит, неотвратимо наступит черёд... Встретились потом лицом к лицу или нет вступившие в спор за жеребца Ноктокера два близких родственника – нам не ведомо. Но, по

слухам, дошедшим до нас, дело обстояло так: Эсенгул баатыр, предчувствуя, что иссякает живительная вода его, что дни его на исходе и настало время его уйти в вечный покой в загробный мир, собрал всех родичей, стар и млад, и сказал: «Если кто и защитит Ала-Тоо, это Атаке баатыр. Если кто сможет достойно заботиться о народе, это Атаке баатыр. Сороди-чи, скорее доставьте брата! Пока ещё жив, повидаюсь с ним!»

Сколько бы ни тянулись распри, наступает время, когда люди мирятся, приходят к согласию! Доброе слово не только молодую, но и старую змею побудит выползти из норы.

Услышав о желании двоюродного младшего брата, Атаке бий немедля отправился в путь с Киндик-Таша близ Иле, но прибыл в долину Чуй, именуемую Сары-Озон, с опозданием. Видно, не было под ним подобного Ноктокеру быстрого скакуна, делающего дальний путь коротким своим бегом, подобно стрижу, стремительно летящего, подобно ветерку напористому, мчащегося по степям и нагорьям.

Проезжая вдоль густо разросшегося тальником, иргой, берега подковообразно изгибающей реки, что неподалеку от нынешнего Токмока, Атаке увидел людей, копавших могилу. Посмотрев на боковое углубление могилы – вечное место покойного, Атаке бий вроде бы сказал: «В народе говорят, когда ты жив, пусть будет широким твоё почётное место. Когда умрёшь, пусть будет просторна твоя могила». Копайте ещё три дня!»

В равной степени уважаемый кыргыз-кайсаками Атаке баатыр хоть и не проявил заботу о себе, но великодушно порадел о своём младшем брате. В священном Туркестане, в мавзолее Кулкожо-Акмата-Жасаби, где покоятся ханы, беки, святые, он установил камень в честь Эсенгула. На камне, расположенном рядом с мощами Абылай хана, размером с кашгарский сундук высечена надпись: «Эсенгул баатыр, манап. 1800 год».

ПОЭЗИЯ

Анэс ЗАРИФЬЯН

ИЗ МОИХ БЫЛЫХ ЗАМЕТ НА ПОЛЯХ ЛЕТЯЩИХ ЛЕТ...

Перестроечное

Считалось в застойные лета:
Что толку кричать в пустоту?

И правда была под запретом,
И страх порождает немоту...

Но как рисковалось и пелось,
Дерзалось по бритве ходить!

А вот разрешённая смелость
Ни строчки не в силах родить.

1986 г.

* * *

Можно клясть и менять вождей,
Маркитантствовать с заграницей,
Можно новых зачать детей
И засеять тайгу пшеницей...

Но останется стол наш пуст,
И не вызнать дороги к Храму,

Если Мастер и Златоуст
Так и будут подвластны хаму.

1986 г.

* * *

Меня трясут: «Ты за кого?
За белых иль за красных?!»
Увольте! – тягостней всего
Психоз вождишек разных.
Своим умом живу давно,
Не древко чту, а Древо.
А дураков везде полно –
И справа есть, и слева.

1990 г.

* * *

Всё к тому – чтоб обозлиться,
Всё к тому – чтоб озвереть.
Вот и надо – веселиться,
И шутить, и песни петь,
Не впадать в экстаз наживы,
Примеряясь к временам,
А любить, покуда живы
Мы и те, кто дорог нам!

1991 г.

* * *

Возможно, я худший из всех,
Но, как бы ни мазали сажей,
Предательства пакостный грех
На мне не лежал и не ляжет.
Поэзией раны лечу.

Не миром – собой недоволен.
И много ль от жизни хочу?! –
Лишь Воздуха, Смысла и Воли.

1992 г.

* * *

На выях – цепи, лбы – дубовые,
Гуляют – только на Канарах.
Сегодня миром правят «новые»,
Но я предпочитаю «старых».

1995 г.

Цитата дня

В дни выборов нам в головы вбивают
Цитатку из пяти расхожих слов:
«Коней на переправе не меняют».
Коней? – Вполне возможно. А ослов?..

1996 г.

* * *

Не всё о'кей – одно лишь хорошо:
Что я, прожив полвека не в пустыне,
Легко сквозь трубы медные прошёл,
Не заразившись вирусом гордыни;
Напротив, уяснил с теченьем дней,
Что должно избегать пустой рисовки,
Что самоуважение – важней,
Чем фанатизм восторженной тусовки.

1996 г.

* * *

Известно изречение,
Знаком сей постулат:
Благие намерения
Всегда приводят в Ад.
Чти истины старинные,
Однако не считай,
Что замыслы змеиные
Попасть помогут в Рай.

1996 г.

* * *

Никогда не пускала зависть
В моём сердце гнилую завязь.
Не завидую никому,
В том числе и себе самому.

1997 г.

* * *

Ах как трудно играть на лире,
Ощущая свою безместность!
Всё меняется в нашем мире:
И действительность, и словесность.

Детям новый язык ниспослан,
А нормальная речь – в могиле.
...Это сладкое слово «спонсор»!
...Это гордое слово «киллер»!

1997 г.

* * *

Давно ли я носился оводом?
Теперь же, мучимый виной,
Специалистом стал по проводам
Людей хороших в мир иной...

2010 г.

* * *

«Вас сие не удивляет?» –
 вопрошу аудиторию.
Вопрошу я многоликую:
 «Может, в этом есть резон –
Всяк народ иметь желает
 величайшую историю,
И тем более великую,
 чем сегодня мельче он?..»
2012 г.

Человеку, Царю природы

Ну и как ты, Царь, докажешь миру-с
Мнимое могущество своё,
Ежели иной ничтожный вирус
Может оборвать твоё житьё?

2012 г.

* * *

Если мир этот
 создан Творцом,
То нельзя быть
 живым мертвецом

Человеку,
чей долг – хоть немного
Соответствовать
образу Бога,
То бишь тоже
при жизни творить
Да уметь
над собой юморить.

2013 г.

* * *

Бросьте ваши измышления!
Факты собраны реальные:
Наши чувства, потрясения –
Сплошь явления гормональные.

Ну а если об интима я
Разовью идеи строгие,
Тут совсем, простите, химия
Пополам с физиологией!

2013 г.

* * *

Похоже, здравая
Мне мысль явилась с ходу:
Кто мелко плавает,
Тот вечно мутит воду.

2013 г.

* * *

Средь ценных истин
(а подобных – множество)

Я согласился б полностью
с одной:
Нет ничего нахальнее
ничтожества,
Что чувствует поддержку
за спиной.

2013 г.

* * *

Верен поэтическим мотивам,
Песней я не стану торговать.
К счастью, други, по корпоративам
Мне не приходилось выступать!

2013 г.

* * *

Критиком быть – дело небольшое.
Ведь в конце концов-то, братьевъё,
Проще обесценивать чужое,
Чем создать хоть что-нибудь своё.

2013 г.

* * *

Устроен странно род людской,
Чем на Земле и славится.
Все жаждут правды лишь такой,
Которая им нравится.

2013 г.

Ксения МИЛОХОВА

СТИХИ

ЭТО УТРО ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА

Так хочется уехать далеко;
И в облачных слоях играть с горами,
Бежать от них железными путями,
Туннелями и стуком поездов.
Чтобы приехать, не за час, но вскоре,
Туда, где обитает моё море,
Где берег облачён в шелка песков,
И чайки, словно сдвинутая бровь.
Чтоб надо мной простерлась синева,
По коей в лузу солнце клонит,
Бог, что в божественный бильярд,
Играет целый день на небосклоне.
А дальше изумрудность глубины
И бирюза прибрежных мелководий,
Где хорошо мне при любой погоде,
Где волны шепчут мантры и псалмы.
Там бы мне жить, до лет, до зим, до вёсен,
Вставать с рассветом или где-то в восемь,
Садиться в лодку и мазками вёсел
Портреты делать прямо из воды.
И я уеду, не сейчас, но вскоре,
За мной замкнётся цепь высоких гор,
И, как подруге, мне покажет море
Свои глубины из-за синих штор.

Всё солнечно, но сорок плюс в тени
Мне не даёт без стёкол видеть город,
Зато находится прекрасный повод
Гулять под желтоглазые огни.
Исчезнувшие сотни лет назад,
С ещё не существующих радаров,
Но свет от их прижизненных пожаров
Ночами всё тревожит чей-то взгляд.
И, пролетя сквозь сотни лунных лет
Он льется к нам на землю, как и прежде,
Светя в ночи тускнеющей надеждой,
На то, что вечны мы и смерти нет.
И бликами среди белых облаков
На гладь земную так и хочет лечь,
И прошептать, что все мы будем светом,
Который нам за жизнь дано разжечь.

Это утро меня уводило куда-то в даль:
В горы, белыми пиками вросшие в небеса,
На макушках которых всегда обитал февраль,
А внизу – нефритовая полоса.
Это утро меня провело каменистой землей,
Что нечасто слышит звуки идущих ног,
Мир открылся старой своей душой
И в душе, мне кажется, утром гулял Бог.
И тогда время остановило бег,
Испугавшись вечности этих мест,
Чтобы мне ощутить то, как мал один человек
И как много в мире помимо есть.
Это утро останется навсегда
В каждом шаге новых моих дорог,
В каждой клеточке тела, в моих глазах
И в чернилах этих написанных строк.

День опять сорвался с календарных станиц,
Проложив в небе звёздный маршрут,
А ты не застал улетающих птиц,
И они для тебя не поют.

Под подошвы твои не стелил старый парк
Листовые отряды свои;
У тебя ведь Facebook, Instagram и Контакт
И другие понятия любви.
Ну а где-то, а где-то горы стоят,
Широки, как стогорбый верблюд.
И небо над ними свой звёздный наряд
Роняет в озёрное блюдо.
И вечер там пахнет дынно, да так,
Как будто с небесных страт
Луна, на крыльях из облаков,
Спустила свой аромат.
И эта страна у тебя за окном
Взрывается красками дней,
А ты всё сидишь и мечтаешь
(О чём?)
Обидно, что не о ней.
В мечтах твоих север, запад, и юг –
Лишь выгляни из окна,
И во дворе под капли стук
Тебя уже ждёт весна.

А я в лучах минувшего стою,
Где укрывает солнце небосводом;
Тиха и не озлобленна природа –
И я пою.
И каждый день, врываясь эту жизнь,
В себе роццу и обретаю птицу,
Не замечая боль в своих ключицах,
Летать учу.
И переливам перьев на спине
Кладу себе небесную дорогу
В себя я верю, как верю в Бога -
Ведь он во мне.
Но за пером теряя по перу,
Не отклоняясь от перепутий млечных,
Я падаю и превращаюсь в вечность,
Но вдруг замру.

Лето закончится, только моргай глазами,
Всё, что изжито, скрутится в полюса:
Ветры хлещут лицо мое волосами,
Небо плывет прямо в мои глаза.
Все так кончается – ты продолжаешь хлопать,
В ритме морганий кадры запечатлять;
Вот расчихался пухом ушастый тополь,
Вот пух убрали метлы каких-то дядь.
Вот за рекой где-то поет кукушка,
Всю мою жизнь вкладывая в строку.
Спросишь ее: «Сколько же мне осталось?»
И с замиранием сердца считаешь «Ку-ку».
Все так кончается – искры из пламени льются,
На небесах чуть розовеет шов,
Озеро вдруг превратилось в зеркальное блюдце
И отражает тайны других миров.

Сергей ДАТКАЙ

СТИХИ

H₂O

Я стекаю по твоим рукам.
Я смотрю в твои глаза дождем.
Я омываю пеной берега.
Я на ресницах - снегом, в лужах - льдом.
Я - мертвый и живой, я - облака.
Я есть в тебе, вкуси меня скорей,
Вином иль чаем, соком из плодов,
Оазисным источником, среди сухих песков,
Испей меня скорей, и жажда утолится,
И жизнь продлится до скончания веков.

И я, размыв дороги, напою леса.
Омою твои ноги, я - в траве роса.
Я водопадами в ночи тебе приснюсь,
Не нужен, скажешь, тихо испарюсь.
Взгрустнешь по мне, я по щеке скачусь,
Слезой к твоей ладони прикоснусь.
Так не грусти!
Раскрой скорей окно!
Взгляни на небо сквозь прохладный ветер.
Я радугой раскрасил небосвод!
Пусть твой портрет увидят все на свете!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТНИК

Бесчеловечность как вечность,
Переживу, живу.
Познанная бесконечность
Изгибается наяву.
Безногий идет по дороге
Костяшками об асфальт,
Болят неистертые ноги,
Истертые не болят.

Не кончится бесконечность,
Дороги в его пути.
Чтобы найти человечность,
Он должен вперед идти.
Плетется, нахмутив брови,
Стирается тело больное,
Жаль, тело из плоти и крови,
Зато остальное стальное!

ОДНУ ТЕБЯ

О! Женщина!
Одну тебя хочу
Я в порошок стереть
И разбросать по свету.
Чтоб знать, что ты везде,
И в то же время
Нет тебя нигде!
И горя нету.

Но только ты одна
Понять меня готова.
Так искренне нежна,
Порою столь сурова.
Так ласкова.
Крадешься в тишине,
Меняешь взгляд, лицо,

Ты все меняешь, и
Ты прикасаешься ко мне,
В безумие меня вгоняешь!

Я просыпаюсь.
Чай передо мной.
Окно открыто,
Солнца блик играет.
Ты снова все покрыла суетой,
Которая меня так раздражает.

И я опять смотрю в твои глаза,
И лишь одно готовлю и молчу!
О! Женщина!
Любимая моя!
О! Женщина!
Одну тебя хочу!

Любовь, намазав на язык капкана,
Взвожу пружину, сняв предохранитель.
Ну, за Любовь!
И махом - два стакана.
Нырнул к закуске,
Вкусно!
Хороните!

Мечты овальные, а квадрат судьбы,
В любовном треугольнике по кругу,
Все чаще ищет пятые углы,
А мы лишь параллельные друг другу.

Порывы ветра, проводов, души порывы.
Как хлеб, преломлена, поделена любовь.

Мы живы, лишь пока мы тратим силы.
Мы в силах, лишь пока не тратим слов.
Все вроде бы запутано, замотано,
Разглядывая вязь морских узлов,
Присмотришься поближе, видишь, вот она!
Измотанная добрая любовь.

Простой графитовый огрызок,
Обыкновенный карандаш,
О, сколько в нем цветных открыток
И даже черно-белый шарж.
Как быть с графитовым портретом?
Как сделать, чтоб он стал цветным?
Ты просто должен быть поэтом,
Или, как минимум, святым!

Алина ТАЛЫБОВА

БИШКЕКСКИЕ МОТИВЫ

I.

...Империя – осколками. Снега.
С трудом я различаю берега
Ушедшей эры. Ледяной музей,
Хранительницы остов. Из костей
Архара прорастает космодром
(Во что, признаться, верится с трудом,
Но факт есть факт...)
На смутном полотне
Она шагнула вновь навстречу мне –
Чуйковская рабфаковка. Кумач
Косыночки от солнца хрупок.
Вскачь
Припустит время, только лишь века
Свистят в ушах...
Европа далека.
Но близок Бог – особенно в степи,
Где звезды вбиты в небо, как колки
Для струн комузных. У одной из юрт
Волнуется впотьмах соседей гурт.
Спаситель новорожденный у коз
Находит вымя – смугл и раскос,
И дремлет у барана на груди.
Тысячелетья снега впереди.
И Млечный путь змеится, как коса
Кыргызки – серебро и бирюза.

Лишь раз за вечность –
Бегло, не всерьез –
Мелькнет над миром
Солнца лисий хвост...

II.

...Ах, как пьется на травах чай!
Кыргызчаночка, не скучай!
Даже если любви все нет,
А в кафешкины окна снег,
Что пришел из сырой степи,
Чтобы вылепить здесь свои
Арки, парки, мосты, дворы...
Воздух с привкусом шаурмы.
Мир, затерянный между лап
Крупных хищников.
Кабала,
Нано, мега – такая чушь!..
Машет крылышком Мулен Руж
Захолустный –
а на черт б?..
Все проиграно дочиста:
Газ и золото, хлеб, меха,
И страна, что была «широка».

Ах, журавлик бумажный мой,
Что ты плачешь над головой?..
Этнос водит такси и шьет
По обрывкам заморских мод
(Но сопит Китай в темноте –
У него контрафакт крутей.)
А батыры-то все в Москве,
А киргизочка здесь в тоске.
Светит в сумрак лицо ее
Нежным рбкушкиным нутром,
Льется музыка по плечам,
Рядом требуют коньячка.
Остывает на столике чай.
Не скучай –
разливай –
прощай...

Московский транзит

Опять транзитная Москва
С ноябрьским снегом у виска.
Аэропорта материк,
В огнях дикарских дьюти-фри.
Опять в динамиках сипит,
Не бодрствует и не спит
Аэропорт – порог страны,
Чьи пассажиры так странны
И так летучи (каламбур)...
Среди баулов и фигур
Идет-бредет ночной дозор,
Вступая в вялый разговор
Между собой и матерок
Пуская вялый между строк.
Фантом страны – полночный порт,
Где по периметру снует
Разноязычное людье –
Былые граждане ее,
А нынче так – комси-комса...
Мы отбываем в небеса,
Свои билеты предъявив
В Ташкент, Тбилиси, Тель-Авив
И контрабандой увозя
Все «помнишь?..» и «тому назад...»
Москва!.. Как много... Но, увы,
Ты не нуждаешься в любви
Моей иль чьей-нибудь еще.
Москва, ты – наш немецкий счет,
Былых надежд роскошный хлам,
Вертеп с кумирней пополам...
Но все-таки – благодарю
За в Домодедове зарю,
И двух дежурных, что сменясь,
Чуть не полдня со мной возясь,
Сумели все-таки помочь,
Когда я плакала в ту ночь,
От самолета поотстав,
И слушать лепет мой не став,

Мол, «как же...», «сколько...», «чем могу...»
Пусть я на дальнем берегу,
На облачке, на волоске,
А все-таки – туман в леске...
Сонм галочий... церквушки скетч...
Москва – ковчег моих не-встреч,
Миф, микс, цветная шаурма,
Волчица о семи холмах...
«Москва...» Нет, больше не болит.
– Транзит?..
– Воистину транзит...

Уфа (Бумага, тушь)

Отстегнув крыла,
Огляжусь окрест:
Ледяной Урал,
В небе – Звездный Крест.

Одесскую – степь,
И ошскую – степь.
Разве только стерх
Шуганется в темь,

Да заедет к нам
Президент какой...
Виден из окна
Белый упокой

Парка поутру.
Бродит ветер-волк
Меж деревьев и труб.
Призрак прежних воль

За рекою ржет –
Сто копыт в шерсти
Разбивают лед,
Чтоб меня настичь.

Чтоб напиться всласть
Из кровавых рек –
И меж звезд пропасть,
Не замедлив бег.

Проплывет вода,
Просквозит эфир.
Мне сказал тогда
Молодой башкир,

Что вина не пьет,
Что не верит в мулл
И что жизнь везет,
Как поклажу – мул.

Что кругом обман,
Что кругом – война.
Из-под ног в туман
Уплыла страна.

Душу крочит клинч,
И хоть бы кто помог –
Салават, Ильич
Или тот же Бог...

Он цедит слова,
Он жует фудфаст.
Среди снежных ват
Залегла Уфа.

Разевая зев,
Плавя лом веков.
Универ, музей.
Водка «Демидофф»...

Ночь идет на дно.
Ледоход вот-вот.
Солнце мне в ладонь
Яркий мед прольет

Мне его везти
За сто Медных гор.

Ветер вслед свистит
Из полночных горл.

Из-за стольких лет
Все видна Уфа –
Как ожога след...
Что вернусь – не факт.

Из цикла «УЛИЦЫ НАШЕГО ГОРОДА»

В том городе, запутавшемся в осени,
В том городе, чьи в благородной проседи
Виски, чьи стены в благородной копоти,
Чьи медные века в кубышке копят
У девочки, у Вечности, чьи улицы
Вонзаются в созвездья, чьи целуются
На каждом на шагу дома балконами,
Чьи так смуглы и пешие, и конные,
Чьи монументы, зябнущие, гордые,
Стоят, закинув мраморные головы
К иным мирам, презревши расстояния,
Чьи площади, как скатерти уставлены
Обильно, в шесть рядов,
людскою всячиной...

И море в бухте мечется горячно,
Швыряя брызги жителям за ворота
И безраздельно властвуя над городом,
Что выброшен на берег чудо-рыбою,
И южный ветер как дыханье хриплое
Ему бока вздувает почернелые...
И город все плывет, плывет во времени,
Отталкиваясь плавниками каменными
От глинистой земли.

Три вечных пламени,
Как бабочки, к гербам его пришпилены.
И звезды задевают крыши килиями
И смотрят вниз –
на город, чьи целуются,

Столкнувшись на бегу подружки-улицы,
А монументы вздергивают головы,
Разглядывая НЛО над городом.
И ночь звучит впотьмах восточной темою,
И шелковым платком сползает к темени
Светлеющего неба...

Пахнет вечностью
Над городом, чьи жители беспечные,
Забыв о скоротечности и бренности
Своей, проходят улицами древними,
Чьи тротуары шатки, словно палубы,
И чья листва по ветру бьется парусом,
А вывески – мистическими знаками...
И много, много происходит всякого
В том городе, чье имя мной утеряно.
Плывет закат над башнями и термами...

И Время сушит весла в майском скверике,
Чтоб жителям в бессмертье легче верилось.

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав
АЛЕКСАНДРОВ

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Очерк

Путник! Будь осторожен.
Ты здесь, как слеза на реснице.
*Надпись на придорожном камне
Великого Шелкового пути*

Бедовый перевал

Дорога упиралась в небо. Если можно назвать дорогой автотропу в два метра шириной, пробитую на хребте Тогуз-Торо в диком ущелье над великим Нарыном. Настоящие дорожники называют это подобие дороги Пионеркой. Воображение сразу рисует юную школьницу в красном галстуке и слоган «Пионер – всем ребятам пример!» Но изначально пионер – это первопроходец, зачинатель нового. А поскольку дорога женского рода, вот и стали называть эти первые автотропы Пионерками.

Наш хваленый японский джип уже третий раз застревал на середине подъема по этой самой Пионерке. Уклон под тридцать градусов. Вальяжная «Тойота» с остервенением рыла под собой пыльную глинистую породу, но, увы. Тянь-Шаньские горы оказались не по зубам японскому автогиганту. Два раза мы уже скатывались назад на ровную площадку и пытались с разгону проскочить подъем, но по глубокой кривой колее джип «козлил», вилял, терял сцепление с землей и пытался перевернуться. А падать было куда. Справа внизу, метрах в двухстах, река. С другой стороны, как и положено в плохих американских боевиках, отвесные скалы. Машина за-

стряла посреди подъема. Съемочная группа нашей команды под предлогом съемки репортажа быстро покинула борт терпящего бедствие судна. Стоило ступить на землю, как стала понятна причина конфуза. Дорогу слоем в десять сантиметров покрывала не обычная пыль, а лесс. Это было мыло в виде пыли. То ли шальные ветры принесли его из пустыни Гоби, то ли земля отрыгнула из своих недр отходы какого-то секретного производства?! Даже мои выдавшие виды горные ботинки с трудом вынесли меня на вершину перевала. Мы приготовились к съемке.

В машине оставались водитель Саша Фурман и командор нашего путешествия Леван Маркович Алибегашвили. Как и положено капитану, он не бросил судно и не последовал за трухнувшими пассажирами. Машина снова задним ходом скатилась на площадку. Проблему решили кардинально. Снизу приехал гигантский автопогрузчик, зацепил на буксир наш нехилый джип и, как детскую игрушку, затащил на перевал. Это действие мы успешно задокументировали на свои фото- и видеокамеры. А снимать было что. Кроме аварийных работ с нашей машиной, с перевала открывалась великолепная панорама. Могучие горные хребты ломали линию горизонта и впились в бездонное небо колючими вершинами. Их строй извилистой лентой разрезал ущелье, по которому ленивой змеей серебрились воды могучего Нарына. А склоны по его левому борту разрезала рукотворная ровная линия. Это и была цель нашего путешествия – стройка новой альтернативной дороги «Кыргызский БАМ», от Бишкека до Оша. А этот бедовый, безымянный перевал и был ключом к самому сложному ее участку от Арала до Казармана.

Заманил нас в эту авантюрную поездку мой старый знакомый заместитель директора по проектированию института с мудреным названием «Кыргыздортранспроект» Леван Алибегашвили. Он обещал нам показать настоящую стройку века. Гигантские масштабы строительства, неукротимую природу, необыкновенные технические решения, замечательных строителей, которые превращают идеи его института из чертежей и схем в живое дорожное полотно, мосты и тоннели. А сам Леван по долгу службы должен осуществлять авторский надзор за строительством.

«Ах, заманить меня нетрудно, я сам заманиваться рад!» Так, перефразируя классика, можно объяснить наше быстрое

и дружное согласие на эту авантюру. Мы – это группа сопровождения командора. Александр Федоров – один из лучших фотохудожников Кыргызстана. Мастер пейзажа и портрета. Человек, изумивший нашу благословенную страну вдоль и поперек с киногруппами студии «Кыргызфильм». Объективом своего аппарата он написал живые фото страницы истории нашей страны. Сергей Дудашили – писатель, спелеолог, специалист в области туризма. И автор этого очерка – журналист, кинооператор, альпинист. Нашей задачей было запечатлеть, задокументировать для истории на фото- и видеокамеры строительство самого сложного участка новой дороги. Мы давно мечтали об этой поездке. Читать газеты, смотреть ТВ, слушать чужие рассказы об этой стройке и потом ретранслировать их – это второсортный продукт. Посмотреть на глаз, попробовать на зуб, услышать из первых уст – вот это было в наших правилах.

Судьба играет человеком

Теперь пора рассказать и о нашем командоре Леване Марковиче Алибегашвили. Это уникальный человек. Корифей дорожного строительства, хорошо известный на всех просторах СНГ. В свои восемьдесят три года он возглавляет проектирование автомобильных дорог нашей страны. Причем это не хрестоматийный старец, управляющий своей империей по телефону или через многочисленных приближенных. Он, как и в далекой юности, мотается по строящимся объектам во всех пределах республики. Телефоны, факсы, телеконференции – это все хорошо, но пока он сам воочию не увидит объект, не поговорит со строителями на месте, душа спокойна не будет. А начиналось дело вот как.

Не думал и не гадал в 1953 году выпускник сельской школы из села Казбеги Грузинской ССР Леван Алибегашвили строить дороги. Главное – было желание учиться. Поехал в Ленинград и подал документы в политехнический. Но их даже не приняли под благовидным предлогом. Причина лежала на самой поверхности. В графе «родители» он собственной рукой написал: отец «осужден как враг народа».

Это была правда, и скрывать ее не имело смысла. В 1951 году военврач, участник войны Маркоз Алибегашвили по ложному доносу был осужден. После смерти Сталина его реаби-

литировали и восстановили в правах. Но это было позже. А в тот момент еще четыре вуза показали юному абитуриенту на дверь. Наверное, само провидение в лице директора Ленинградского инженерно-строительного института академика П. Боженова вело его по жизни. Он лично поговорил с «сыном врага народа». Каким шестым чувством он угадал в грузинском подростке будущего мэтра дорожного строительства? С его легкой руки Леван был принят и в 1957 году с красным дипломом окончил институт по специальности «инженер-строитель автодорог». Перед ним был шикарный выбор – любая точка огромной страны Российская Федерация! Но он ждал вызова в родимую Грузию. Вызов пришел. Но поступал он в институт на общих основаниях, а не по квоте. Поэтому и распределяться будет на общих основаниях, иначе не получит диплом. В конце сего банкета осталась одна Средняя Азия. Кушка и Мары в тоскливых пустынях Туркмении и загадочный Сары-Таш на заоблачном Памирском тракте. На весах судьбы горы оказались тяжелее.

Вот так наш горячий грузинский парень оказался у черта на куличках. Если они действительно существуют, то их прописка значится по адресу: Киргизская ССР, Памир, столица Алайской долины, село Сары-Таш. Еще знаменитый путешественник Марко Поло, первый кто описал эти края двести лет назад, говорил:

– Тускло горит на этой высоте костер, здесь не видно птиц, из-за холода они не поднимаются так высоко в горы.

Высота 3200 м, за бортом минус тридцать градусов, все перевалы закрыты снегом, ближайший транспорт через месяц. Тракт стоит. Работы стоят... или лежат? Одним словом, остановлены. Обрыдливые бараки, метель по несколько дней. Сельпо с устоявшимся ассортиментом: лепешки, водка, килька в томатном соусе, лук репчатый. Спирт. Из развлечений – экстремальная рыбалка на морозе. Да охота на дикого барана Марко Поло, который первым встретил путешественника в этих забытых богом краях на Крыше Мира. Тогда про Красную книгу никто и не слышал. Вот с такой веселой стартовой позиции начиналась трудовая деятельность нашего героя.

Зато с приходом весны открылись перевалы и он узнал, что такое настоящая работа на высокогорной трассе. Памирский тракт – это понятие круглосуточное. Он, как главная артерия в организме, дает жизнь Алайской долине и всей Горно-

Бадахшанской области Таджикистана. С давних времен весь Центральный Памир имел связь с внешним миром по старинной караванной тропе от Хорога до Оша. Автомобильной связи со столицей республики Душанбе до недавнего времени не существовало. Да и сама высокогорная трасса была одной из сложнейших в стране и работала из-за снежных заносов только семь месяцев в году, с мая по октябрь.

На 756 километров тракта приходится восемь перевалов выше 3000 м. Самый высокий – Ак-Байтал – 4780 м. Среди памирских водителей бытовала поговорка: «От Оша и до Хорога нехорошая дорога. От Хорога до Оша вот дорога хороша!» Вроде ерунда какая-то, дорога ведь одна и та же. Ан нет. Потому что из Оша на Памир шли тяжело груженные машины. Летний завоз как на крайнем севере. Везли туда все. Продовольствие, уголь, сено лошадям, топливо, стройматериалы, оборудование, людей. А назад шли почти налегке. Вот и радовалась шоферская душа. А три самых коварных перевала, Чигирчик (2500 м), Талдык (3600 м), и Кызыл-Арт (4200 м), находились под личной опекой Левана. На этом участке дороги каждый мост, лавинный лоток, серпантин, ползущую морену он знал в «лицо». А в придорожных аулах Гульча, Суфи-Курган, Бордобо, Сары-Могол, Дараут-Курган он был званым гостем. На Востоке всегда в большом почете были люди, которые прокладывали дорогу каравану.

Весна – это, конечно, прекрасное время года. Но для дорожников это аврал. Горы просыпаются от зимней спячки и, как огромный медведь, начинают сбрасывать с себя зимнюю одежду. Лавины начинают громыхать по ущельям и перекрывать трассу. А пробить в этой дамбе коридор для машин – дело трудоемкое и опасное. Через два часа снег в теле лавины из белого и пушистого превращается в бетон. Пока бульдозеры и экскаватор бьют коридор, того и гляди свалится на голову еще один «снежный подарок». А солнышко хорошо пригреет, побегут ручьи и соберутся вместе в одно русло. А это уже речка. Да не простая, а Кызыл-Суу называется. Характер у нее скверный, буйный, как у той тещи. Утром притворится тихоней со светлой, тихой водицей. Тишь да гладь и божья благодать. К обеду вода мутноватой становится, камешками ворчать начинает. К вечеру грозой разверзнется. Как поперет изо всех щелей да протоков жижка каменная, все снесет на своем пути. И берега, и мосты, и машины, и полотно дорожное. И за все будешь отвечать головой ты, Леван. Потому что начальник

участка. Почему не предусмотрел? Не предугадал? Не подготовился? Проморгал. А теперь получай! И получал. Но школа была отличная. Как говорил мудрец Омар Хайям: «Самый хороший учитель – это опыт. Берет, правда, дорого, зато учит хорошо!»

Всякое было за три года на Памирском тракте. Но больше всего Леван любит вспоминать не страсти-мордасти и героические поступки, а момент, когда после зимовки на Сары-Таше спускался в Ош. Там, на Алае, все время крутится черно-белое немое кино. Снег и скалы. Других цветов нет. Только иногда, как подарок судьбы, бывает синее небо. Практически нет запахов. Они замерзают на лету, падают в снег и там хранятся до лета. И давящая тишина.

Наконец, ты спускаешься с высоты 3000 м, со своих «чертовых куличек», вниз в шапке, валенках, тулупе и попадаешь в рай!

Жизнь обретает цвет! Зеленая трава, цветут урюк и персик. Буйство красок. Девушки в ярких платьях из атласа.

Жизнь обретает запахи! Знаменитый на всю Ферганскую долину Ошский базар. Поднимается дымок из тандыров. Запах свежих лепешек и шашлыка просто убивает наповал.

Жизнь обретает звуки! Многоголосье городского базара. Шум, гам. Кто продает? Кто покупает? Разве это важно? Важен сам процесс...

Горы зовут

Была еще одна встреча на Памирском тракте, которая сильно повлияла на его дальнейшую судьбу. Однажды в гультчинский «Дэу» въехал грузовик, доверху набитый горным снаряжением. Из машины вышел крепкий мужчина и попросил Левана помочь с ремонтом машины. Оказалось, что это была альпинистская экспедиция московского «Спартака» на пик Ленина. И ее руководителем был уже тогда известный на всю страну альпинист Виталий Абалаков. За время затянувшегося ремонта Абалаков рассказал Левану об экспедиции и альпинизме. Пик Ленина он видел не один раз с трассы у Сары-Могола. Красиво, конечно, но даже мысли не было, что он может подняться на эту вершину. Эта встреча произвела на Левана глубокое впечатление. Видно, горные демоны, которые спали в душе грузинского мальчишки, родившегося у подножия Казбека, в этот момент проснулись и уже никогда не отпускали.

По ротации кадров через три года Леван спустился с небес на землю. С заоблачного Алая в благословенный Ош. Старший инженер дорожной группы института «Киргизгипрострой» продолжал опекать свое любимое детище – Памирский тракт. Но теперь в область его обязанностей попали все дороги Ошской области. По тем временам это половина Кыргызстана. А в сферу личных интересов вторглись горы. Мало того что он и так половину рабочего времени проводил в поездках по горам на местах строительства, так теперь еще пришло увлечение альпинизмом. С легкой руки Абалакова он пришел в ошскую секцию альпинизма. В то время ей руководили уже опытные спортсмены Фрейфельд, Еропунов и Науменко. А настоящим стадионом для тренировок альпинистов была та самая гора Сулейманка. Овеянная вековыми легендами, она возвышается в центре Оша и видна из любой точки города. По одной из них, под первой башней, таится пещера, ход по которой ведет прямо в священный город мусульман – Мекку. Но только истинно правоверный может найти вход в нее. Правда, до сих пор входа туда еще никто не нашел. Но ошские альпинисты и не претендовали на такую высокую честь, а использовали скалы всех ее пяти башен в утилитарном смысле. Это был прекрасный скалодром. И Леван излазил все маршруты от самого простого, пешеходного, до сложных нависающих «отрицаловок», когда скала откидывает тебя и под ногами оказывается звенящая пустота. Небольшого роста, гибкий, юркий, он нередко был победителем городских соревнований по скалолазанию. С тех пор и началось восхождение к вершинам горным и вершинам духа человеческого.

Первая международная альпиниада на пик Ленина в 1967 году. Собралось четыреста человек. Команды со всего мира. Наша киргизская команда из четырех человек выступила достойно. Все поднялись на вершину. В лагере на шести тысячах Левану вручили гипсовый бюст Ленина, и он нес его в рюкзаке до вершины. Потом поставили бюст на выходы скал и на высоте 7134 м сфотографировались все вместе. Вот так Владимир Ильич поднялся на пик имени себя на плечах Левана. И до сих пор этот бюст – самый высокий в мире памятник вождю мирового пролетариата. Звучит, однако.

Стройка века

Может быть, горная дорога протяженностью 433 километра и не покажется стройкой века для китайцев. По длине. У них Великая Китайская стена 7000 км. И строилась не один век. А для нашей небольшой республики новая дорога как глоток свежего воздуха. И обещают ее построить не за век, а за шесть лет те же китайцы совместно с кыргызскими строителями. Старая трасса Бишкек - Ош задыхается от перегрузки. Два перевала высотой 3200 м. Опасные серпантины. Зимой на нескольких участках лавины регулярно блокируют дорогу. Разбивается техника, гибнут люди. А знаменитый тоннель на перевале Тюя-Ашуу, построенный в 1962 году московскими метростроевцами для дороги четвертой категории, уже не в состоянии пропускать современный поток транспорта. Он как бутылочное горлышко (тромб в кровеносной системе) на трассе. При движении большегрузов разрешают движение только в одном направлении. Две фуры там не разъедутся. Случись «затырка» – и все движение встанет. К сожалению, и печальные примеры с гибелью людей в тоннеле уже были.

Часть новой дороги Леван с сотрудниками проектировал еще во времена Союза. Но конечным пунктом ее был Казарман. Тогда время альтернативной дороги еще не пришло. Не актуален был вопрос. Не было границ, и наши автокараваны спокойно путешествовали по землям братских республик Казахстану и Узбекистану в Ошскую область. С обретением независимости этот вопрос встал во весь рост.

– Дружба дружбой, а денежки врозь! – сказали соседи. Независимость, как медаль, всегда имеет две стороны. С парадной стороны мы самые самостоятельные. Свой президент, парламент, правительство. Свой Кумтор, своя Токтогулка, свой бюджет. Только вот ключ от электрических сетей оказался у соседей. А Кумтор вовсе канадцам на откуп отдали. А по соседским дорогам доехать до Оша или Баткена через три границы стало слишком дорого и небезопасно. Появилась печальная перспектива вообще потерять юг Кыргызстана.

Вот тогда-то и вспомнили об альтернативной дороге. Но дорога – удовольствие не из дешевых. А кошелек-то худым оказался. На нищенские пенсии денег едва наскребали. С протянутой рукой по миру ходили и долгов на четыре миллиарда долларов набрали. Только с подачи президента дело сдвину-

лось с места. Из трех вариантов было выбрано предложение «Кыргыздортранспроекта». И вот здесь завертелось, закрутилось: финансы, строители, подрядчики. И все опять в сжатые сроки. Давай, давай. Финансировать стройку взялся мировой тяжеловес Bank of China. На условиях, что и строить дорогу будет тоже китайская компания China Road. Леван был рад. Это были его старые знакомые. Четырехполосную автостраду по его проекту через Боомское ущелье строила эта же компания. У специалистов был уже большой опыт строительства горных дорог. С техникой и рабочей силой проблем нет. Стоимость проекта оценили в 850 миллионов долларов США. Выделить такую гигантскую для нашей республики сумму для строительства мог только банк из обоймы мировых гигантов.

Вот нам и стало интересно, какая же дорога может стоить таких сумасшедших денег!? За Бедовым перевалом нас уже ожидали. Начальник участка, сменные инженеры, прорабы и консультанты института. Надо было видеть, с каким почтением встречали эти люди нашего командора. Как потом объяснил переводчик, много народа приезжает на стройку. Местные жители просят сделать съезд к дому или мостик через ручей сделать, чтобы бабушке за молоком удобно было ходить. Кто побогаче и попроворней, просят сделать площадку под будущий магазин, чтобы торговать у будущей дороги. Из города приезжает более солидная публика. Большие деньги – большая игра. Кто-то требует завернуть дорогу в родное село. Другие «проверяющие» ничего не смыслят в дорожном строительстве, но зато очень хорошо разбираются в кулуарных играх, в подходах, заходах и откатах. Но ни мостики для бабушек, ни откаты в сметах на дорогу не значатся. Поэтому и отношение к визитерам здесь настроенное.

В нашем случае все обстояло по-иному. Приехал АВТОР, специалист высочайшего уровня, аксакал дорожного строительства. Вот у кого можно поучиться. И все пошло как на военном совете. Здесь же на капоте машины разложили чертежи и схемы. Строители окружили машину плотным кольцом, и посыпались вопросы. Как сделать, что перенести, где добавить? А объект – вот он, под ногами, далеко ходить не надо. Здесь и решилась судьба «Бедового перевала», где мы буксовали. Сроят его. Опустят «Его Наглое Мыльное Величество» на пятьдесят метров, и будет здесь нормальная дорога, пригодная даже для стареньких «Жигулей», на которых Леван исколесил все дороги страны. Смышленные китайцы быстро

разобрались, кто есть кто в табели о рангах кыргызских дорожников. На время строительства они подогнали несколько японских джипов для ключевых фигур проекта, чтобы нужные спецы могли быстро проехать к объектам, когда и куда нужно. Одним из них, был аксакал «МаркОвич». Так уважительно, с китайским акцентом обращаются к Левану Марковичу строители.

Пока Леван делал свою работу, мы делали свою. Саша Федоров вцепился телеобъективом своего «Олимпуса» в окружающие хребты, прорезанные пунктирной линией дороги. Сергей Дудашили записывал впечатления в походный блокнот, готовя благодатную почву для очередного рассказа из серии «Неизведанный Кыргызстан». Чтобы не мешать деловому разговору, я снимал «военный совет» скрытой камерой. Благо и скрывать было нечего. Современная видеокамера помещалась у меня в сжатой ладони. Закончив «военный совет», кавалькада машин двинулась дальше по громадной стройке, делая короткие остановки у каждого спорного объекта. А их было достаточно на самом коварном участке, растянувшемся на девяносто километров от Арала до Казармана.

...Дорога. Красивая и утомительная, опасная и увлекательная. Она разговаривает с тобой. Каждый поворот задает тебе вопрос и по тому, как ты пройдешь его, ответишь ему, оценивает собеседника. Леван любит разговаривать с дорогой. Она всегда навеивает мысли и воспоминания. Разные. Грустные и смешные, сиюминутные и философские.

Еще раз о судьбе

Леван: возвращались как-то в Бишкек с объекта из Арала. Был апрель. Коллеги предложили вернуться домой через Рыбачье. А мы приехали в Арал через тоннель на перевале Тюя-Ашуу. И дорога хорошая, и короче на 100 км. Решил возвращаться тем же путем. На два часа раньше приедем. Но у природы нет плохой погоды. Есть очень хреновая. Погода – дама капризная. У развилки на основную трассу Бишкек - Ош начался снег. Выше пошел накат. У тоннеля гололед и пробка. Температура резко упала до минус одиннадцати. Час простояли у южного портала. Вышли из тоннеля в семь часов вечера. От северного портала до реки Кара-Балты дорога обледенела.

Пятнадцать километров спускались пять часов. Фуры начались складываться, как книжки, и блокировать дорогу. Все прямо на проезжей части стали надевать цепи. Автобусы, фуры, самосвалы, легковушки. В одном месте машину занесло, и мы влетели в парапет. Нас откинуло в колею и потащило, как неуправляемую ракету, а там фура. Разбили бампер и фару себе. Фуре разбили поворотник. Но водитель с нас ничего не взял. Одно слово, профессионал-дальнобойщик. Сказал только:

– Сами целы, и слава богу!

Внизу у реки была не дорога, а каток. Нас снова понесло, и мы врубались в «Хонду». Она в биллиардном стиле «карамболь» поцеловала «Ниссан». Скандал, крики, угрозы. Остаться на этом катке было смерти подобно. Я насчитал восемнадцать серьезных аварий от портала до реки. Решили разбираться внизу. У Сосновки нас ожидали аварийщики. Но когда разобрались, то заплатили им всего 200 сомов, за помятый номер и поцарапанный бампер. Стоило тратить столько нервов из-за этой ерунды, жизнью рисковать? Смерть ходила рядом. Домой вернулись ночью. А наши коллеги спокойно проехали через Балыкчи и пили чай в Бишкеке уже вечером. Как тут угадаешь? Судьба, значит, такая.

Из серии «Умный в гору не пойдет»

Наше знакомство с Леваном случилось на отдыхе. В горах. Там мы отдыхали от городской суеты на традиционной Майской альпиниаде в Ала-Арчинском ущелье. Знаменитая стоянка Рацека на 3300 м пестрела палатками. Разночинный народ из «Буревестника», Сельмаша, Политеха, «Инструментальщика» разбегался по вершинам. Наша группа кыргызского «Спартака» готовилась к восхождению на пик Теке-Топ. Он высится прямо над Ала-Арчинским альплагерем, и его еще зовут «Пол Эвереста», потому что высота его составляет ровно половину этого гиганта – 4444м. Это был мой первый маршрут 3Б категории трудности. Тренер Володя Бирюков представил нам инструктора:

— Леван Маркович Алибегашвили. Кандидат в мастера спорта по альпинизму. Инструктор второй категории. «Снежный Барс». Завтра в 6 утра выход.

Тогда для меня, второразрядника, это был небожитель. Человек, взошедший на все четыре семитысячника Союза!

Но на маршруте оказалось, что это вполне земной человек. С тонким чувством юмора и беззаветно любящим горы. С этого учебного восхождения и началась наша дружба длиною в жизнь, скрепленная экспедициями, походами и горами.

Вечером у традиционного костра обычно опытные альпинисты травят байки, чтобы поразить воображение молодых ребят и особенно представительниц прекрасного пола. Но тогда Леван рассказал нам историю о реальном восхождении кыргызской команды в 1973 году на самую суровую гору страны, пик Победы 7439 м. Суровую и страшную. Ребята шли к вершине и знали, что до них здесь погибли 59 человек.

– Когда мне бывает плохо, я вспоминаю наш тяжелый траверс Победа – пик Неру. Шли без забросок. Это была ошибка планирования. Получилась эпопея на выживание. От ночевки на 7000 м вперед ушли Стас Лавренченков, Володя Айзен и Мамасали Сабиров. Потом я ушел с Женей Слепухиным. Остались собирать палатку, в которой мы ночевали всемером, Роберт Яхин и Витя Слюсарев, а первую разорвало ветром. Налетел туман, и мы со Слепухой оказались оторваны от ребят. Шаг влево, и ты уйдешь в Китай. Шаг вправо с гребня, и ты улетишь вместе со снежным карнизом вниз на два километра до ледника Дикий. Было страшно. Но обошлось. Последняя гора перед спуском была Пик САВО. Было уже не так холодно, и Мамасали ночевал на улице. Ели, вот не поверите, заморозную луковицу на семь частей и – ложка спирта на нос. Примус не работал.

Спустились на ледник Иныльчек, у старых стоянок нашли помойку и там остатки сухарей. Это было счастьем. Вот что голод делает. Но капитаном команды был Слепуха с сержантскими замашками. Заставил нас личные шмотки выкинуть, а забрать веревки, палатки и крючья. Это было государственное имущество, которое нужно было сдать. Конечно, можно было потом вертолетом забрать этот снаряж, но он был капитаном и так решил. Рюкзаки весили по сорок килограммов. Три дня шли по леднику с этим грузом. Дурдом. Подошли к Чон-Ташу и нашли заброску. Вот там мы оттянулись по полной.

А рассказал он этот случай, чтобы ребята не питали иллюзий насчет того, что в горах все прекрасно. Лучше пусть восторженные романтики сейчас бросят это «безнадежное мероприятие», называемое альпинизмом, чем потом горько сожалеть об этом.

Казарма на краю географии

Казарман – странное название городка на карте республики. Явно не местного происхождения. В нем слышится что-то знакомое. Ну, конечно, Казарма! Укрепленное поселение российских войск за Девятью хребтами - Тогуз-Торо. Этот форпост охранял часть Великого Шелкового пути из Европы в Китай. А главное, «шалили» тут разные рудокопы. Недалеко отсюда, в горах Макмала, золотишко нашлось. А где золото, там и дьявол. Золотая лихорадка до добра не доводит. Со временем местные жители стали называть это гиблое место, где мощные скальные ворота зажали могучий Нарын на выходе из долины, Казарманом.

Вот и сегодня отвесные скалы каньона превращали будущую дорогу в золотую. По стоимости каждого километра. И самым оптимальным вариантом оказалось строительство эстакадного моста прямо над Нарыном. Длина его полтора километра, высота свай до сорока метров. Такого чуда еще не было ни на одной дороге Кыргызстана. И он будет выводить путешественников из теснины прямо в распаханную Казарманскую долину, с двух других сторон закрытую Макмальским и Ферганским хребтами. Старая дорога от Казармана шла через перевал Сары-Кыр на Джалал-Абад и в Ош. Но работала она всего четыре месяца в году. В остальное время лежал там снег или шли оползни от обильных дождей. А аварийность просто зашкаливала. Сказать по совести, по современным меркам не дорога, а наказание господне. Смысл новой дороги – это стратегический коридор. Из Таджикистана через Баткен на Ош, потом Казарман, Иссык-Куль, Казахстан и дальше в Россию. А раз такой высокий статус, то и работать она должна как часы, не завися ни от дождей, снегов и других каверз природы. Поэтому не должно быть на ней ни серпантинов, ни перевалов. Для этого под перевалом Кок-Арт наши российские партнеры из Новосибирска спроектировали тоннель в 3840 м.

Вот в него-то мы с размаху и въехали. Черная дыра портала на заснеженном склоне поглотила нашу команду. К этому времени строители вгрызлись на семьсот метров в тело Ферганского хребта. Дыра в двадцать метров диаметром спокойно пропустит через себя четырехполосную автотрассу. А со стороны Джалал-Абада только сто пятьдесят метров осилили. Там южная сторона. Там тепло. Вот они и не торопятся.

Пока Леван метал гром и молнии по поводу отставания

тоннельщиков от графика, мы обследовали тоннель. Первые сто метров уже одеты в бетонный пояс. А дальше под ногами хлюпает вода и со сводов торчат ободранные взрывами зубы скал, как будто хотят укусить непрошенных гостей. Лежали они себе спокойно миллион лет, а здесь приперлись букашки какие-то, аппаратами щелкают, спать не дают. То буровая машина гремит, то взрывают тело горы.

А над головой еще семьсот метров скал и перевал Кок-Арт, по которому когда-то проходила тропа знаменитого Великого Шелкового пути. Вот как бывает в жизни. Встретились в одной точке караванная тропа с магистралью двадцать первого века. Мудрые люди, однако, были эти караван-баши. Знали, где лучше провести тропу к новым горизонтам. И памятник оставили в назидание потомкам. Под перевалом в урочище Саймалы-Таш, где останавливались на отдых караваны, сохранилась с тех лет целая картинная галерея. Времена были такие. Никто никуда не спешил. Верблюды шли цепочкой, скорость не превышали, на встречу не выбегали. Заправлялись верблюжьей колючкой да водой на неделю. Вот и было время порисовать. На камне. Кистью было каменное зубило. Тысячи петроглифов украшают сколы камней, усыпавших склоны урочища! Здесь в основном сцены охоты, любви и быта. Удивительные изображения солнцеподобной девочки. Как она попала сюда? Уникальный исторический памятник, который привлек бы в это место многочисленных туристов!

В начале работ на этом участке Леван сгоряча даже хотел запроектировать съезд и автотропу к Саймалы-Ташу. Но потом одумался. Вспомнил, во что превратили варвары петроглифы на родной Сулейманке в Оше. Хотя и объявлена эта территория заповедником, но время еще не пришло. Не созрел еще народ. Пять километров, которые нужно будет пройти по крутой горной тропе и снежнику, серьезное препятствие для праздно шатающихся бездельников. А настоящие ценители памятников истории и так доберутся.

Мысли вслух. Философские

Леван: вот мы все время лезем в космос, спускаемся в глубины морские, бурим землю насквозь. А про душу человеческую, которая рядом, забыли. Взять древних римлян, они были лучше нас или мы? Техника – да! Тут все понятно. А

душа? С ней-то что? Какие изменения? Зависть осталась. Вероломство и подлость остались, все пороки остались. Человек с тех пор совсем не изменился. А землю изгадили!

Мы каждый день носим маски. На работе, в министерстве, с красивой женщиной, везде разные маски. Главное, я считаю, чтобы не было стыдно оставаться с самим собой. Ключевое слово для меня – «порядочность». Не ум, не сила, не красота. Я никогда ничего у сильных мира сего для себя не просил. Говорят, что просить за других – это святое дело. Но, к сожалению, много раз я получал и от тех, кому помогал. Говорят, что дарить всегда приятней, чем получить подарок. Но есть и другое: не делай добра – не получишь зла?! А тогда зачем ты пришел в этот мир?

Несколько слов о романтике

Второе восхождение на Хан-Тенгри 7010 м. Левану в то время стукнуло 55 лет, и он шел на гору не со своими ребятами, а с иностранцами. Два чеха с плохой акклиматизацией. Никто не верил, что мужики взойдут на вершину. Зачем он пошел второй раз, да еще с незнакомыми ребятами? Все просто. Чтобы доказать самому себе, что 55 – это для него не возраст и все еще впереди! Уже на третий день они комфортно лежали втроем в палатке штурмового лагеря на 6400 м и готовились ко сну. Вдруг подошли снизу ребята-словаки, четыре человека. На сильном ветру они не смогли поставить палатку и попросились на ночевку. Конечно, приютили, но всемером в трехместной палатке - вся ночь коту под хвост. Целый день отсиживались, погода ни к черту. Решили штурмовать вершину отсюда, без лагеря на 6700 м. Следующий день работали на гребне. Ветрило так, что мама не горюй. Ребята отстали. Уже ближе к ночи Леван первый подошел к треноге, которую поставил Володя Бирюков на вершине Хана в 1980 году для определения его точной высоты. Через полчаса подошли чехи. Радости не было, ребята были вымотаны. Одна мысль нужно скорей линия вниз. Спустились в темноте с фонарями на 6700 м, там была брошенная кем-то маленькая палатка. Втроем не поместишься, тесно. Ни спальных мешков, ни примуса. Камера-одиночка в КПЗ, наверное, комфортабельней. Но чехи так устали, что идти вниз отказались. Выхода не было. Леван выматерился и против правил пошел один на 6400 м, к штур-

мовой палатке. Главное – не промахнуться мимо площадки. Иначе кирдык. Это было к полуночи.

Висела квадратная луна. Светло. Кругом ни души. Какая это была картина! Ты один на один с целым миром. Луна, голубые звезды в абсолютной черноте. Вокруг гигантские горы. Космос и тишина. Картина, которую Леван пожелал бы увидеть снова в момент ухода в мир иной... Он лег в пустую палатку и обложился пуховыми мешками. Положил на грудь, как крест, замерзшую бутылку «Фанты», потом просыпался и несколько раз иссохшими губами жадно пил оттаявшую жидкость. Утром подошли чехи, скрюченные от холода, как саксаул, но живые. Перед лагерем группу встретил любимец экспедиции, громадный сенбернар Он-Тор доктора спасательной службы Саши Горохова. Пес очень обрадовался ребятам и прыгнул Левану на грудь. Шестьдесят килограммов собачьего восторга снесло его с ног. Леван упал на идущего за ним, и они, как костяшки домино, сложились на лед. А пес радостно повизгивал и облизывал Левану лицо. Это было забываемо.

Мысли вслух. Прозаические

Леван: когда приезжаю в Грузию, меня встречают очень хорошо. И Федерация альпинизма Грузии, и друзья-альпинисты, и родственники. Ведь я первый грузинский «Снежный Барс». Приглашают переехать на постоянное жительство. Но кем я там буду? Нахлебником?

Ведь у меня все здесь. Вся жизнь. Работа, друзья и дороги, которые строил. Бишкек - Ош. Бишкек - Нарын - Торугарт. Ош - Баткен - Исфана. Ош - Сары-Таш - Иркештам. Боомское ущелье и многие другие. И, конечно, горы. Родные Памир и Тянь-Шань. На Кавказе тоже горы. Красивые. Но не то.

Как вино, грузинское и французское. Французское разлито в Москве. Французы разбираются в вине. Хорошее вино. Но грузинское домашнее лучше. Потому что в нем есть душа и нет коммерции. Оно сделано для того, чтобы доставить себе и людям радость. А у меня здесь, в Кыргызстане, в Токмаке Эдик Дудашвили делает замечательное грузинское вино. Душа этого человека в нем есть. Хорошего человека.

Эдельвейс – цветок редкий

Мы возвращались домой вдоль реки по знакомой уже Пинерке, и только сейчас бросилось в глаза, что новая дорога на двести-триста метров выше нас режет склон.

– Леван, а зачем вы так высоко залезли на склон, что там, грунты легче или сейсмика меньше?

– Как бы ни так! Там все труднее и дороже и трясоти может до девяти баллов. Если бы можно было вести дорогу вдоль реки, мы бы ее уже построили. Память человеческая коротка. Уже все забыли, что на Нарыне были запланированы каскады электростанций. Нижний каскад уже построен. Токтогулка, Курпсайка, Ташкумырка. Верхний каскад выше города Нарына строится. А вот самая большая станция «Камбар-Ата-1» только в плане. Но когда ее построят, ущелье окажется зоной затопления. Конечно, это лучше, чем на Токтогуле было. Тогда затопили целую плодородную Кетмень-Тюбинскую долину. Пришлось переселять целый город и несколько деревень. Здесь же места безлюдные, вреда никакого не будет. Но вот дорогу пришлось поднять на склон. А здесь, где мы едем, будут плавать рыбы. Так что снимайте больше, ребята. Для истории.

– А как вы, дорожники, угадываете линию уреза воды? – спросил Левана Александр Федоров, когда мы возвращались назад. – Ведь она может и затопить дорогу? Ответственность громадная!

– Отметку нам дали энергетики. Они рассчитывали. Но вот ответственность все равно большая. У меня в институте работают сто двадцать человек прекрасных специалистов. Да и техника сейчас продвинутая. Спутниковая съемка. А ответственность как была, так и есть. Я хочу, чтобы через много лет те, кто будет проезжать по этой дороге, вспомнили нас добрым словом. Мне очень нравятся слова Чингисхана:

– Если боишься, не делай! А если делаешь, то не бойся!

Вот меня часто спрашивают друзья и знакомые:

– Тебе уже восемьдесят три. А ты все носишься по этим дорогам, как пацан. Пора уже отдохнуть! Беда наша в том, что мы в душе ощущаем себя на двадцать лет. А телу-то уже за восемьдесят! Буги-вуги уже резво не спляшешь. Но если будешь и в душе ощущать себя на восемьдесят, то тогда дело труба! Сливай воду, глуши мотор.

А вообще на жизнь нужно смотреть иронично. Я на себя

смотрю самокритично. Но это сухо. Ирония лучше. Мне не стыдно обернуться назад. За жизнь я сделал много ошибок. Может, кого-то обидел. Был несправедлив. Но не со зла, не из подлости. В жизни все бывает. Ни на кого зла не имею и зла не держу. Помните, как в фильме «Мимино»: «Если я буду знать, что тебе хорошо, и мне будет хорошо. Вот так и надо жить».

И у неразговорчивого Сергея Дудашвили тоже нашелся вопрос к нашему герою:

– Вот у тебя вся жизнь прошла в горах. На работе ты половину времени в институте, половину на дороге, в горах. Раньше, как лето наступало, ты всегда брал отпуск и «зимовал лето в горах», где-нибудь на Памире или Тянь-Шане. Не надоело?

– Знаешь, вот когда я бываю в Москве или Питере, я кручу головой, и у меня беспокойство на душе – нет гор! Для меня горы – это символ вечности. Снег на вершине – это символ чистоты. Гора – это символ Бога. Настоящая икона. Гора – это моя икона. Море для меня как пустыня. Вот только Иссык-Куль хорош. Именно потому, что над ним со всех сторон горы.

Как ни странно, но за 61 год работы Левана запомнили в лицо и оценили не только дороги Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана. Не только рабочие-строители, дор-мастера, начальники участков, инженеры-проектировщики его ученики, но и власти предержавшие. За профессионализм, за неуступчивый характер. Понимали, что он человек слова и не боится ответственности. Всего в его наградном иконостасе четырнадцать наград. От своей республики до стран СНГ. Но даже в торжественные дни он надевает только две из них, самые дорогие его сердцу. Знак «Заслуженный дорожник КР» и орден «Эдельвейс» Евро-Азиатской альпинистской ассоциации. В статуте ордена написано: «Учрежден в воздаяние трудов на пользу альпинизма и Отечества». А девиз его - стихи А. Пушкина:

*Они сошлись. Вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.*

Не предполагал Александр Сергеевич, что эти стихи и о нашем герое. Скалы и реки, снега и дороги, романтика и неустроенный быт, горячий характер и вершины, упирающиеся в космос, – все сошлось в этом человеке.

ВИКТОР КАДЫРОВ

VIA EST VITA

Эссе

Человеческая память устроена таким образом, что надолго удерживает воспоминания об экстремальных ситуациях, которые переживал ее носитель, а спокойные, полные довольства дни вспоминаются с трудом, превращаясь в туманную смесь событий без конкретных очертаний. Моменты жизни, прожитые с напряжением всех сил, на грани жизни и смерти, воссоздаются памятью в мельчайших подробностях, до долей секунды, от которых зависела твоя дальнейшая судьба.

Например, несмотря на то что прошло более сорока лет, я четко помню свои ощущения, когда острые осколки льда, вылетающие из-под ледоруба Бори Кузьменко, вырубавшего ступени на склоне Ак-Тоо метров в тридцати над нашими головами, стучали по моей каске и больно жалили незащищенные брезентовой курткой-штормовкой участки кожи на руках и шее. Как раз перед восхождением на левой руке возле запястья созрел крупный фурункул, и удар прямо по нему куска льда, успевшего набрать приличную скорость, заставил меня взрывать от боли и подпрыгнуть на месте. На небольшой вырубленной в ледовом склоне полочке вместе со мной находились еще двое альпинистов – мои друзья Нина и Володя. Под нами метрах в двухстах лежал Ак-Сайский ледник, а над нами было метров семьдесят ледового склона, вздыбившегося под углом в сорок пять градусов. Из-за моего резкого движения могло случиться непоправимое... Дальше наш путь пролегал по скалам на вершину.

Мои пальцы помнят шероховатость валуна, на который я оперся, выходя на скалы, и который внезапно поддался вперед и пошел вниз, целясь в моих друзей, стоящих ниже метрах в тридцати на вырубленной ступени. Валун был величиной с комод и, повинувшись закону всемирного тяготения, летел все быстрее и быстрее, лишая меня всякой надежды на то, что моим товарищам удастся спастись. Чувство отчаяния и беспомощности охватило меня. Я стоял на небольшом скальном уступе и молил Бога о чуде. И чудо произошло – не долетев несколько метров до моих товарищей, валун резко изменил свой курс и ушел влево, скрывшись в боковом кулуаре. Конечно, ни Бог, ни чудо тут были ни при чем, просто белый цвет склона скрывал его неровности. Уклон был в сторону того кулуара, куда и полетел валун. Но мое страстное желание чуда и безмерная радость от того, что оно произошло и что мои друзья остались живы, я никогда не забуду.

Из таких ярких моментов соткана память о наших прожитых годах.

Путешествуя, мы иногда попадаем в экстремальные ситуации. По большей части они создаются нами самими. Например, недавно перед погружением я не проверил манометр акваланга, что должен был сделать обязательно. Мы были на Филиппинах. Местные моряки меняли нам баллоны после погружения и, видимо, перепутали их, поставив мне вместо полного баллона полупустой. Обнаружил я это на глубине двадцати семи метров. Внезапно я почувствовал, что дышать стало тяжело. Воздух со свистом поступал в загубник. Такое возможно лишь тогда, когда баллон пуст. Но мы ведь только недавно ушли под воду! Я глянул на манометр и не поверил своим глазам: его стрелка была на нуле! С такой глубины нельзя сразу всплывать на поверхность. Рекомендуется подниматься не быстрее чем пузырьки выдыхаемого воздуха, то есть не более 18 метров в минуту, плюс три минуты остановки на глубине пяти метров, чтобы из крови вышел растворенный азот. Мне потребовалось бы на всплытие около пяти минут. А тут, как я понял, еще пару вдохов и всё – воздуха не будет. Не более десяти секунд у меня было на принятие решения. Задержав дыхание, я осмотрелся. Гид, который вел нашу группу, был далеко впереди. Я не успел бы догнать его: при усиленной работе организм требует подачи кислорода, а у меня его не было. Неприятно засосало в животе, и я физически ощутил, насколько далек от поверхности моря, где смог бы

сделать спасительный глоток воздуха. Глубже меня метрах в трех жена Светлана увлеченно снимала на камеру какое-то подводное создание. Я позвонил в колокольчик, прикрепленный к жилету, чтобы привлечь ее внимание. Никакой реакции! Я с трудом сделал последний вдох и понял, что больше воздуха у меня нет. Не поддаваясь панике, подплыл к Светлане и взял у нее запасной загубник. Она удивленно посмотрела на меня, ведь обычно, в моем баллоне остается приличный запас воздуха и в конце погружения. Я же с наслаждением ощущал, как кислород разносится по всем моим кровеносным сосудам. Какая короткая ниточка связывает нас с жизнью! Этой экстренной ситуации не случилось бы, если бы я все выполнял по инструкции и перед погружением взглянул на манометр.

Второй недавний случай произошел во время погружения на затонувший японский корабль.

В сентябре 1944 года американские бомбардировщики затопили в бухте Корон возле филиппинского острова Бусанга японскую эскадру из двенадцати кораблей. Теперь это любимое место погружений дайверов со всего света.

Мы со Светой, следуя за молодым пловцом-гидом, исследовали внутреннюю часть корабля «Когио мару». Его длина – 180 метров. Лежит он на глубине 31 метра. Груз – мешки с цементом, рулоны металлической сетки, экскаватор и прочее – до сих пор находится в трюмах, покрытый толстым слоем ила. Корпус корабля оброс кораллами и губками. Переборки местами зияют дырами, через которые мы свободно попадаем с одной палубы на другую. Внутри темно, и лучи наших мощных подводных фонарей похожи на светящиеся мечи джедаев из «Звездных войн». Они выхватывают из тьмы детали обшивки, лестницы, створки моллюсков, облюбовавших корабль. Волнистые раковины моллюсков похожи на гигантские челюсти, захлопывающиеся при нашем приближении.

Мы плывем все дальше и глубже. Вот остатки парового котла. Видна топка, обложенная шамотным кирпичом. На каждом оттиснута марка производителя.

Меня тревожит мысль о том, что мой компьютер отсчитывает последние минуты отпущенного мне времени нахождения на этой глубине. Чуть более часа назад мы были на другом затонувшем корабле – на танкере «Окикава». И глубина была всего на несколько метров меньше – 26. В организме еще остался накопленный азот, поэтому компьютер дает сигнал подняться выше. Но наш гид упорно ведет нас вниз. Что

делать? Следовать за ним или уйти вверх, минуя лабиринты проходов машинного отделения? Решаю плыть за гидом, надеюсь, что проход выведет к выходу наверх. Так оно, в конце концов, и случилось, но компьютер показал мне «деку», то есть я нарушил декомпрессионный режим погружения. И показал мне «штраф» – 7 минут на глубине 14 метров. Безусловно, это необходимая остановка для того, чтобы растворенный в моей крови азот успел выйти из организма. Но и время нахождения на этой глубине сильно ограничено, всего 10 минут. А мне еще нужно задержаться на 3 минуты на пятиметровой глубине. Жена плыла за мной и, конечно, тоже поймала «деку». И тут мы допустили ошибку, которой могло и не быть.

Мой компьютер показывал, что мне нужно было «отставаться» еще три минуты, а компьютер жены уже разрешил ей подниматься наверх. Я слегка удивился, но разрешил ей всплывать. Дело в том, что мыслительные процессы под водой заторможены, да и время «отстоя», кажется, идет до того медленно, что порой думаешь – а не сломался ли компьютер? Кроме того, я решил, что Света, которая плыла чуть выше меня, могла набрать меньше азота.

Оказалось, что ее компьютер был неверно настроен. Вечером у нее начались сильные боли в теле и появились кровоподтеки в разных местах. Это результат вскипания пузырьков азота, в излишке накопленного в теле пловца. Осматривая покрасневшие участки тела, пылавшие жаром, я боялся, что у жены могут быть повреждены и внутренние органы. Слава богу, на следующий день симптомы болезни ослабли, а потом и вовсе исчезли. Декомпрессионная болезнь может вызывать серьезные осложнения, вплоть до летального исхода. Безусловно, в этот раз мы не настолько нарушили режим безопасного погружения, но я винил себя за то, что не заставил Свету всплывать по показаниям моего компьютера.

Вспоминается рассказ моего друга-дайвера Константина Герасименко об одном его экстремальном погружении на Красном море. Он с напарником попал в нисходящий поток морского течения. Борьба со стихией совершенно бесполезно, хотя другой мой друг Василий Калашников говорил об одном случае, когда дайвер-женщина, также попавшая в нисходящий поток, сообразила надуть воздухом из октопуса – безопасного загубника сигнальный буй. Он, словно воздушный шар, помог ей удержаться в течении. В случае с Константином поток то погружал его и напарника глубже сорока метров, то

выносил их вверх, почти на поверхность. Когда им удалось все-таки вырваться из лап стихии и оказаться в относительно спокойном месте, напарник Константина, поддавшись панике, надул жилет и пулей устремился на поверхность, несмотря на отчаянные жесты Константина о необходимости «отстоя» и вывода излишка азота из организма. Итог был печален: через два дня Константин узнал, что его напарник по погружению умер. Несмотря на то, что на поверхности его быстро поместили в барокамеру.

Компьютер при погружении играет исключительно важную роль: его инструкции нужно выполнять неукоснительно. И отстраивать его по индивидуальному режиму, соответствующему вашему весу, возрасту и даже физическому и психическому состоянию.

Иногда, когда я плыву вдоль вертикальной рифовой стены, у меня возникает ощущение полета над горной долиной. Внизу на дне лежат акулы. Над ними проплывают грациозные орляки, похожие на больших птиц. Пронесются быстрые тунцы в поисках добычи. Кажется, можно спокойно опуститься к ним, ведь до них каких-нибудь двадцать метров. Но возникающее тревожное чувство напоминает – это смертельно опасно! Глубже сорока метров наступает азотное опьянение. Человек испытывает возбуждение, беспричинную веселость, нарушается память, возникает головокружение. Пловец теряет чувство верха-низа. Появляются слуховые и зрительные галлюцинации. При более глубоком погружении возникает еще более опасное отравление – кислородное. Возможны судороги, конвульсии, обмороки и потеря сознания. Недавняя гибель трех аквалангистов во французской Полинезии говорит о сознательном пренебрежении запретами. Они опустились в глубоководную пещеру на глубину 60 метров с баллонами со сжатым воздухом. Малейшая паника или отклонение физического состояния пловца от нормы ведет к гибели, что и произошло. При глубоководных погружениях используются специальные дыхательные смеси.

В январе 2017 года Василий Калашников пригласил нас на Филиппины принять участие в дайв-туре. К нему должны были приехать друзья-дайверы из Казахстана. Мы с женой с удовольствием присоединились к их компании.

Туристический сезон начинается на Филиппинах с ноября, когда ливневые дожди идут на спад, и тянется до апреля,

когда вновь приходят дожди, циклоны и тайфуны. Но, к нашему удивлению, в январе, обычно сухом, ливни шли практически не переставая. Из разверстых небес на землю обрушивались настоящие водопады. При температуре плюс двадцать шесть градусов и влажности девяносто восемь процентов невозможно было просушить одежду и обувь. Солнца я не видел в течение нескольких дней и с ностальгией вспоминал о своем родном крае – Кыргызстане, где почти круглый год синее небо и яркое солнце.

Для дайвинга дождь – небольшая проблема. Под водой всегда мокро. Но отсутствие солнечного света превращает подводный мир, в котором и так нет теплых цветов (красный цвет поглощается уже глубже пяти метров), в мрачное сумеречное царство. Волны во время шторма поднимают взвесь и ил со дна, ограничивая видимость до нескольких метров. Беснующее море вздымает двухметровые гребни волн, норовя опрокинуть утлое суденышко. Однажды мы даже не смогли вернуться назад в дайвинг-центр. Шхуну морякам пришлось держать носом к волнам, и нам удалось подойти к нашему острову только с подветренной стороны в двенадцати километрах от дайв-центра, в котором мы жили. Добирались потом мы до него на машине. В памяти остался восторг от мощи разбушевавшейся стихии, пугающее поскрипывание деревянных частей шхуны, собранной без единого гвоздя, только с помощью эластичных подвязок, глиссирование суденышка вниз по волне и взлет на очередной гребень. Добавьте к этому тропический ливень и летящие клочья пены от удара носовой части лодки в приближающийся вал – это похлеще американских горок!

Конечно, память хранит и положительные эмоции. Например, удивление и восхищение от увиденных природных или рукотворных красот.

Как-то мы с женой специально поехали на индонезийский остров Бали, чтобы увидеть гигантских мант и рыбу-луну. Встречи состоялись и не разочаровали нас! Благоговение перед удивительным созданием охватило меня, когда я впервые увидел выплывающий из-за скалы огромный силуэт морского дьявола. Широко открытый рот, сквозь который видны полоски жаберных щелей, распластанные крылья, напоминающие американский самолет-стелс, передние плавники, похожие на два широких клюва, и медленные изящные взмахи крыльев-

плавников. Еще больше меня поразил вид рыбы-луны (латинское название ее – мола-мола, на английском – рыба-солнце) – поистине фантастическое животное! Длина плоского, почти круглого тела достигает трех метров, а высота четырех, вес же может превышать две тонны!

Мант мы встречали позже возле острова Папуа на архипелаге Раджи-Ампат. Каждая встреча была событием, но уже не вызывала таких чувств, как первая. Хотя изящество движения и грациозность полета морских великанов неизменно впечатляли.

Два года назад нам посчастливилось побывать на атоллах Мальдивского архипелага. Любое погружение в тропических водах переносит в чудесный мир кораллового рифа. Несмотря на небольшую площадь по сравнению с Мировым океаном, меньше 1%, на рифах живет 25% всех рыб, это около 8 тысяч видов! Яркие рыбы-бабочки, попугаи, клоуны, ангелы, хирурги, кузовки и триггеры – всех не перечислишь и в объемном словаре-определителе. Скаты и акулы, скорпены и мурены, змеи и черепахи, осьминоги и каракатицы, крабы и креветки, морские черви и моллюски, морские ежи и звезды – биологическое разнообразие на рифах – настоящий праздник жизни. Недаром рифы называются «райскими садами». Дайвер попадает в первозданный мир, который существовал задолго до появления человека. К сожалению, площадь коралловых рифов стремительно сокращается. Изменяется климат, влияет на жизнь кораллов и человек. Специалисты говорят, что рифы могут исчезнуть к 2030 году. Это очень печально. Во многих странах люди охраняют коралловые рифы, объявляя их заповедными зонами, ограничивая посещение их дайверами и расширяя площадь рифов искусственно, создавая платформы для формирования кораллов.

Мальдивы – цепь атоллов в Индийском океане, каждый из которых состоит из нескольких островков – одно из любимых мест дайверов всего мира. Морских дьяволов мы встречали там почти при каждом погружении. Даже поплавали на поверхности в обществе стаи мант, не испугавшихся нашего присутствия. Но настоящее зрелищное представление они показали нам во время ночного погружения.

Мы жили и передвигались от острова до острова на корабле, специально оборудованном для дайв-сафари. Нас сопровождала лодка-зодиак, с которой мы производили погружение, и небольшое судно «доня», на котором стояли компрессоры

для заправки баллонов. Чтобы не нарушать наш отдых между погружениями, матросы отгоняли «доню» на некоторое расстояние и там включали шумное оборудование.

Перед ночным погружением капитан дал распоряжение установить мощный прожектор на корме корабля и направить его луч в глубь моря. Вскоре, привлеченные светом, в освещенном столбе воды закружились тысячи мелких созданий. Мы подождали еще около получаса. И вот на обильное пиршество пожаловала одна манта. Потом вторая, следом третья. Они выплывали головокружительные пируэты под водой, показывая свое белое брюхо. Планктона скопилось такое множество, что видимость значительно сократилась, но зато под нами кружило уже с пяток мант. Мы погружались прямо с борта корабля.

Меня окружило зеленовато-серое марево, сквозь которое слегка виднелся белый песок дна с темными пятнами кораллового рифа. Луч прожектора освещал большую площадь под кораблем, дальше был ночной мрак. Прямо подо мной проплыли темные спины двух трехметровых мант. Через мгновение они сделали сальто-мортале через голову, сверкнув белизной брюха и расщеперив жаберные щели, похожие на ребра.

Я поспешил погрузиться на дно, чтобы не мешать морским дьяволам пировать. Рядом, по границе освещенного круга, расположились другие дайверы. Они направили лучи своих фонарей вертикально вверх, чтобы привлечь к себе побольше планктона. Но эта стройная картина тут же нарушилась вторжением гигантских созданий. Лучи фонарей перекрещивались, сопровождая каждую из мант, сходились и разбегались в разные стороны. Над нами в бирюзовом полумраке виднелось яркое пятнышко прожектора, пробивавшееся сквозь насыщенную планктоном толщу воды, словно солнце сквозь легкую снежную пургу. И в этом светящемся мареве над нами парили, чуть не касаясь наших голов, морские титаны. Они круто разворачивались, едва выходя из освещенного пространства во мрак, вновь проносились над дайверами и, поднимаясь вверх к свету, совершали переворот через голову и опять устремлялись вниз. Мант было всего пять, но при таком бешеном танце казалось, что их не меньше десятка. Подводное представление воскресило в моей памяти сцену из фантастического фильма-боевика. Лучи фонарей были похожи на лучи прожекторов, шаривших в ночном небе в поисках неприятеля, а морские дьяволы, грациозно взмахивающие своими плавни-

ками-крыльями, – на фантастические летательные аппараты будущего. Сходство дополняли рыбы-прилипалы – словно прикрепленные к брюху аппарата ракеты. Каждую мантию сопровождали две-три рыбины, напоминавшие вытянутой формой тела торпеды или ракеты. Лишь широко открытые пасти чудовищ, фильтрующие воду и пожирающие массу планктона, разрушали эту иллюзию. Поражаешься удивительным формам жизни, созданным природой. Счастье, что еще есть на земле места, где можно вволю насладиться общением с первозданным миром.

Там же, на Мальдивах, но уже возле другого острова, мы наслаждались общением с акулами-няньками. Они ведут ночной образ жизни, прячась днем в укромных местах и подводных пещерах. Наши гиды прихватили с собой запасы мелконарезанной рыбы и разбросали ее на участке, который наверняка служит местом еженощного кормления этих акул. Няньки, питающиеся ракообразными и мелкой рыбешкой, совершенно не опасны для человека. Но вид трехметровых акул, а их собралось вокруг нас с десятков, внушал должное уважение. В пиршестве приняли участие и гигантские скаты-хвостоколы, более метра в поперечнике, бесцеремонно захватывавшие свою порцию корма.

Наблюдение за подобными природными картинами доставляет эстетическое удовлетворение. Ты наслаждаешься изящными формами созданий, порой поражающих воображение своей необычностью. Моя память сохранила то чувство удивления и восторга, охватившее меня, когда совершенно неожиданно из морской пучины передо мной появились две акулы-молота. Веретенообразное тело длиной около трех с половиной метров, мощные мускулы, длинный серповидный спинной плавник и глаза, разнесенные друг от друга более чем на метр выростами на передней части головы, похожими на молот. Для каких целей природа создала столь причудливое создание? Специалисты утверждают, что эти акулы предпочитают охотиться на скатов, которых прижимают своим молотом ко дну. Но молотоголовые акулы питаются любой рыбой, ракообразными и даже мелкими акулами, для охоты на которых их особенное строение головы совершенно не нужно.

Тогда акулы возникли из синевы вод, словно призраки. Подошли к нашей группе метров на пять, осмотрели нас и вновь растворились в мареве моря. Это произошло на Апориффе на Филиппинах.

Именно такие неожиданные встречи оставляют в памяти след. Они всплывают из подсознания, когда вспоминаешь то или иное место на планете. Географические точки на карте превращаются для тебя в живые воспоминания о пережитых эмоциях, приобретают вкус еды, которую ты там пробовал, наполняются ароматом цветов и растений, которые созерцал, запахом воздуха, отличного в разных местах – от горных вершин и могучих ледников, влажного и душного сумрака джунглей до свежего дыхания морского бриза. И перед мысленным взором проплывает калейдоскоп лиц людей, с которыми ты встречался во время путешествий. Горные пейзажи Альп, Памира, Тибета или Тянь-Шаня могут быть похожими, но народы, населяющие эти ландшафты, имеют разную культуру, менталитет и поклоняются разным богам. Знакомство с жизнью других народов – одна из прелестей путешествий.

Другая манящая сторона путешествий – единение с дикой природой, возникающее, когда ты попадаешь в заповедные места, где присутствие человека ограничено.

Я совершенно не понимаю тех людей, которые предпочитают смотреть на диких животных сквозь прицел карабина. К сожалению, человек – основная причина исчезновения многочисленных видов на нашей планете. Бизоны Северной Америки и тасманийский волк, слоновые птицы Мадагаскара и гигантские птицы моа Новой Зеландии, маврикийский дронг и странствующий американский голубь, дикий тур и морская корова – список животных, исчезнувших по вине человека, можно продолжать долго. Что заставляло человека убивать китов и дельфинов, палками забивать неуклюжих пингвинов и уничтожать тысячами слонов и носорогов? Голод? Отнюдь! Нажива – вот основной двигающий мотор человеческой цивилизации.

Я вспоминаю большие стаи чебака и другой рыбы в Исык-Куле. Ее безжалостно выловили люди, выгребая мелководистой сетью всю молодежь без остатка. Такой же участи подвергся и Сон-Куль, некогда славившийся своим рыболовным хозяйством. На его берегах в позапрошлом веке гнездились сотни тысяч горных гусей. Народ телегами вывозил оттуда яйца. Теперь встретить горного гималайского гуся на озере – большая удача. Кому теперь интересны воспоминания о той дармовой яичнице? Что осталось в памяти браконьеров, без усталости выживающих остатки рыб из озер? Видимо, лишь сожаление, что источник дохода иссяк.

«Настоящие» охотники отнюдь не гонятся за наживой. Им важнее личная слава. Вспомним эрцгерцога Австрии Франца-Фердинанда, из-за убийства которого началась Первая мировая война. Он слыл хорошим охотником. В его замке была коллекция из 300 тысяч охотничьих трофеев! Его обошел лишь один британский маркиз. В его собрании – 556 818 голов дичи! Известно, что только за один день охоты маркиза и его гостей было добыто 1 300 куропаток! Это сколько же зверья тогда бегало и летало по лесам Европы?!

В советское время в Сары-Челекском заповеднике поселили зубров, рассчитывая на то, что они приживутся в новом месте. Никто так никогда и не спросил после, куда они исчезли. Или почему под водой заповедного озера так много затонувших сетей и мормышек.

И в который раз у меня в памяти всплывает дайв-сафари по Мальдивам.

Наша «доня» бороздит прибрежную зону одного из островков. Капитану сообщили, что здесь недавно наблюдали китовых акул. Мы с женой встречали их на Филиппинах на островах Южное Лейте и на Себу. Тем не менее мы были бы рады новому свиданию с этими морскими гигантами.

На море волнение. Вся группа сидит наготове в гидрокостюмах, в ластах, с масками и трубками в руках. Разрешено плавать только по поверхности, чтобы не нарушать течение жизни великанов моря. Суденышко бросает на волнах, и у меня в голове бьется тревожная мысль: как плавать на поверхности в такую волну? Но, к сожалению, а возможно, и к счастью, акул мы тогда так и не нашли.

Через час поиска решено было провести погружение на рифе. Все шло как обычно: завораживающая жизнь кораллового царства, множество рыб, осьминоги, моллюски. Уже в конце погружения я непроизвольно оглядываюсь назад в «синьку» и вижу замечательную картину: две группы дайверов увлеченно исследуют склон кораллового рифа, а мимо них на расстоянии метров тридцати в направлении нас, третьей группы, величественно скользит гигантская китовая акула. Ее никто не видит, так как к ней обращены лишь спины пловцов.

Раздался сигнал – акулу заметил и гид нашей группы Марк. Он, не переставая трезвонить в колокольчик, срывается с места и плывет наперерез монстру. Я устремляюсь вдогонку.

Китовая акула, несмотря на замедленные взмахи хвоста,

быстро приближается. И вот я плыву прямо под ней. Я переворачиваюсь и вижу белое брюхо, исполосованное небольшими шрамами. Несколько рыб-лоцманов головными присосками прикрепились к нему и следуют за акулой пассажирами-зайцами.

Оборачиваюсь назад. Остальные дайверы пробуют догнать морскую великаншу, но это им не под силу. У нас с гидом был запас времени, пока акула приближалась к нам. Марк плывет рядом с акулой, сбоку. Еще несколько минут, и мы тоже отстаем, выбившись из сил. Сколько мощи в этом неторопливом движении гигантского хвоста! Говорят, что ударом хвоста китовая акула может перевернуть лодку или травмировать человека. Минута, и акула растворяется в морской синеве.

Спасибо ей за это незапланированное свидание!

Сколько было странствий и сколько было подобных неожиданных и удивительных встреч! Память о них зовет в новые путешествия. Столько еще неизведанных мною дорог. Да и те места, где я бывал, всегда преподносят все новые и новые сюрпризы. Жить одними воспоминаниями невозможно. Для нас ведь существует только настоящее.

«Via est vita – дорога есть жизнь!» – утверждали древние римские философы. Я абсолютно согласен с ними, предпочитая, правда, читать это изречение наоборот – «Жизнь – это дорога».

Остановка на ней возможна только в конце пути.

***КРИТИКА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***

ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ ПРЕХОДЯЩЕ

В этом году большому русскому поэту Кыргызстана Александру Никитенко исполняется 70 лет. К великому сожалению, он не дожил до своего юбилея, но его искренние мудрые поэтические строки живы и будут жить еще многие десятилетия, будоража сердца и умы ценителей настоящей поэзии.

Александр Никитенко не только постоянный и любимый автор «Литературного Кыргызстана», немало творческой энергии и сил он отдал служению нашему журналу в качестве редактора отдела, а затем – ответственного секретаря редакции. Публикации его стихов всегда были и остаются значительной вехой в поэтической рубрике нашей редакции.

Мы предлагаем читателям небольшой фрагмент из только что вышедшей книги «Тень птицы», подготовленной верной соратницей и вдовой Поэта Любовью Никитенко.

Редколлегия «ЛК»

ПРИВЕТ ИЗ ВЕЧНОСТИ

*Годы пролетели... И все же он всегда рядом – в своих
книгах, строчках, хохмических перевертнях...
Но не дотянуться, не разглядеть, а во снах улыбается
растерянно и молчит...
Он всегда жил еще где-то – не здесь,
в «своей Вселенной»...
Наверняка туда и отправился. Пусть там ему
будет хорошо...*

Самые откровенные воспоминания о Саше Никитенко – это его стихи. Лучше, точнее, ярче вспоминать просто не получится – «красок не хватит и слов не накопится...» Потому и занимают они (стихи разных лет) большую часть книги.

Я часто перелистываю его поэтические сборники, в которых вся наша жизнь, наполненная смыслом, чувствами, ощу-

щениями. В них он жив, и мы снова вместе бродим по нашим любимым тропинкам в парке.

В его стихах открывается его душа – грустная и удивительно нежная.

Так стала рождаться идея создания Сашиной книги, в которую я стала отбирать из книжек разных лет свои самые любимые стихотворения.

Вспоминались и переживались разные моменты.

Случались и перестройка, и развал Союза, и безработица, а вместе со всем этим – развал прежней системы издательств, издания книг. Тогда пятая по счету книжка его стихов вышла в 1991 году. А дальше – провал.

Метался. Писал «в стол». В отчаянии казалось, что никому и никогда уже не будут нужны книги, тем более стихи... Спасала природа, в которой он всегда находил мудрость и успокоение:

*Сохранились уголки природы,
Где таят задумчивые воды
Глубину распахнутых небес,
Отсветы бросающих на лес.
Там душа стихает понемногу
И выходит напрямую к Богу,
Полная внезапной тишины
Посреди разрухи и войны.*

1997 г.

И как-то после очередных сожалений по поводу накопленных «в столе» рукописей Вячеслав Шаповалов на правах старинного друга и Сашиного однокашника посоветовал мне: «...А ты возьми рукописи и потихоньку набирай на компьютере, а там... видно будет, времена меняются...» Я уговорила Сашу дать мне часть рукописей и начала набирать. Время спустя Вячеслав Иванович посмотрел набор и написал предисловие к книге без названия. Так мы подтолкнули Никитенко к изданию «Некто я», которая увидела свет в 2005 году после огромного, 14-летнего перерыва. Это была ни с чем не сравнимая радость – счастье для него и всей нашей семьи.

Плотину прорвало. Идеи стали рождаться все чаще. В следующие годы написано много нового, потому что издание очередной книги – это ступенька для следующего шага вверх, к новой высоте.

Жизнь разворачивалась своей светлой стороной.

Уже в следующем, 2006 году при поддержке спонсоров из числа друзей он издал уже две книги – «Зимняя радуга» и «Переворачиваю мир».

«Переворачиваю мир» – особенная книга и особенная радость, осуществленная мечта. Его «находки» в перевертнях много лет веселили нас, смешили до слез даже отдельные фразы (чуя меня, не мяучь / мала каска аксакалам / молодила валидолом / на вас саван / зрю гюрз / и из нетерпежа даже претензии). Тогда, впервые собрав воедино все «найденные» фразы и поэмки из перевертней, он сам был удивлен таким объемом проделанной работы (почти 15 печатных листов, 220 страниц).

На таком творческом подъеме писалось легко и много, а впереди была вечность:

*Ярись! В неведомое рвись,
Плюнь на обыденность и вещьность.
Стрижами выстрижена высь –
Ультрамариновая вечность.*

2008 г.

За девять лет изданы 15 книг. «...Я четыре книги сделал за год. Лягу в землю – то-то отдохнешь!» – написал он своей Музе.

Саша торопился и успел опубликовать все, что его волновало и заслуживало внимания.

Перешагнув порог этого мира, он не исчез, ведь его строчки – его памятники.

Эта новая книга – своеобразный привет Саши из бесконечного далека всем друзьям и почитателям. Прикоснитесь к нему снова. Саша так любил вас всех!

**Любовь НИКИТЕНКО,
вдова Поэта.**

Александр НИКИТЕНКО

МИНУС ЖИЗНЬ

ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

Как в карманах старенькой фуфайки,
В памяти пороюсь и найду
Уток, задремавших на лужайке,
Запах мяты вечером в саду.
Луч осенний на макушках вишен,
Скрип калитки, первый робкий снег.
Голос мамы, что теперь не слышен,
Но не позабудется вовек.
Пианино черное в раймаге,
Чей-то вздох по поводу цены.
Куст паслена за селом в овраге.
Детство на земле после войны.

1978 г.

Слишком часто кричат о России,
Признаются в любви на миру!
Сокровенные чувства простые
Облекая порой в мишуру.

Нас Россия, как добрая мать,
Как любимая, слушать готова.
О любви ей не надо кричать,
Ей достаточно тихого слова.

1977 г.

НА ЗАКАТЕ

Та река, словно светлое зарево.
В полземли полыхает вода!
А иначе большие глаза его
Не нашли бы ее никогда.
Но седеет его борода,
Кто-то серый ночами мерещится.
А вода, заходя в невода,
Тяжелеет, ленивее плещется
И, когда с невысоких запруд
Тянет ветер, теплея за хатами,
Засыпает в обнимку с закатами,
Широко расплескав изумруд.

Тишина в этой дальней обители.
И толкутся, слегка перебрав, –
Слышно – левобережные жители
С перебранкою у переправ.

А бывшее, как чья-то ирония.
И теперь не понять в полусне:
То село – оно потустороннее
Или просто на той стороне...

1970, 1978 гг.

ХУДОЖНИК

Вот на лугу пасутся кони.
У них глаза, как на иконе!
А жеребенок близ кобылы
Улегся, трепетный и милый.

Его, играя, нежит ветер.
Еще неопытен и дик,
Он всех детенышей на свете
Напоминает в этот миг.

А мать, торчком поставив уши,
Пытливо смотрит на меня.
И словно молит лик коня:
Зачем ты наш покой нарушил?

Зачем твой взгляд исполнен муки?
Ты хочешь истину найти
И на холсты перенести
Вселенной запахи и звуки?

Живую душу не насилуй,
Ряды глупцов собой не множь!
И минет, господи помилуй,
Тебя спасительная ложь.

1973, 1978 гг.

НАСЛЕДСТВО

На этажерке две-три книжки.
Визжит в свинарнике свинья.
Кричат на улице мальчишки.
Так начиналась жизнь моя.

Летали совы над садами.
Отец пришел с большой войны.
Я помню мать с ее трудами,
С зажимком первой седины.

А с фотографий, не мигая,
Смотрела тихо на меня
Ее семья – совсем другая -
Войной убитая родня.

Я рос, весной скакал по лужам.
По вечерам листал альбом,
Где мать с детьми и первым мужем
Сидели дружно вчетвером.

И сквозь раздольный праздник детства
Меня догадкой смутной жгло,
Какое трудное наследство
Ко мне от мамы перешло

1987 г.

Был Бунин строг. Есенин весел,
Всесилен Пушкин, словно Бог.
И звуки их нетленных песен
Мне направляли лад и слог.

Двадцатый век зловонный смог
По небесам моим развесил,
По городам земным и весям
И по артериям дорог.

С почти есенинской улыбкой
Соединяю связью зыбкой
С былым и милым – наш прогресс.

Не сберегли, а ведь могли же!..
И Бунин старится в Париже...
И целит в Пушкина Дантес...
1988 г.

Улетели соловьи и скворки.
И поют метели за окном.
Прикурю от газовой конфорки -
Хрустнет чуб, прихваченный огнем.

Чайник, словно Соловей-разбойник,
Все свистит и крышкой дребезжит.
И в душе, как в комнате покойник,
Юность отшумевшая лежит.
1988 г.

Из лирики последних лет:
Последний сон. Последний свет.
Последний день. Последний час.
Последний взгляд в последний раз.
1997 г.

Вспомним всех – своих и прочих.
Сколько их в земле зарыто!
Между датами – лишь прочерк,
Будто штрих метеорита.

Кто летел? Куда? Откуда?
Вечный путь из тьмы во тьму.
Много вымершего люда.
Много вслед идет ему.

Спят, забвеньем обрстая.
И под святостью креста
Только черточка простая –
Минус, прочерк, пустота...
2005 г.

Спасибо, что есть неизбежность
Друг друга учить наизусть.
Нежнее меня только нежность.
Грустнее меня только грусть.
2008 г.

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Я уходящая натура.
По рубежу
Ушли наука и культура.
Я ухожу.

Прощально свечи закадили.
Не зря я жил:
Когда другие уходили,
Я к вам спешил.

Когда вам уходить присплет
В полубреду,
Моя душа вас вновь согреет.
Я к вам приду.

Все в этом мире преходяще.
Но, может быть,
К ушедшим вам я буду чаще
Приходить.

2009 г.

Кратко об авторах

АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав

Родился в Беларуси в 1947 году в семье офицера Советской армии. Живет в Кыргызстане с 1954-го. Окончил Кыргызский государственный университет по специальности «экспериментальная физика». Командовал два года мотострелковой ротой в Советской армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книг «Азиатские белые горы», «Алеет Восток» и др.

АЩЕУЛОВ Дмитрий

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999-м стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

БОНДАРЕНКО Олег

Родился в 1960 году на Украине. Окончил Донецкий госуниверситет, работал в системе Госбанка СССР на Сахалине и Южных Курилах. С начала 1990-х постоянно проживает в Бишкеке. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером ряда частных компаний. С 2010 года — исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана. Параллельно разработал и запустил проект www.literatura.kg – цифровой многоязычной библиотеки про-

изведений отечественных авторов, является ее главным редактором. Член Национального союза писателей КР. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», Lettres Russes, «Новая литература» и др. Автор книг «Неизвестные Курилы», «Философия выживания этноса», «Однажды во Вселенной», «Одни» и др.

ДАТКАЙ Сергей

Автор, исполнитель, поэт и композитор. Тридцать лет с гитарой. Режиссер и сценарист кино, снял три документальные ленты. Пейзажист-абстракционист, художник. Писатель.

ЗАРИФЬЯН Анэс

Родился в городе Фрунзе в 1946 году. Окончил Киргизский госмединститут. Ученый-физиолог, профессор, академик Международной академии информатизации, профессор Российской академии естествознания. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУКе, КРСУ. В настоящее время – завкафедрой нормальной физиологии и декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 19 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных еще в советские времена Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше голову!»

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 1980-х годах вел в нашем журнале рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...»

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru

В 1989-м был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана. Заслуженный деятель культуры Кыргызстана, кавалер ордена «Данакер» и медали «Даңк», почетный гражданин Бишкека.

КАДЫРОВ Виктор

Родился в 1955 году в городе Фрунзе. Окончил Политехнический институт по специальности «инженер-электрик». С 1992-го работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг о природе, об истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе кыргызских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля» и др.

КАРАХАНИДИ Константин

Доцент, кандидат филологических наук, завкафедрой «Организация работы с молодежью и развитие русского языка». Окончил КГНУ им. 50-летия СССР. Педагогический стаж – более 35 лет. Ведет практический курс русского языка для студентов технических специальностей в КГУСТА им. Н. Исанова. Читает курсы лекций «Теория литературы», «История русской критики», «История русской литературы». Автор более 40 научных публикаций, рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане».

КРЯЧУН Александр

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968-м окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974-го по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

МИЛОХОВА Ксения

Родилась в 1996 году в селе Чалдовар.

Начала писать стихотворения с четырех лет. В 9-м классе стала единственным русскоязычным поэтом, занявшим первое место в районном конкурсе поэзии памяти Алыкула Осмонова. В 2017 году заняла второе место на международном конкурсе поэзии «Новые голоса» в направлении «Лирика философской направленности» и ее произведения были напечатаны в конкурсном сборнике стихотворений.

Помимо написания стихотворений, Ксения – журналист информационного агентства Kaktus.media. Основные сферы, которые она освящает, – культурная и социальная стороны жизни в Кыргызстане.

РЫСКУЛОВ Акбар

Родился в 1953 году в Кеминском районе. Окончил Кыргызский госуниверситет. Трудовую деятельность начал в 1975-м, работал в газете «Ленинчилжаш», аппарате правления писательского союза. С обретением независимости Кыргызской Республики перешел на госслужбу, а затем на дипломатическую работу.

Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. В 2014 году был избран председателем Национального союза писателей КР.

ТАЛЫБОВА Алина

Коренная бакинка, по профессии педагог английского языка. Стихи пишет с детства, первая публикация состоялась в конце 1990-х. С этого времени регулярно печатается в различных республиканских изданиях, а также на страницах журнала «Литературный Азербайджан» - органа Союза писателей республики, крупнейшего и старейшего (выходит с 1931 года) литературного журнала на русском языке.

Работает как в жанре оригинальной поэзии, так и поэтического перевода. В ее активе – многочисленные переводы азербайджанских поэтов, классической и современной английской и американской поэзии, словацких, грузинских авторов.

С 2000 года – член Союза писателей Азербайджана и Союза журналистов Азербайджана. В 2001 году вышел из пе-

чати первый сборник «99-й год». В 2006-м – второй сборник стихов и переводов «Притяжение небес». Третий (тематический) сборник – «Московская баллада» – в 2010-м, предисловие Р.Казаковой).

Активно присутствует в журналистике, выступает на страницах различных местных и зарубежных СМИ со статьями на социальные и культурные темы, многочисленными интервью с деятелями культуры. Обладатель «Золотого пера» - высшей журналистской премии республики (2013).

Корректурa Елены Дойниковой

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой

Подписано в печать 16.04.2018 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 22